

Дмитрий Мануйлов

ЭЛЕМЕНТАЛИ. ТОМ 2.

Сила стихии

Любая сила приносит своему обладателю новые опасности. Игорь не стал исключением из этого правила.

Он наконец овладел силой своего элемента, однако последствия оказались гораздо серьёзнее, чем он мог себе представить. Теперь Лазарев по уши втянут в водоворот событий, способных утянуть на дно любого, кто не сможет выдержать давления. Причём давление это иногда приходит с совершенно неожиданных сторон. Семьи и Дома, банды и СЗГ — вопросов у Игоря гораздо больше, чем ответов.

И главный из них — как понять, кто действительно на твоей стороне, а кто просто преследует свои интересы?

Глава 1

Говорят, на следующий день после попойки голова наполняется неповторимыми ощущениями. Алкогольные возлияния не проходят для организма бесследно, заставляя переполненное этиловым спиртом тело страдать от похмельного синдрома. За вечернюю эйфорию приходилось платить утренними мучениями.

Игорь никак не мог ума приложить, за что приходится платить ему.

Алкоголя он не употреблял по принципиальным соображениям, и вчерашний день не стал исключением. Однако голова всё равно гудела так, как будто он в одиночку выжрал целую бочку дешёвого портвейна. Игорю, конечно, не с чем было сравнить, но представлял он ощущения от перепооя примерно так. И что самое худшее — найти этому сколь-нибудь подходящее объяснение ему не удавалось.

Да, его били, но это далеко не первый случай в жизни Игоря, когда ему крепко доставалось. Да вспомнить хотя бы его первую схватку с Глазуновым — Лазарев тогда едва мог ходить! Однако сейчас он и вовсе вряд ли смог бы перемещаться самостоятельно. Даже если бы с него сняли наручники.

Цепи, надёжно приковывающие Игоря к стене, совсем не соответствовали современному миру. Выглядели они так, будто ушлый тюремщик украл реквизит из какого-нибудь захудалого театра. Если, конечно, во второсортных постановках могли использовать кандалы с родиём.

Помещение Игорь осматривал одними глазами: малейшее движение головой вызывало в висках резкую пульсирующую боль. Поэтому Лазарев старался шевелиться как можно реже. Это получалось легко — сил на активность всё равно не оставалось.

«Ну, могло быть гораздо хуже», — мысленно постарался успокоить себя Игорь. — «По крайней мере, выжил».

Впрочем, пока нельзя было точно сказать, можно ли было считать это плюсом: существует немало способов сделать жизнь пленника невыносимой. Молодой элементаль очень медленно повернул голову.

Обстановка помещения была достаточно скудной. Пыточных инструментов, которые так опасался увидеть Игорь, не обнаружилось, однако обстановка и без того была достаточно мрачной. Замшелые грязные стены, низкий потолок и решётка из металлических прутьев, за которой располагался коридор — в общем, ничто здесь не настраивало на оптимистичный лад.

Что удивительно, вскоре ему принесли вполне нормальную еду. Незнакомый Игорю плотный мужчина нервно подтолкнул тарелку и кружку сквозь решетку. Пища, хоть и успела порядком остыть, тем не менее не производила плохого впечатления: картошка и несколько кусков мяса, обычная еда с общего стола. Никто не собирался морить Игоря голодом или кормить его тюремной баландой. В кружке была вода. Судя по виду — чистая.

Один только запах еды разбудил в Лазареве дикое чувство голода. Последний раз он ел ещё в больнице и теперь небезосновательно подозревал, что с тех прошло не меньше суток. Желудок нарастающим бурчанием подтвердил мысли своего хозяина, и Игорь, отложив размышления на потом, дрожащими руками подтянул тарелку к себе.

Он ел как животное. Давясь и чавкая, запихивая в себя куски и глотая их, практически не пережевывая, Игорь с наслаждением погрузился в процесс поглощения пищи. Поэтому не

сразу заметил, что его одиночество нарушено.

– Эй! Эй, ты меня слышишь?

Игорь вскинул голову. Перед ним, сразу за металлическими прутьями стояла та самая девочка, которой он помог сбежать с атакованного склада. Соня, дочь Филиппа. Почти касаясь носом решётки, она широко раскрытыми глазами изучала Игоря.

– Привет.

– Привет, – ответил Игорь и ужаснулся тому, как грубо прозвучал его голос. Звук был такой, словно кто-то провёл по скале костью. Сухой, неприятный скрежет пересохших связок. Лазарев припал к кружке с водой.

Тем временем Соня обратилась к мужчине, который принёс Игорю еду. Про себя молодой элементаль уже окрестил его тюремщиком.

– Открой мне, – негромко, но твёрдо попросила девочка.

– Скрипач не говорил... – начал было тюремщик, но Соня тут же бесцеремонно оборвала его:

– Скрипач, – в тонком голосе девочки прорезались язвительные нотки, – Отправил меня осмотреть пленника и обработать его раны. Мне передать Скрипачу, что я не смогла этого сделать, потому что ты меня не пустил?

Тюремщик думал недолго. Маленькие глазки метнулись в сторону Игоря, который ни одним жестом не показывал, что внимательно прислушивается к их диалогу.

– Проходи, – наконец решившись, мужчина подошёл к двери и зазвенел ключами. Раздался протяжный скрип несмазанных петель. Тюремщик безапелляционно заявил: – Но я вас закрою.

Соня фыркнула, выражая своё отношение к предупреждениям мужчины, и, не удостоив его даже взглядом, прошла внутрь. Похоже, девочка не была рядовым членом группировки Скрипача: иначе как подросток мог бы вести себя столь нагло рядом со взрослым бандитом?

Дверь с лязгом захлопнулась, отрезая камеру от внешнего мира. Игорь ленивым взглядом проследил за тем, как полноватый силуэт тюремщика, переваливаясь с ноги на ногу, отдалялся от решётки. Мужчина казался достаточно неуклюжим, но для Лазарева это ничего не меняло: цепи с родиём удерживали его гораздо надёжнее любой охраны.

– Выглядишь так себе, – вынесла вердикт Соня.

Девочка стояла, склонив голову набок и внимательно изучая Игоря. Русые волосы, отросшие чуть ниже плеч, неаккуратно обрезанной копной спадали на джинсовый воротник модной куртки, скрывающей худобу и угловатость подростковой фигуры. На остром носике виднелось крохотное пятно от чернил.

– Но, наверное, могло быть и хуже, – Соня присела на корточки возле Игоря. Она совсем его не боялась: уже сейчас девочка была к нему достаточно близко, чтобы элементаль, даже будучи скованным, мог схватить её и убить на месте. Но Лазарев и подумать не мог об убийстве ребёнка, и Соня об этом знала.

– Могло, – голос Игоря по-прежнему был хриплым, но с каждым словом говорить ему было всё легче. — Всегда может быть хуже.

– Наверное, ты прав, – совсем по-взрослому согласилась Соня. — Давай-ка я тебя осмотрю.

Дождаться согласия Игоря она не стала. Поднявшись на ноги, девочка принялась точными движениями указательного пальца чертить в воздухе непонятный узор, от сосредоточения поджав и без того тонкие губы. Следом за её движениями перед Игорем

возникал рисунок из полупрозрачных серебристых линий. Лазарев с удивлением понял, что это руна. Сложная в исполнении, она была незнакома Игорю, полностью зазубрившему список общедоступных рун. Видимо, девочка прошла более углубленное обучение.

Не по-детски серьёзные карие глаза прищурились, рассматривая зависший в воздухе узор. Игорь не понимал, что происходит, но не рискнул спрашивать — Соня выглядела слишком сосредоточенной.

— Ну в целом, ничего страшного, — наконец сказала девочка, взмахом руки развеивая руны. — Злоупотребление стихийной силой, резкий скачок за границы собственных возможностей — твои действия неслабо ударили по организму, — у Игоря складывалось стойкое ощущение, будто ребёнок его отчитывал, — Наверное, чувствуешь себя так, будто тебя каток переехал?

— И не раз, — невесело подтвердил Лазарев.

— Последствия перегрузки тела энергией элемента, — констатировала Соня, сопровождая кивками каждое своё слово. — Не беспокойся: ничего критичного и необратимого с тобой не случилось. Да и в целом для человека, столкнувшегося одновременно с четырьмя главами банд, ты удивительно здоров, — девочка немного нервно хихикнула, — Всего лишь надрыв связок ноги и несколько десятков ушибов. Тебе очень повезло!

Говорить о том, что связки были повреждены задолго до того, как его схватили, Игорь не стал. Вместо этого он решил спросить:

— Четыре главы банд? Кто это?

Соня чуть приподняла брови:

— Ты работаешь в СЗГ, но не знаешь тех, кто возглавляет группировки? Серьёзно? Вас вообще готовят?

Отвечать на этот выпад Игорь не стал, продолжая немигающим взглядом смотреть на собеседницу. Наконец подросток сдалась:

— Ладно, это не моё дело. На тебя напали Карп, Бык, Броненосец и Болото. Думаю, кто есть кто, ты поймёшь и сам.

Что удивительно, Игорь действительно понял. Карпом был одноглазый элементаль, который напал на Лазарева первым и пытался прикончить в конце, когда его остановил Скрипач. Бык — невероятных габаритов мужчина в гранитном доспехе. Броненосец — очевидно, тот, кто покрывался пластинами из хитина.

— А Болото — это..?

— Та женщина, которая тебя схватила, — неприязненно поморщившись, пояснила Соня. Кажется, Болото не слишком ей нравилась. — Она — грязь, — в последнем слове девочка умудрилась выразить не только стихию женщины, и своё к ней отношение.

— Она возглавляет банду? — удивился Игорь. По его мнению, руководство преступной группировкой возглавляло список профессий, не подходящих женщинам.

— Сейчас — да. Поэтому банду и переименовали в «Болото». Раньше она называлась «Двуглавой гидрой», — с готовностью поделилась Соня. — Ей управляли две женщины, которые, по слухам... — девочка покраснела, но всё-таки договорилась, — были вместе друг с другом.

— А почему именно гидра? — быстро перевёл тему Игорь.

— Потому что в банде нет и никогда не было мужчин. А женский коллектив — это тот ещё... — Соня неопределённо повела рукой в воздухе, подбирая нужное слово.

— Серпентарий?

— Что такое серпентарий?

— Змеиный питомник.

— Да, — подумав, кивнула Соня. — Женский коллектив — это серпентарий. Ладно, хватит об этом. Давай-ка мы тебя подлечим.

Игорь не стал возражать. Разговор хоть и отвлек его от боли в теле, но это вовсе не значило, что он перестал нуждаться в обработке ран. Впрочем, никаких медицинских средств у Сони он не увидел и теперь с интересом наблюдал за тем, что она будет делать.

— Начнём с ноги, — больше для себя, чем для Игоря, пробормотала девочка, поднимая руку. Быстрые взмахи рукой оставили в воздухе серебристый след в виде очередного узора, который Лазарев видел впервые. Повинуясь движению перепачканной чернилами кисти подростка, руна медленно подплыла к ступне Игоря и растворилась, будто впитавшись в неё. Боль не исчезла полностью, однако пульсация в ноге ощутимо ослабла, и пленённый элементаль с благодарностью посмотрел на свою спасительницу.

Соня хмурилась. Переводя взгляд с лица Игоря на его ногу и обратно, она с недоверием забубнила себе под нос:

— Нет, я не могла ошибиться... Но тогда почему... Так, попробуем ещё раз...

В воздухе появилась ещё одна руна — точная копия предыдущей — и тут же исчезла в районе ступни Игоря. Если до этого боль ослабла так, что он, пожалуй, смог бы даже ходить, то сейчас неприятных ощущений в ноге почти не осталось. Лазарев чувствовал себя примерно так же, как в момент выхода из медицинской части СЗГ.

— Да какого чёрта?! — совсем не по-детски выругалась Соня, топнув худой ногой по грязному полу. В воздух поднялись целые клубы пыли, и Игорь чихнул.

— Ой, прости, — тут же затараторила Соня, — просто мои руны почему-то слабо на тебя действуют. Не понимаю, в чём дело...

Игорь задумался.

— Возможно, я знаю, в чём причина, — наконец протянул он. Утихшая боль в ноге изрядно прибавила ему оптимизма, и Игорь был совсем не прочь поговорить. — У меня есть определённые... Трудности с использованием стихии. Один человек предположил, что это может быть связано с...

— Руной ограничения! — вскриком прервала его Соня. Тут же спохватившись, она продолжила, понизив голос: — Это действительно может быть причиной твоих проблем, да и моих тоже. Лечение проходит в несколько раз менее эффективно, чем если бы я помогала кому-то другому. Кстати, о лечении, — спохватилась девочка и вновь начертила в воздухе руны.

Игорь с удивлением понял, что больше не испытывает ни малейшей боли в ноге. Восстановление, которое должно было затянуться на месяцы, прошло за считанные минуты! Лазарев, конечно, слышал о том, что возможности талантливых рунистов необычайны, но и представить не мог, насколько.

Следующий начерченный подростком знак частично успокоил колокол в голове Игоря. Но для Сони это не прошло бесследно. Ноги подкосились, и ей пришлось опереться рукой о стену, чтобы не упасть. Девочка выглядела так, будто она только что вернулась с пробежки: она тяжело дышала, лицо блестело от выступившего пота.

— Достаточно.

Внезапно раздавшийся низкий голос заставил Соню резко обернуться. Дверь открылась

с протяжным скрежещущим звуком, и в камеру вошёл Скрипач. Игорь заметил, что никаких ключей у него в руках не было.

— С тебя на сегодня хватит. Отправляйся в свою комнату, — негромко, но твёрдо произнёс Скрипач, обращаясь к Соне.

— Но я ещё... — попыталась было возразить девочка.

— Хватит.

Разочарованно выдохнув, Соня не стала продолжать спор и вышла из камеры. Игорь и Скрипач остались наедине.

Лазарев упрямо вздёрнул подбородок, глядя в глаза главарю банды. Даже будучи скованным, он не собирался показывать слабость. Знал, что нельзя.

Тот, кто его пленил, был довольно молод. Лет тридцать-тридцать пять, вряд ли больше. Казалось, высокий рост был дан этому человеку лишь для того, чтобы ещё больше подчеркнуть его неестественную худобу. Коротко остриженные рыжие волосы непослушными вихрами вздымались вокруг скуластого лица со впалыми щеками. Длинный с горбинкой нос украшали редкие веснушки.

— Почему она из-за тебя надорвалась? — встретив взгляд Игоря равнодушными карими глазами, поинтересовался Скрипач.

Игорь не сразу понял вопроса.

— Что сделала?

— Надорвалась, — терпеливо пояснил главарь банды. Его низкий поставленный голос идеально подходил для того, чтобы озвучивать кино или аудиокниги. Игорь почувствовал легкий укол зависти. — Даже сильный рунист должен придерживаться определённых рекомендаций. Не больше пяти слабых рун. Не больше трёх средних. Не больше одной высшей руны в день. — слова Скрипача тяжёлыми камнями падали Игорю на голову. — Она создала больше рун, чем следовало, и тем самым перегрузила свой организм, стараясь излечить твой. Я спрашиваю, почему она это сделала?

Игорь не знал, что ответить. Да и что он мог сказать? «Я спас эту девчонку, когда защищал твою базу на складе и убил кучу твоих людей»? Бред. Но воспринимать молчание за ответ Скрипач отказывался, продолжая внимательно разглядывать Игоря.

— Не знаю, — наконец пожал плечами Лазарев.

— Ты не знаешь, — задумчиво повторил за ним Скрипач. — А между тем она всегда следовала правилам рунистов. Ни разу не делала исключений. Ни для кого. Для неё очень важно продолжать развивать свои навыки, а это требует серьёзной дисциплины. Понимаешь?

Игорь понимал, как никто другой. За то время, что он посвятил тренировкам, он успел осознать, что любой успех достигается за счёт всего лишь двух вещей: упорства и дисциплины. Ну и времени, конечно.

— Как ты сюда попал? — Игорь решил уйти от неудобной темы. Это не ускользнуло от внимания Скрипача. Он ухмыльнулся уголком рта.

«Где-то я уже видел подобную ухмылку», — подумал Игорь.

— Не так важно, не знаешь ты истинных причин поведения Сони или просто играешь со мной в молчанку, — неожиданно поделился с ним Скрипач. — Если бы мне требовалось разговаривать тебя — я бы это сделал, можешь мне поверить. Но в этом нет никакого смысла, потому что ты в любом случае надолго здесь не удержишься.

— Если собирался меня убить, зачем было защищать от Карпа? — прищурился Игорь.

– Убить? — из-за светло-рыжего цвета волос брови на лице Скрипача были едва заметны, но всё же Лазарев увидел, как они удивлённо вскинулись вверх. — Я не собираюсь тебя убивать. Если ты и умрёшь, то точно не от моей руки и не здесь. Твоей судьбой будет распоряжаться другой человек.

– Спасибо, со своей судьбой я разберусь сам, — отрезал Игорь.

Скрипач сочувственно покачал головой:

– Боюсь, Прометей так не считает. Не знаю, что ему от тебя нужно, но через пару дней он будет здесь и я передам тебя ему. Ничего личного.

Скрипач развернулся. Он был достаточно близко, чтобы Игорь, вскочив, смог до него дотянуться, но Лазарев не обольщался: шансов справиться с элементом такой силы у него нет. Уж точно не в родиевых наручниках. Напасть на Скрипача сейчас — верная смерть.

Дверь за рыжеволосым мужчиной закрылась, и расторопный тюремщик, повинувшись жесту хозяина, тут же запер её на замок, удерживая Игоря от необдуманных действий. Задумчиво посмотрев на остатки еды, молодой элементаль подтянул к себе тарелку.

Есть не хотелось, но Игорь заставил себя прожевать пищу. Если за ним идёт Прометей, ему понадобятся все силы, что у него есть.

Катя до сих пор не могла поверить, что осталась жива.

Когда Серёга заталкивал её в машину, пожирая фигуру девушки плотоядным взглядом, она с ужасом осознала, что её наверняка убьют. Выжившая жертва насилия была опасна: обратившись в полицию, она гарантированно упекла бы преступников в тюрьму. Серёга и Ваню, какими бы идиотами они не казались, наверняка это понимали.

— Давай, тащи её сюда!

Таня, находившаяся на переднем сидении, чуть ли не припрыгивала от радости. Её глаза возбуждённо светились, словно страдания другой девушки доставляли ей удовольствие.

Катя была в ступоре, всё ещё не отойдя от избиения человека, считавшего себя её парнем. Её силой уложили на заднее сиденье, грязные от мазута ногти оцарапали нежную кожу, с усилием стягивая джинсы с женских бёдер. И тогда Катя взорвалась.

Скопившиеся обида и страх превратились в ярость, заставив Катю ожесточённо сопротивляться. Девушка завизжала и истерично забилась под нависающим над ней Серёгой. Умудрившись отодвинуть его, Катя изо всех сил пнула бывшего парня между ног.

Серёга взвыл, упав назад и схватившись за промежность. Катя вскочила на ноги, на ходу подтягивая джинсы, когда к ней приблизился стоявший в стороне Ваню.

— Куда?! — закричал он, больше подбадривая себя, чем пугая Катю.

Девушка хлестнула его острыми ногтями по щеке, оставляя на ней длинные красные отметины. Тут она почувствовала, как тонкие руки схватили её сзади за шею. «Таня», — поняла Катя. Не целясь, она наотмашь ударила локтем назад, надеясь попасть в живот. Таня болезненно вскрикнула, руки разжались. Но время было упущено: Ваню, скорчив болезненную гримасу, схватил Катю за плечи и ударил её головой в лицо. Нос девушки взорвался болью.

Сквозь застилающие глаза слёзы Катя увидела, как, грязно ругаясь и обещая наказать «чёртову девку», с земли поднимается Серёга. Ей не удалось сбежать. Ваню с силой надавил ей на голову, запихивая девушку обратно в машину. На секунду отвлёкшись, он обернулся к Серёге:

— Залезай в машину с другой стороны!

Крепко удерживая Катю одной рукой, второй он принялся сдирать с её груди лёгкую кофту. Дверь над головой девушки открылась, и над ней навис Серёга, прожигая свой бывший объект обожания многообещающим взглядом:

— Ну что, сука, доигралась?

Он потянулся к бюстгальтеру Кати. Ваню тем временем освободившейся рукой боролся с собственной шириной. Катя в ужасе задёргалась ещё сильнее, но это не помогало.

Не так. Только не так. Не так!

Девушка была в отчаянии. Осознание собственного бессилия сводило с ума. Сердце бешено колотилось, грозя вырваться из-под рёбер. Серёга, разозлившись на неподатливую одежду, рывком разорвал девичью кофту.

В глазах Кати помутнело. Ей показалось, будто в машине на самом деле появились тонкие струйки едва заметного тумана. А потом руки Серёги ослабли, и он, бросив последний непонимающий взгляд на неудавшуюся жертву, рухнул прямо на Катю. Испытывая ужас пополам с отвращением, она с трудом спихнула с себя тяжёлое тело.

Давление на руки ослабло. Через секунду глухой удар где-то внизу оповестил девушку о том, что Ваню тоже перестал ей угрожать. Всё ещё дрожа, Катя посмотрела на подельника Серёги: со спущенными штанами, он упал лицом на грязный резиновый коврик машины и больше не подавал признаков жизни.

Голова Кати кружилась. Тело переполняла чудовищная усталость, такая, что ещё немного, и девушка готова была бы уснуть прямо в этой злополучной машине. Музыка так и не прекратилась, и всё же Катя была уверена, что полностью её крики она заглушить не могла. Однако на помощь никто не пришёл.

Выбравшись из машины, Катя первым делом осмотрела домогавшихся до неё парней. Пульса не было ни у одного из них. Удивительно, но смерть двух человек ничуть не тронула девушку: она лишь жалела о том, что ублюдки умерли быстро. На глазах Кати странный туман растворялся, втягиваясь в её тело.

— Ты... Ты что сделала... — Таня, стоявшая возле машины и наблюдавшая за разворачивающимися событиями, теперь во все глаза уставилась на Катю. Она не собиралась помогать ей, скорее, даже наоборот: прекрасно понимая, чего добиваются Серёга и Ваню, она была с ними, ожидая, как её парень с другом устроят для неё зрелище. Ничего не скажешь, хорошая подруга.

«Нет, не подруга», — мысленно поправилась Катя.

«Свидетель».

Откуда-то она знала, что делать. В глазах Тани возникло понимание, тут же сменившееся ужасом. Она развернулась, чтобы сбежать, но было уже поздно. Катя бросилась следом и прыгнула на спину Тани, сбивая её с ног.

Несколько секунд возни на земле — и Катя сидела на животе соперницы. Таня подняла заплаканные глаза, умоляюще глядя на девушку, которую совсем недавно называла подругой:

— Пожалуйста... Я ничего не сделала...

«Вот именно. Ты ничего не сделала».

— Тсс, — почти с нежностью протянула Катя, зажимая Тане рот. Всё получилось само собой: тело будто знало, что именно нужно делать. Из ладони Кати тонкими струйками заструился еле заметный дымок, мгновенно втянувшийся в ноздри Тани.

В жалобных глазах девушки что-то погасло. Брезгливо отерев испачканную слюнями руку о футболку Тани, Катя встала с обмякшего тела. Следовало немедленно отсюда убираться.

Осмотрев свою безнадежно испорченную кофту, Катя подошла к Серёге и с отвращением стянула с него олимпийку. На улице было холодно.

— Твой первый и последний подарок, — девушка с чувством плюнула труп в лицо.

События сменяли друг друга так быстро, что она не успевала их осознать. Только что она выходила из дома, чтобы предупредить Игоря о нападении, а уже спустя несколько минут, кутаясь в олимпийку набросившегося на неё парня, Катя быстро ретировалась из переулка. Машина с громкой музыкой и тремя бездыханными телами остались позади.

Из Верхних Норок следовало убираться. Трупы Серёги, Ваню и Тани наверняка скоро найдут, и тогда полиция непременно придёт за ней. Катя не была криминалистом, но прекрасно понимала, что её отпечатки пальцев повсюду на месте преступления. Объяснить, что жертвой вообще-то была она, вряд ли удастся.

Перед Катей остро встал вопрос, куда идти. Домой — нельзя, это первое место, где её будут искать. Девушка погрустнела: вряд ли отец заметит её пропажу, да и бабушка с

дедушкой хватятся далеко не сразу. В любом случае, дом — плохой вариант.

Ей нужно было место, где её не будет искать полиция. Возможно — место, где она сможет найти применение своим новым способностям. Катя зачарованно смотрела, как от её поднятой в воздух руки вверх устремились едва различимые струйки дыма.

Решение пришло само собой. Если оставаться в Верхних Норках было нельзя, значит, нужно перебираться в город. Там, по крайней мере, она сможет затеряться и выиграть себе время, чтобы решить, что делать дальше.

Остановка маршрутного такси, совершающего рейсы до столицы, была совсем недалеко. Катя достала телефон и посмотрела время. Если ускориться, она успеет на последнюю маршрутку.

В кармане олимпийки лежал кошелёк и кожзаменителя, и девушка, достав его, внимательно пересчитала деньги. Не слишком много, но всё же больше, чем было необходимо. Похоже, закончив с Катей, Серёга собирался заехать на заправку.

Водитель скучал. Стоя у переднего бампера маршрутного такси, он толстыми от ожирения пальцами сжимал сигарету, в его руках казавшуюся соломинкой. Маленькие свинные глазки смотрели на Катю недобро:

— Да куда ж вас несёт на ночь глядя? Я что, должен ехать из-за пары человек?!

— Да, сынок! — из двери маршрутки высунулась голова пенсионерки из тех, что особенно любят поскандалить. Редкие короткие волосы, покрашенные в лиловый, яростно колыхались в так словам старушки. — Ты должен сделать все запланированные на день рейсы, даже если с тобой поедет всего один человек! Так что садись в машину, пока я не пожаловалась на тебя в полицию!

Катя ума не могла приложить, причём здесь полиция, но на водителя это подействовало. Буркнув себе под нос что-то про сумасбродных бабок, он кинул бычок в ближайшую урну. Не попал, но поднимать не стал и грузно направился к водительской двери.

— Ну а ты чего ждёшь? — недовольно бросил он Кате. — Садись. Я ждать не буду.

Не теряя времени, Катя забралась в машину и вежливо поздоровалась с пенсионеркой. Та в ответ улыбнулась тонкогубым ртом и произнесла:

— Ох уж эти мужики, — нарисованные брови старушки забавно приподнялись вверх. — Совсем наглеют, если их вовремя не приструнить, а?

Катя кивнула, соглашаясь. Слова пенсионерки можно было считать девизом сегодняшнего дня.

«Бабуля, ты даже не представляешь, насколько ты права», — подумала Катя. Машина тронулась, и за окном набирающего скорость транспорта мелькнула дорога, уносящая девушку в новую жизнь.

Начало новой жизни было так себе.

Как минимум — хорошая жизнь не предполагает, что тебе некуда пойти. Только оказавшись на улице большого города, Катя наконец осознала: она понятия не имеет, что делать дальше. Её здесь никто не ждал, и податься ей было некуда. Впервые в жизни она осталась одна.

Стараясь не поддаваться подступившей панике, Катя медленно вдохнула. Выдохнула. Её окружали колонны автовокзала, каждую из которых опоясывали круглые лавочки из плохо оструганного дерева. Не самое удобное место, но выбирать не приходилось.

Тщательно выбрав себе наименее грязный участок, Катя аккуратно примостилась на неровные доски скамьи. У соседней колонны валялось не подающее признаков жизни тело в лохмотьях. Девушка с отвращением поморщилась: если этот человек действительно умер, то произошло это от передозировки этиловым спиртом.

Катя в очередной раз достала из кармана джинсов телефон, с тоской посмотрев на разбитый вдребезги экран. Последнюю модель гаджета не спасли ни чехол, ни девятимерное бронированное стекло, которое, по заверениям продавца, могло чуть ли не защитить от пули. Однако на практике дорогое устройство не выдержало испытаний сегодняшнего дня, и теперь дисплей мерцал перед лицом хозяйки разноцветными огнями, различить что-либо за которыми не представлялось никакой возможности.

«Итак. Телефон — сломан. Пойти — не к кому. Жить — негде. Что дальше, Екатерина Арсеновна?» — от нервного напряжения девушка начала говорить сама с собой. — «Так. Надо по крайней мере найти, где заночевать. А утром — отправлюсь в СЗГ, и там, глядишь, станет понятно, что делать дальше».

Карман снятой с несостоявшегося парня куртки оттягивал массивный кошелёк из кожзаменителя. Катя в очередной раз уныло пересчитала немногочисленные помятые купюры и невольно задумалась: зачем было покупать большой кошелёк для маленьких денег? Он бы ещё чемодан для монеток приобрёл.

Подняв себе настроение такими рассуждениями, Катя встала с лавочки, стараясь не зацепиться за торчащие из неё занозы, и бодрым шагом направилась к выходу с вокзала, когда её неожиданно окликнули:

— Ммм, мадму-а.... Мадмуазель, — наконец выговорил бомж, поднявшейся из-под соседней лавочки, — У вас не будет... Не... Прямо немножко... — пошатываясь, он сдвинул между собой обломанные, чёрные от скопившейся грязи ногти, показывая, насколько мало ему нужно, — Денеж... Ик! Жек, — в конце он тряхнул немойтой редковолосой головой, поставив таким образом точку в своём красноречивом обращении.

Катя неприязненно оглядела непрошенного собеседника с ног до головы. Несмотря на то, что мужчина плохо сохранился, он не был слишком стар. Все конечности были в наличии, а значит, он вполне мог худо-бедно заработать себе сам, не выпрашивая подачек у случайных прохожих. Он просто не хотел этого делать.

Девушка уже собралась было в грубой форме отказать исходящему перегарными миазмами человеку, когда неожиданно пришедшая в голову мысль заставила её остановиться. Она ведь совершенно не представляла, куда идти! А шатающийся перед ней мужчина вполне мог подсказать местоположение какой-нибудь дешёвой ночлежки. Как бы мысль о посещении такого заведения не претила девушке, свои финансовые возможности она оценивала адекватно.

— Дам сотку, если подскажешь, где здесь недорого можно снять номер на ночь.

— Тут... Надо бы двести, — предпринял бомж попытку поторговаться.

— Сто или вообще ничего, — бескомпромиссно обрубил Катя.

Мужчина поморщился, выражая своё недовольство, помедлил несколько секунд, но стоило девушке начать разворачиваться, чтобы уйти, как маска мецената мгновенно слетела с морщинистого лица:

— Тут неподалёку есть гостиница, — затараторил бомж, почувствовав, что может не получить даже сотни, — Прямо по улице, на втором перекрёстке — налево. Серое двухэтажное здание. Одноместный номер — восемьсот рублей.

Информация была исчерпывающей. Мысленно повторив продиктованный маршрут, Катя достала из кошелька сто рублей и протянула своему непрезентабельному гиду заслуженную купюру:

— Держи. Спасибо.

— Вам спасибо, красавица! — расцвёл бомж, пряча деньги в засаленный карман. — Счастья вам, здоровья!..

Дослушивать пожелания человека, радостно предвкушающего новую порцию алкоголя, Катя не стала. На улице давно уже было совсем темно, и девушке хотелось оказаться под крышей и в безопасности как можно скорее. Обернувшись в указанную мужчиной сторону, она быстрым шагом направилась к гостинице.

Старые здания, с двух сторон обступившие давно забытую, что такое ремонт, дорогу, бросали под ноги спешащей девушке недружелюбные тени. В каждом из редких потрёпанных кустов Кате чудилась опасность, заставляя передвигать ноги ещё быстрее. Для любой девушки ночные прогулки в одиночку были плохой затеей. А для красивой — вдвойне.

Однако на сегодня, похоже, дневной лимит неудач для Кати завершился, и по пути в гостиницу ей никто не встретился. Подойдя к двухэтажному строению с частично осыпавшейся облицовкой, девушка глубоко вдохнула, а потом недолго думая открыла дверь.

Первым, что бросалось в глаза, было освещение. Причём в буквальном смысле: доживающие свой век старые лампочки измученно мигали, раздражая зрение и вызывая желание проморгаться. Впрочем, сидевшая за покосившимся деревянным столом у входа женщина лет сорока, казалось, научилась этого не замечать, и Катя постаралась взять с неё пример.

— Добрый вечер!

Женщина неаккуратного вида оторвала хмурый взгляд от модного журнала, который читала, пока Катя не прервала её своим появлением. Смерив ночную гостью оценивающим взглядом, женщина недовольно тряхнула чёрной криво остриженной чёлкой, и наконец буркнула:

— Здравствуйте.

— У вас есть свободные номера?

— Девятьсот рублей.

«Никому нельзя верить», — подумала Катя, недобрым словом помянув пьяницу. Однако выбирать ей не приходилось, поэтому девушка вытряхнула на стол большую часть оставшейся у неё наличности, после чего получила небольшой ключ с цифрой «5».

— Второй этаж, третья дверь слева по коридору. Выселение — до двенадцати, — предупредила женщина, вновь утыкаясь в чтение. Похоже, картинки в журнале увлекали её гораздо сильнее, чем оплатившая ночёвку гостья.

Потратив не меньше минуты на борьбу с замком, Катя наконец оказалась в номере.

Комната была такой маленькой, что едва вмещала в себя одноместную кровать и крохотную тумбочку. Заперев за собой дверь и оставив ключ в замочной скважине, худая девушка боком протиснулась внутрь помещения, взяла с тумбочки застиранное постельное бельё, пахнущее дешевым хозяйственным мылом, и наскоро накинула простыню на промятый в середине пыльный матрас. Подушка, продавленная до толщины сложенного полотенца, утонула в наволочке, но Катя слишком устала, чтобы обращать внимание на подобные мелочи.

Накрывшись пододеяльником и надеясь, что в кровати нет клещей, девушка провалилась в тревожный сон.

К утру Катя пожалела о том, что остановилась в гостинице.

Спала она беспокойно, поэтому шороха ключа, пытающегося проникнуть в замочную скважину, оказалось достаточно, чтобы разбудить её. Девушка медленно, стараясь не произвести ни звука, поднялась с постели, напряжённо вслушиваясь в темноту.

Человек, находящийся за дверью, еле заметно подёргал за ручку. Затем повторил настойчивее. Дверь не поддавалась. В коридоре раздались быстрые шаги, и затем воцарилась тишина. Больше попыток попасть к ней в номер не было, однако уснуть Кате уже не удалось. Остаток ночи она провела, с часто бьющимся сердцем разглядывая потолок и прислушиваясь к малейшему шороху.

Поэтому, едва за тошнотно-жёлтыми шторами забрезжило солнце, девушка покинула номер. Когда она возвращала ключи, ей показалось, будто в глазах хозяйки гостиницы мелькнула злость, однако Катя не стала заострять на этом внимание. Ей хотелось покинуть это место как можно скорее.

Стоило девушке выйти на улицу, как ей сразу стало легче. Свежий воздух приятным потоком обдул лицо, растрепав грязные волосы и выгнав из головы депрессивные мысли. Даже тело, страдающее от чесотки после ночи в дешёвой ночлежке, стало доставлять гораздо меньше неудобств.

Здание СЗГ удалось найти не сразу. Добравшись до центра города, Катя наскоро перекусила шаурмой из ближайшей забегаловки, и, утолив зверский голод, наконец принялась за поиски нужной организации. Когда она сумела добраться до своей цели, время уже перевалило за полдень.

Высокое строение не производило впечатления сверхсовременной базы спецслужбы, однако внешний вид — последнее, что интересовало Катю после почти двухдневного путешествия. Войдя внутрь сквозь обычные деревянные ворота, она оказалась в небольшом холле, заканчивающемся металлическими дверьми, возле которых находилось тёмное стекло. «Скорее всего, там сидит охрана», — догадалась Катя.

— Здравствуйте! Могу я поговорить с Игорем? — постучав в окно, вежливо попросила она.

— Каким ещё Игорем? — раздался требовательный голос изнутри.

Катя смутилась. Она так и не узнала фамилии запомнившегося ей парня, но почему-то верила, что за помощью следует обратиться именно к нему. Поэтому она продолжила:

— Я не знаю его фамилию, но... Он был с Кратовым! — быстро, словно от этого зависел ответ охранника, выпалила девушка.

— Кратова? — раздался удивлённый голос изнутри. — Ожидайте. Скоро к вам выйдет человек.

Кате пришлось прождать около двадцати минут, прежде чем из-за металлической двери возникла женская фигура. Девушка неожиданно поймала себя на том, что завидует; Катя никогда не жаловалась на своё тело, считая его более чем стройным, однако рядом с подтянутой девушкой с тёмно-русыми волосами вдруг почувствовала себя неудобно. В каждом движении сотрудницы СЗГ сквозила какая-то хищная грация, словно она была дикой кошкой, обходившей свои владения.

Приблизившись к Кате, она широко улыбнулась, заставив небольшой шрам на губе чуть

растянуться:

— Привет! Мне сказали, ты хотела поговорить с Игорем?

— Да, — Катя постаралась взять себя в руки. — Мне нужно с ним встретиться. Это возможно?

Улыбка девушки чуть потускнела:

— Боюсь, пока нет. Его только сегодня выписали из больницы. Может, я смогу чем-то помочь?

— Я... У меня проявились способности, — выпалила Катя. Ждать появления Игоря она не могла. — Поэтому я пришла сюда. Хотела поговорить с Игорем, потому что...

— Ни слова больше! — собеседница подхватила её под руку, так, будто они были закадычными подругами. — Пойдём со мной, я обязательно тебе помогу.

Она мягко, но настойчиво потянула Катю к двери. Опешившая девушка только и смогла выдавить:

— Спасибо... Как я могу к вам обращаться?

Посмотрев ей в глаза, темноволосая сотрудница широко улыбнулась. Катя заметила, что улыбка у девушки была крайне заразительной, и впервые за последние сутки её губы дрогнули.

— Юля. Можешь звать меня просто Юля.

– Ну и что он тебе наговорил?

Второй день за решёткой начался для Игоря с прихода Сони. Тюремщик, что-то недовольно ворча про частые визиты и излишнее внимание к пленнику, открыл ей дверь. Игорь отметил, что в присутствии Скрипача охранник ничего подобного себе не позволял. Рядом с главарём банды тюремщик предпочитал молчать и прикидываться ветошью.

– Сказал, что ты перенапряглась, – признался Игорь. Соня сходу начала водить руками в воздухе перед лицом Лазарева, и уже через несколько секунд он почувствовал, как ему стало легче. Лечение Сони оказалось невероятно эффективным.

Подросток, поморщившись, помассировала виски:

– А, не обращай внимания, – Соня легкомысленно махнула рукой, – Он преувеличивает.

– Да неужели? — иронично приподнял бровь Игорь. — Не подскажешь, сколько рун лечения может произвести рунист твоего уровня? Ты ведь уже Адарик, верно?

Соня удивлённо посмотрела на него. Похоже, не ожидала, что он будет в курсе градаций силы рунистов. Не без гордости она произнесла:

– Да, ты прав — я Адарик. Обычно рунисты достигают этой ступени к тридцати-сорока годам, и редко кто из них способен перешагнуть за черту Идракиля. Мне всего пятнадцать, но я чувствую, что она не за горами! — глаза девочки лихорадочно заблестели. — А по поводу количества рун... Я была уверена, что мне хватит двух-трёх рун, чтобы полностью тебя вылечить. Но твоё тело почему-то сопротивляется! — с какой-то обидой закончила она, словно особенность организма Игоря была для Сони личным оскорблением.

– Но не беспокойся, – «утетила» она его, – Сегодня я достаточно отдохнула, чтобы использовать «Глаза руниста».

– Что это?

– Средняя руна, позволяющая видеть старые узоры, – с готовностью пояснила Соня. — Обычно руны видны только в момент их использования. С помощью «Глаз» можно изучить и те руны, что были использованы ранее на... — Тут она запнулась, неловко глянув на Игоря, – Материале.

«Материал» улыбнулся.

– А почему ты не использовала «Глаза руниста» вчера?

– Если честно, я об этом не подумала, – Соня застенчиво почесала затылок, – Неудача с лечением выбила меня из колеи, вот я и...

Лязгнув цепью, Игорь поднял вверх руку, избавляя девочку от необходимости объясняться:

– Давай попробуем.

Кивнув, Соня закрыла глаза и подняла правую руку вверх. На этот раз она рисовала узор прямо перед своим лицом, и светящаяся серебристым вязь легла ей на сжатые веки. Когда она их распахнула, Игорь шокированно моргнул.

Там, где совсем недавно были светло-карие, почти ореховые глаза, сейчас ярко светились белые радужки. Зрачки сузились до едва заметных точек, которыми девочка внимательно осматривала Игоря. Под взглядом мерцающих, чуждых этому миру глаз он чувствовал себя немного неуютно, но терпеливо ждал, пока она закончит.

– Это не обычная руна ограничения, – наконец выдала Соня. — Узор очень сложен, Адарик на такое не способен. Работа Идракиля. Причём, как я понимаю, нанесён он был в раннем детстве. Я права?

Игорь пожал плечами. О руне ему было не известно ровным счётом ничего.

– Похоже, она должна была не позволить тебе использовать силу стихии вообще. Удивительно, что ты смог стать элементом, – девочка задумчиво потёрла рукой острый подбородок. — Будь руна целой, тебе бы этого не удалось. Но местами она повреждена.

Игорь медленно выдохнул. Знала бы Соня, сколько лет он потратил, прежде чем ему удалось использовать силу элемента! Даже сейчас для этого ему приходилось ухищряться и использовать собственную кровь, но вердикт девочки вернул ему надежду.

Впрочем, ненадолго.

– Я не смогу её снять, – огорчила его Соня. — По крайней мере, сейчас. Избавиться от высшей руны Идракиля, хоть она и повреждена, выше моих сил.

Лазарев постарался не показать своего разочарования. Вновь обретенная надежда таяла на глазах. Но девочка каким-то образом почувствовала настроение Игоря и поспешила приободрить его:

– Но я могу её ослабить! Местами линии узора истончились, и, думаю, мне удастся оборвать их полностью. Это не избавит тебя от действия руны полностью, но всё равно значительно усилит твои текущие способности. А со временем, когда я стану Идракилем, я уберу её окончательно!

Жизнеутверждающие слова Сони подействовали. Улыбнувшись, Игорь сказал ей:

– Было бы здорово.

– Сейчас, погоди, – девочка протянула к нему руку, рисуя сложный узор над грудью Лазарева. Через несколько секунд он впитался в тело Игоря. Молодой элементаль не почувствовал никаких изменений, однако Соня довольно выдохнула:

– Фух... Получилось.

– Что теперь? — осторожно поинтересовался Игорь.

– Я не уверена, но думаю, что теперь ты сможешь по своей воле выводить стихию наружу. Скорее всего, кожа по-прежнему будет повреждаться, однако теперь это будет происходить по твоему желанию. Резать себя или разбивать руки тебе больше не придется.

Новость обрадовала Игоря. Пакетов с кровью у него не осталось, а оставаться здесь до появления Прометея он не собирался. Аккуратно подбирая слова, он спросил:

– Где мы находимся?

– За городом, – не смущаясь, ответила Соня. — Примерно в полутора часах езды от столицы. Раньше здесь была тюрьма, но она давно заброшена, и Скрипач переделал её под одну из баз своей банды. — Помолчав немного, она грустно добавила: – Сбежать отсюда не получится. По крайней мере, в одиночку это невозможно.

– Почему?

– Потому что на тебе наручники с родиём, – принялась перечислять Соня. — Потому что здесь повсюду люди Скрипача и он сам. Потому что, основав здесь свою базу, Скрипач первым делом потребовал покрыть здесь все металлические поверхности напылением из никеля.

– А это здесь причём? — не понял Игорь.

– При том, что при наличии рядом своей стихии элементаль становится сильнее, – как маленькому, объяснила Соня. — Даже если Скрипач не находится на ступени повелителя и

не может использовать окружающую его стихию по своему усмотрению, в этом здании он практически непобедим. Тебе с ним не справиться.

Игорь не собирался принимать этого. Как можно быть в чём-то уверенным, если не пробовал? Он уже открыл было рот, чтобы высказать это вслух, как вдруг Соня прервала его неожиданным вопросом:

– У тебя есть девушка?

Лазарев с удивлением возрился на девочку. Он не понимал, к чему это она: для пятнадцатилетнего подростка такой интерес был как минимум странным. Подумав несколько секунд, он осторожно выдал:

– Нет. То есть не совсем. Есть кое-кто на примете...

– Понятно, – Соня разом поскущнела, – Она хоть красивая?

Игорь подумал о Юле. Вспомнил шрам, неаккуратной полосой пересекающий губы. Вспомнил, как заразительно эти губы умеют улыбаться. И честно ответил:

– Для меня — очень.

Соня кивнула, принимая ответ. В камере возникло неловкое молчание. Игорь не знал, что сказать, а девочка, уставившись в стену, погрузилась в какие-то свои безрадостные мысли. Стремясь вывести её из этого состояния, Игорь спросил:

– А есть ли способ... Как-то помочь тебе стать Идракилем?

– Что? А, да, – девочка повернулась к нему, возвращаясь в реальность. — Мне нужна фальсиформика. Григорий Геннадьевич давно ищет её, но безрезультатно.

– Фальсиформика? — по слогам повторил Игорь. — Что это такое?

– Это насекомое вроде пчелы. В её теле содержится вещество, которое благоприятно воздействует на рунистов. Правда, есть одна маааленькая проблемка, – невесело улыбнулась Соня, – Все представители этого вида давно вымерли.

– Тогда... Какой смысл его искать?

– Возможно, где-то сохранились тела фальсиформик. Высушенные, или, скажем, застывшие в янтаре — шансы крохотные, но учитель не прекращает попытки найти их.

В коридоре слышались тяжелые шаги. У входа в камеру возникла грузная фигура тюремщика, за спиной которого маячил незнакомый Игорю старик. Пока сторож возился с ключами, худой мужчина с неестественно чёрными для его возраста волосами заговорил:

– Софья, нам пора. Время занятия.

Девочка обернулась на старика:

– О, уже? Иду, Григорий Геннадьевич.

Не попрощавшись с Игорем, она направилась к выходу. Дверь за её спиной с заунывным скрипом закрылась, и Лазарев вновь остался в камере один. Старик постоял у входа ещё несколько секунд, впери в Игоря изучающий взгляд, и лишь после этого направился по коридору следом за Соней. Тюремщик, однако, уходить не спешил.

– Вот, держи, – достав откуда-то сбоку поднос, он пропихнул еду в камеру. — Я подойду за посудой через полчаса.

После этого Игорь остался в одиночестве. Подтянув к себе тарелку с рисом и куриной ножкой, Игорь кое-как обтёр руки об одежду, надеясь, что это сделает их хоть немного чище: отравиться ему совсем не хотелось. Впрочем, одежда его была настолько грязной, что попытка привести руки в порядок могла привести к обратному эффекту. Брезгливо поморщившись, Игорь аккуратно принялся за еду.

Разговор с Соней оставил ему массу тем для размышлений. Насколько сильно

расширились его возможности как элементалей? Он хотел было проверить, но наручники с родием надёжно отсекали его от стихии, делая любые попытки воспользоваться собственным элементом бессмысленными. Разочарованно вздохнув, он решил отложить изучение этого вопроса на потом.

Если это «потом», конечно, для него наступит.

Игорь не обольщался: даже если бы он не был скован, едва ли он смог бы справиться с Прометеем. Глава Дома наверняка обладал чудовищными возможностями, скорее всего, доступными лишь на ступени повелителя. О том, чтобы победить такого врага в прямом столкновении, не могло быть и речи. Доведись им сражаться — Игорь бился бы до последнего, однако шансы на то, чтобы одержать верх, стремились к нулю. Лазарев был реалистом.

Из этого следовал закономерный вывод, что для того, чтобы не попасть в лапы Прометей, ему нужно было бежать сейчас. Судя по словам Скрипача, Глава Дома будет здесь со дня на день, а значит, у Игоря было совсем мало времени. День, в лучшем случае, два. Но рассчитывать на этот самый лучший случай не приходилось. Бежать нужно было как можно скорее.

Лазарев со злостью посмотрел на свои наручники. Если бы не они — он, наплевав на все предупреждения Сони, уже предпринял бы попытку покинуть тюрьму. Как бы ни был силён Скрипач, оказаться в Доме Прометей было для Игоря не в пример опаснее.

До прихода тюремщика оставалось ещё около двадцати минут, и Лазарев решил этим воспользоваться. По сравнению с его вчерашним состоянием, тело уже вполне неплохо слушалось, и Игорь, напрягшись изо всех сил, рванул цепи. Жалобно лязгнув, звенья натянулись, грозя сорвать кожу с запястий. Что же, на этот метод он не слишком-то и надеялся.

Стены крохотной камеры были сделаны из неровных камней с выступающими камнями. Этим Игорь и решил воспользоваться. Подобравшись вплотную к той стене, к которой крепились цепи, он внимательно её осмотрел. Его оковы крепились к металлической пластине. О том, чтобы выкорчевать её, не могло быть и речи: Игорь сомневался, что с подобной работой справился бы даже Бык — огромный амбал весом под полтора центнера, возглавляющий одноимённую банду, — что уж говорить о тщедушном молодом элементале, проигрывающем ему в массе раза в два. Однако камни рядом с крепежом казались достаточно острыми, чтобы попытаться этим воспользоваться.

Замахнувшись, Игорь ударил наручником на правой руке по стене и внимательно его осмотрел. К сожалению, на металле не обнаружилось ни вмятинки: место столкновения с камнем украшала едва заметная царапинка.

«Ну, это лучше, чем ничего», — мысленно приободрил себя Игорь и принялся тереть наручником о стену. К царапине прибавились новые следы. Недостаточно глубокие, чтобы метод можно было считать эффективным, но других у Игоря не было, и он с удвоенной силой принялся раздирать металл о камень.

За этим занятием его и застал Скрипач.

— Неплохо, — неожиданно возникший за спиной низкий голос заставил Игоря вздрогнуть. Он обернулся. Главарь преступной группировки стоял в коридоре у входа в камеру и с одобрением смотрел на Лазарева. — Даже в безнадежной ситуации ты не опускаешь рук. Если честно, я даже немного жалею, что ты не в моей банде. Такое упорство достойно восхищения.

– Если опустить руки — обязательно пропустишь в голову, — цитируя слова своего тренера по боксу, прокомментировал Лазарев слова Скрипача. Убедившись, что тот и не думает ему мешать, он продолжил протирать наручник о каменную стену. К этому времени металл успел покрыться сотнями маленьких царапин, впрочем, несколько не уменьшившись в толщине.

– Знаешь, пожалуй, этот метод мог бы сработать, — задумчиво протянул Скрипач. Складывалось впечатление, будто он всерьёз рассуждал над способом, который помог бы пленнику сбежать. — Будь у тебя... Ну, скажем, лет пять, ты бы наверняка протёр металл достаточно, чтобы освободиться. Если, конечно, камни бы выдержали.

В словах главаря банды был смысл. Игорь внимательно посмотрел на камень, который использовал в качестве напильника: острые грани стёрлись, в разы снижая эффективность работы. Ругнувшись себе под нос, Лазарев рукой вытер набегающие на глаза капли пота и сделал небольшой шаг в сторону, выбрав соседний камень. Некоторое время раздавался только неприятный скрежет металла о кладку.

– На самом деле, я бы с удовольствием посмотрел, к чему привела бы твоя деятельность в будущем, — продолжил рассуждать Скрипач. — В конце концов, других способов избавиться от наручников я не вижу. Если бы тебе удалось, я бы, пожалуй, даже не стал бы препятствовать твоему побегу — такое упрямство должно вознаграждаться. К сожалению, никаких пяти лет в камере для тебя не предвидится. Прометей прибудет завтра днём.

Игорь на несколько секунд остановился, прислушиваясь к словам главаря банды. Значит, за ним прибудут завтра. Не дождавшись от Скрипача больше никакой полезной информации, Игорь принялся усиленно тереть наручником о камень.

Рыжеволосый мужчина, наклонив голову, несколько минут наблюдал за работой Лазарева. Оба прекрасно понимали, что это бесполезно: невозможно было протереть добрый сантиметр плотного металла об стену. Однако Игорь не видел других вариантов освободиться, поэтому с ослиным упрямством делал то, что мог. А там — будь, что будет.

Наконец Скрипачу это надоело. О чём-то поразмыслив, он вдруг бросил:

– Похоже, ты идиот. Но идиот упорный. Это нельзя оставлять без внимания, — обернувшись, он крикнул охраннику: — Валер! Метнись к нашим на склад и найди какой-нибудь ржавый напильник.

Игорю показалось, что он ослышался. Скрипач действительно хочет дать ему инструмент для побега? Он с удивлением обернулся к главарю банды. Тот широко ухмылялся:

– Если я не передам тебя Прометею, у меня могут возникнуть серьёзные проблемы. Но это не значит, что у тебя не должно быть никаких шансов спастись!

Тюремщик вернулся минут через пятнадцать, протянув главарю банды какой-то продолговатый инструмент. Скрипач осмотрел его, удовлетворённо кивнул и аккуратно бросил его между прутьев решётки. Всё ещё не веря в действия своего пленителя, Игорь настороженно поднял напильник.

Треугольный, длиной примерно сантиметров тридцать, он видал и лучшие времена. Кто бы ни использовал его в прошлом, ухаживать за инструментом он даже не пытался: грани напильника были стёсаны и усеяны уродливыми зазубринами. Изначальный цвет инструмента невозможно было разглядеть из-за покрывавшей его ржавчины. Как ни крути, напильник был в отвратительном состоянии.

Но даже он был гораздо полезнее обычного камня.

– Желаю удачи. Я почти надеюсь, что у тебя получится, – сказал на прощанье Скрипач, уходя прочь. Но Игорь его уже не слушал. Прижав напильник к наручнику, он принялся энергично пилить металл. Лазарев не знал, как долго это продолжалось: скорее всего, счёт шёл на многие часы. Он прерывался лишь один раз, когда тюремщик принёс ему еду. Качая головой, его толстый надсмотрщик посмотрел на углубившиеся, но совсем некритичные для металла царапины, а затем ушёл, забрав с собой опустевшую под натиском голодного Игоря посуду.

Несколько раз уставшая от монотонной работы рука подводила Игоря. Соскользнувший напильник сильно оцарапал руку, в кровь содрав кожу, но это не останавливало молодого элементалю: изредка делая короткие перерывы на отдых, он недовольно рассматривал миллиметровые царапины, украсившие наручник, и вновь принимался за работу. Так происходило до тех пор, пока он не услышал, как кто-то окликнул его весёлым голосом, совсем не похожим на бас тюремщика:

– Эй, работяга! Не хочешь перекусить?

Довольный, словно объевшийся сметаны кот, Филипп в спортивном чёрном костюме стоял у входа в камеру. На одной ладони, изогнутой жестом официанта, он удерживал поднос с какой-то едой. Другая рука вальяжно подбрасывала в воздух знакомую Игорю связку ключей.

– Не ожидал, а? — живо поинтересовался он, ловким движением уложив поднос на пол и подобравшись к замку.

– Как ты здесь оказался? — Игорь едва сдержался, чтобы не протереть глаза. Происходящее казалось ему какой-то иллюзией.

– Как все — зашёл через дверь, — Филипп не глядя ткнул пальцем куда-то в сторону, где, судя по всему, находился спуск в тюремный подвал. Замок наконец ему поддался, и многострадальная дверь замученно скрипнула, пропуская гостя в камеру. — А помог мне он.

Следом за Филиппом сквозь дверной проём прошмыгнул старик, которого Игорь заметил ещё утром. Кажется, его звали Григорий Геннадьевич. Учитель Сони. Кивком поприветствовав Лазарева, он занял место позади Фила. В крохотной камере сразу стало тесно.

Наклонившись к наручникам, Филипп на секунду замер, рассматривая полосы на металле. Игорю не удалось его разломать: ржавый напильник, хоть и был гораздо удобнее покрывающих стену камней, всё же не мог считаться подходящим инструментом для освобождения от оков. Тем не менее на левом наручнике теперь красовались глубокие царапины, местами достигающие глубины в несколько миллиметров. Фил уважительно хмыкнул:

– Неплохо! Я смотрю, ты тут и без нас прекрасно справлялся, — на этот укол Игорь предпочёл не отвечать, — Но позволь всё же немного тебе помочь.

Его кисть увеличилась в размерах, мгновенно покрываясь снежным доспехом. Не успел Игорь испугаться, как белая рыцарская перчатка ударила по наручнику. Лазарев одёрнул руку, бросил недовольный взгляд на Филиппа, чуть не сломавшего ему запястье, и лишь после этого осмотрел сковывающий его металл.

– Странно, — негромко, как будто даже немного с обидой протянул Филипп. — А у него как-то получилось...

Игорь не стал уточнять, о ком говорит его бывший напарник. Наручник, едва заметно деформировавшись, продолжал цельнометаллическим кольцом обхватывать его руку, всё так же отрезая путь к свободе. Неожиданно подал голос Григорий Геннадьевич:

– Давайте я попробую.

Он поднял в воздух пергаментно-морщинистую кисть и резкими движениями узловатых пальцев начертил над наручником сложный узор. В отличие от рун Сони, он не светился серебристым цветом, а скорее отдавал какими-то тёмно-серыми оттенками. Впрочем, со своей функцией узор справился: самая крупная из царапин на наручнике углубилась, обнажив под собой полоску измазанной кровью кожи. Попытки выбраться самостоятельно не прошли для Игоря бесследно.

– Другой разговор! — довольно заявил Филипп, хватаясь за края повреждённого металла. Ему хватило нескольких секунд, чтобы разогнуть Наручники и вызволить руку Игоря. Лазареву показалось, будто даже дышать стало легче.

Уже забытое ощущение кипящей внутри стихии наполнило его энергией. Игорь поднял глаза на Григория Геннадьевича, примеряющегося ко второму наручнику:

– Спасибо. Дальше я сам.

Он поднял освобождённую руку. Кровь с раненого запястья с готовностью капнула вниз, на металлические оковы, уже в полёте превращаясь в лаву.

Наручник протестующе зашипел, но не смог долго сопротивляться. Всего четырёх капель оказалось достаточно, чтобы расплавить металл насквозь, и совсем скоро Игорь довольно потирал руки. Подобрал с земли напильник, Игорь задумчиво повертел его в руках:

– И каков план?

– Всё просто: мы собираемся отсюда свалить, – доверительно сообщил ему Фил. Казалось, его совсем не смущало, что они находятся в подвале базы, переполненной членами банды Скрипача, не говоря уже о самом рыжеволосом элементе. Игорь прекрасно помнил предупреждение Сони.

– Надо идти, – Григорий Геннадьевич тут же подтвердил свои слова личным примером, направившись к выходу из коридора. Фил и Игорь направились за ним.

Коридор представлял собой не менее тоскливое зрелище, чем находящиеся по обе стороны от него камеры. Неровные серые стены из старой кладки действовали удручающе, и лишь современный деревянный стол с расположенным на нём ноутбуком немного выделялся на общем унылом фоне.

– Аккуратно, не споткнись, – Фил указал на толстые ноги, торчащие из-за стола у входа в коридор. Полный живот тяжело вздымался: похоже, тюремщик был жив. Игорь походя заглянул в раскрытый ноутбук. На экране разворачивалось эпическое сражение в какой-то онлайн-игре, где герой охранника просто стоял на месте, ничуть не помогая своей команде. Игорь хмыкнул, подавив в себе неожиданно возникшее желание почитать посвящённые тюремщику комментарии играющих с ним людей.

За толстой металлической дверью обнаружился ещё один коридор. За счёт меньшей ширины, окрашенных в зелёный цвет стен и постеленного на пол ковра он выглядел куда уютнее предыдущего. Григорий Геннадьевич уверенно провёл их через несколько поворотов, а затем поднялся по лестнице на второй этаж. Игорь не понимал, зачем это было необходимо, – выход из здания наверняка находился на первом, – однако лезть с лишними вопросами не стал. Его спасители наверняка знали, что делают.

Подойдя к неприметной деревянной двери, Григорий Геннадьевич четырежды постучал по ней. Послышалась какая-то возня. Вскоре дверь распахнулась, выпуская наружу недовольную Соню:

– Вообще-то я занимаюсь, как вы и ска...

Она оборвалась на полуслове. Рот так и остался открыт. Следом за ним расширились и карие глаза, шокированно уставившиеся на Лазарева. Она хотела было что-то сказать, но тут её взгляд натолкнулся на Филиппа. Игорь и представить себе не мог, что глаза могут становиться настолько большими.

«Они у неё не выпадут? Ну, как у мопса».

– Пап?! — пискнула девочка. – Но что... Тебе нельзя здесь находиться!

– Привет, Сонечка! Я тоже рад тебя видеть, – широко улыбнулся Фил, обнимая дочь. — Я скучал по тебе.

Тонкие руки Сони робко обняли отца в ответ.

– Я тоже, пап.

Игорь почувствовал умиление, наблюдая за трогательной сценой воссоединения семьи. Впрочем, долго это не продлилось: Соня вдруг отодвинулась от Филиппа и сказала, строго глядя ему в глаза:

– Тебе надо уходить. Скрипач здесь. Он...

– Нет, Соня, – покачал головой Филипп. — НАМ надо уходить. Всем вместе.

– Но я ещё не стала Идракилем! — девочка недовольно посмотрела на Григория Геннадьевича, словно проблема была в нём. Учитель, словно ожидавший этого, с готовностью ответил:

– Ты уже получила все навыки, которые могла дать тебе работа в банде. Нужно двигаться дальше.

– Как?

– Обсудим, когда выберемся, – уклончиво ответил Григорий Геннадьевич. — А сейчас идём. Я знаю, где запасной выход.

Он вновь пошёл вперёд, указывая путь. Следом за ним, негромко переговариваясь между собой, двигались Филипп с Соней. Игорь замыкал их небольшую компанию.

Некоторое время они шли спокойно: это не могло не удивить Лазарева, ожидавшего несколько иной картины от базы преступной группировки. Но Григорий Геннадьевич, судя по всему, провел здесь достаточно времени, чтобы вдоль и поперёк изучить здание, и теперь вёл их по оптимальному маршруту.

Они вышли в помещение, заставленное плотными рядами жёстких, даже с виду неудобных стульев. Вероятно, в прошлом здесь проходили собрания работников тюрьмы — по крайней мере, именно на такие мысли наталкивала одиноко стоящая у стены пыльная трибуна. Этот зал давно уже никто не посещал.

Игорь постоянно вертел головой, внимательно изучая сменяющуюся обстановку. Возможно, его можно было назвать пессимистом, но он не верил, что побег пройдет спокойно. Пока им везло, но удача не бывает бесконечной.

Опасения оказались ненапрасными. За одним из поворотов ближайшего коридора учитель Сони нос к носу столкнулся с невысоким мужчиной, неведомо что забывшего здесь в столь позднее время суток. Будь на месте Григория Геннадьевича Филипп или Игорь, они успели бы вырубить бандита прежде, чем он позвал бы на помощь. Но старик нужными навыками не обладал. Учитель Сони оцепенел, лихорадочно размышляя, что предпринять. Член группировки Скрипача стрельнул глазами в сторону Игоря, затем — быстро посмотрел на бросившегося к нему Филиппа и что было силы заорал:

– Тревога! Сюда! Пленни...

Кратов грубо оборвал его, сжав рот бандита рукой. Вырвавшийся из неё поток снега забился мужчине в глотку, заставив закашляться, но это не помогло: через несколько секунд лицо бандита покраснело, глаза закатились, а ноги перестали держать тело. Филипп как мог аккуратно придержал его и медленно опустил на землю, чтобы не шуметь, однако было уже слишком поздно. Из дальней стороны коридора послышались взбудораженные голоса, которые быстро заглушили стремительные шаги.

– Назад! В зал совещаний! — прошипел Филипп. К счастью, они не успели далеко уйти. Вернувшись в помещение, Кратов бросился к трибуне.

– Игорь, подсоби!

Вдвоём они быстро перетаскивали деревянную тумбу, забаррикадировав дверь. Лазарев скептически осмотрел получившуюся конструкцию: вряд ли этого хватит, чтобы остановить

преследователей. Максимум — позволит выиграть немного времени. Филипп обернулся к Григорию Геннадьевичу:

— Мы далеко от выхода?

— Что? — растерянно посмотрел на него старик. Казалось, он не мог поверить, что его идеальный план побега провалился. — А, выход... Нет. Прямо по коридору, там — развилка... Налево — дорога к запасному выходу, нам нужно туда.

— Что справа? — быстро уточнил Кратов.

— Направо — лестница, поднимающаяся к парадному холлу. Там главный выход, и в этом же помещении куча людей из группировки Скрипача. Других выходов нет.

— А окна? — Игорю своевременно вспомнилось, как о своём побеге рассказывал Мерцалов.

— Окна снаружи закрыты металлическими решётками, — покачал головой Григорий Геннадьевич. — Быстро не справимся.

Лазарев был вынужден согласиться. Одно дело — расплавить один-два железных прута, и совсем другое — проделать в решётке достаточную для побега дыру. Игорь не успел восстановить силы, поэтому не брался даже предположить, сколько времени займёт у него борьба с окном.

— Наверх не пойдём, — решил Филипп. — Слишком долго. Даже если справимся с решётками, люди Скрипача успеют приготовиться. Да и сам он... Нет, мы поступим иначе.

Когда в деревянную дверь зала совещаний пришёлся первый удар с внешней стороны, все уже знали, что им делать. Григорий Геннадьевич с Соней стояли сбоку от проёма, вплотную прижавшись к стене. В точности повторяя их позы, с другой стороны стоял Филипп. Единственное, что отличало его от рунистов, — снежные латы, оставляющие открытой только голову.

По закону подлости, Игорю, разумеется, повезло меньше всех.

Следуя плану Кратова, ему пришлось занять место в центре зала, вальяжно расположившись во втором ряду стульев. Он хотел подобрать под себя ноги, чтобы в любой момент суметь быстро отпрыгнуть в сторону, но Филипп настоял на том, что Лазарев должен выглядеть максимально расслабленным, чтобы не спровоцировать членов банды раньше времени. Так что теперь Игорь сидел, закинув руки на спинки соседних стульев, и ждал, пока люди Скрипача выломают дверь.

Первый удар заставил трибуну чуть отодвинуться, второй — ощутимо пошатнул её. От третьего удара деревянная тумба с грохотом упала на пол, перестав удерживать дверь.

В зал ввалилось сразу четверо человек. Одеты в простые джинсы и свитера, они сжимали в руках пистолеты — видимо, таскать с собой автоматы внутри здания было не принято. Мужчины разного возраста во все глаза уставились на Игоря, с комфортом развалившегося на стуле.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался Игорь, чем ввёл их в ещё больший ступор.

Вообще, план Кратова изначально показался ему полным бредом, особенно — в той части, где Лазареву предстояло с комфортом расположиться на стуле и завести с людьми Скрипача культурную беседу. Однако каким-то невероятным образом это сработало.

Первые несколько человек замерли в каком-то метре от входа в зал совещаний. Бежавшие за ними следом члены группировки врезались и их спины, толкаясь и образуя ещё большую неразбериху. Никто не понимал, что происходит и кто этот человек, что с видом хозяина расположился в самом сердце преступной базы. Этим Филипп и воспользовался.

Пока в действиях членов банды возникла задержка, вызванная нестандартной для них ситуацией, Кратов за их спинами незаметно кивнул Соне, показав сжатый кулак. Девочка с готовностью мотнула головой в ответ, и тогда Филипп широко развёл руки в стороны.

Сорвавшийся поток снежинок был тут же усилен быстро начерченной в воздухе руной, и не успевшие ничего понять бандиты в считанные секунды оказались с ног до головы скрыты под толстой коркой белого наста. Атаки удалось избежать лишь тому, кто был ближе всех к Игорю, но тут уж Лазарев не сплеховал: подхватив лежащий на соседнем месте напильник, он с силой швырнул его прямо в голову растерянному врагу.

Игорю повезло: ржавый инструмент, не сумевший справиться с металлическим наручником, легко преодолел сопротивление человеческого тела, угодив точно в глазную впадину. Голова мужчины резко мотнулась назад, и он, словно наткнувшись на что-то ногами, упал на спину.

— Быстрее, уходим! — гаркнул Филипп.

Скрываться было бессмысленно. Игорь и сам уже услышал шум за спиной. Кто-то уже обошёл их сзади, и задерживаться в зале дольше было опасно.

Обогнув застывших снежными статуями людей, Лазарев следом за остальными бросился к выходу. Филипп бежал первым. За ним, почти не отставая, по узкому коридору бежали Соня и Григорий Геннадьевич. Они миновали несколько неровно поставленных друг на друга деревянных ящиков, возле которых Игорь на секунду замешкался.

Стала очевидна причина, по которой в этом коридоре были люди Скрипача. Судя по всему, они переносили какое-то имущество, когда на них натолкнулись Игорь и его спасители. Лазарев выругался. Что ни говори, а для работы преступники выбрали крайне неудачное время.

— Они здесь!

Задержка дорого стоила Игорю: преследовавшие его люди оказались в коридоре в каких-то паре десятков шагов позади. Одним из первых бежал Скрипач. После выкрика подчинённого он взмахнул руками, на ходу материализуя в руках свои чудовищные орудия-смычки, и вырвался вперёд. Игорь встретился с ним глазами. Недобрый взгляд Скрипача не сулил ему ничего хорошего.

Лазарев быстро посмотрел в конец коридора. Слишком далеко. Их догонят. Если только...

Мысль ещё не успела оформиться в его голове, когда тело начало действовать.

Ступню обожгло болью. Соня не соврала — теперь для использования стихии было достаточно усилия воли. Нога полыхнула ярко-оранжевым, и Игорь от души пнул нижний ящик.

Такого издевательства шаткая конструкция не выдержала. Взрыв разметал неустойчивую конструкцию и завалил проход, разделяя беглецов и преследователей. Надолго, конечно, такая баррикада задержать не могла, но на счету была каждая секунда, поэтому Игорь, не оглядываясь, бросился прочь.

Быстро добравшись до развилки, он притормозил. Фил с Соней и её учителем уже завернули в левый закуток, так, что не могли видеть тех, кто появился в правом. Игорь — мог.

— Лазарев! Цел?

К Игорю приближался небольшой отряд знакомых людей. Вопрос задал Аркадий Борисович — тот самый преподаватель, который совсем недавно обучал элементарей.

Последние, к слову, шли рядом с ним.

Покрытый керамическим доспехом Антон загоразивал Ждуна сбоку. Чуть позади него в полной боевой готовности шла Ксения. Артур, облачённый в пластиковый доспех СЗГ, настороженно двигался следом. Как и Юля.

— Давай скорее сюда, надо валить! — прикрикнул Аркадий Борисович, судя по всему, принявший на себя руководство отрядом. По крайней мере, Глазунова среди прибывших не было.

Игорь краем глаза увидел, как Филипп, наклонившись, яростно зашептал что-то на ухо замершей в ступоре Соне, и они, пятясь, пошли в сторону выхода. Лазарев, в общем-то, всё ещё мог последовать за ними: в конце концов, их разделяло гораздо меньшее расстояние, чем его и отряд СЗГ, — однако по здравому рассуждению решил этого не делать.

Во-первых, это подставило бы тех, кто помог ему сбежать. Игорь не тешил себя иллюзиями: Филипп в глазах СЗГ наверняка был преступником. Как и его дочь. Как и, скорее всего, Григорий Геннадьевич. Во-вторых, это автоматически сделало бы Лазарева их сообщником. В-третьих, отряд элементалей, проникший на базу Скрипача, был слишком малочислен для полноценной зачистки. Они пришли сюда, чтобы его спасти.

Кстати о последнем. Игорь обернулся через плечо, чтобы увидеть, как яростно кричащий что-то своим людям Скрипач энергично разносил ящики, из которых выпадали какие-то предметы. Что именно там было, Лазарев не разглядел.

Приближение рыжеволосого элементаля стало последней причиной, повлиявшей на решение Игоря. В конце концов, Скрипачу был нужен именно он. Громко, так, чтобы его голос услышал Филипп, Игорь сказал:

— Конечно, коллеги! — менее пафосной фразы ему в голову не пришло, — Пора убираться отсюда.

Не говоря больше ни слова, Лазарев бросился в правый коридор.

Машина ждала их прямо у входа в здание.

Длинный коридор привёл небольшой отряд элементарей в просторную залу, заваленную парой десятков тел. Войдя через главный вход, СЗГ не церемонились и сходу положили всех, кому не повезло оказаться у них на пути. Игорь осторожно обходил трупы: тем, кто схлопотал пулю, ещё повезло — некоторые тела были изувечены гораздо страшнее. Лазарев старался не смотреть на изломанную фигуру, будто угодившую под пресс. Скорее всего, это была работа Антона.

— Быстрее, быстрее! — нервно поторопил Аркадий Борисович.

Двустворчатая дверь в тюрьму была сорвана с петель, словно в неё на полном ходу врезалось что-то тяжёлое. Игорь вновь покосился на Антона, с головы до ног укрытого увесистыми керамическими пластинами: в их отделе было не так много людей, способных на подобный подвиг.

На широкой лужайке в какой-то дюжине шагов стоял старенький микроавтобус с помятой мордой. Причина повреждений стала очевидна, когда отряд оперативно загрузился в машину и направился к выезду с территории: кованые железные ворота были распахнуты настежь. Похоже, автомобиль въехал в них на полном ходу.

Оглянувшись сквозь тонированное окно, Игорь успел увидеть, как из здания выбежал растрёпанный Скрипач, проводив микроавтобус ненавидящим взглядом. Догнать их, впрочем, он не пытался: судя по всему, понимал, что не успеет. Поэтому всё, что ему оставалось, — прожигать ускользающую добычу глазами.

— Лазарев, ты как? В порядке? — задал вопрос Ждун.

— Что? — Игорь наконец оторвался от созерцания удаляющегося здания. — А, да. Порядок. Спасибо.

— Как они тебя поймали?

Игорь ненадолго замолчал, обдумывая, что можно было говорить. Аркадий Борисович решил, что вырвавшийся из плена элементарь погрузился в неприятные воспоминания, и не стал торопить его. Наконец Лазарев произнёс:

— В свой выходной я перегонял машину к дому Филиппа. На парковке они меня перехватили.

— Перегонял машину Кратова? — недоумённо переспросил Ждун. Затем он прищурился: — Зачем?

Игорь пожал плечами. Отвезти машину товарища не было преступлением. Даже если Фила признали виновным.

— Потому что у меня были ключи, и доставить машину к дому — это всё, что я мог для него сделать. В конце концов, я многим ему обязан, — ничуть не покривив душой, ответил Лазарев.

Аркадий Борисович ещё несколько секунд сверлил его пристальным взглядом. Действия Игоря явно не слишком ему понравились, однако по здравому рассуждению в них не было ничего предосудительного, поэтому, задумчиво пожевав скрытыми в густой бороде губами, Ждун продолжил прерванный разговор:

— Ты не ответил, как они тебя схватили?

— Сначала на меня напал Карп, — принялся перечислять Игорь. В глазах его

собеседника мелькнуло понимание: похоже, главари банд Ждуну были известны. — Затем подтянулись другие элементали. Один покрывался хитиновыми пластинами, становясь похожим на броненосца. Второй — здоровенный амбал со стихией гранита.

— Бык, — понимающе кивнул Аркадий Борисович. — А прозвище второго ты и сам угадал: его действительно называют Броненосцем.

— Там ещё была женщина, — вспомнил Игорь. — Она поймала меня в какое-то... Какую-то грязевую ловушку.

— А это Болото. Предводительница банды, состоящей исключительно из женщин. Поговаривают, это непосредственно связано с..., — Ждун раздражённо дёрнул носом, — Её вкусовыми предпочтениями.

Может, сказалося накопившееся за последние дни нервное напряжение, но последние слова собеседника развеселили Лазарева.

— Вкусовыми? Она их что, ест?

— Может, и ест, — отрезал Аркадий Борисович. — Мне не интересно, как у них это происходит. Вернёмся к теме. Что было дальше?

— Пришёл Скрипач, сказал какому-то элементалю меня усыпить, а затем я очнулся уже в камере, — коротко поведал Игорь. — Там и провёл несколько дней, пытаюсь освободиться. Сегодня, как видите, наконец получилось.

— Как вижу, — задумчиво повторил Ждун. — Ты прав: я действительно многое вижу. Например, что ты освободился и без нашей помощи. Узнав о твоём заточении, мы в кратчайшие сроки бросились тебе на помощь, но ты каким-то образом покинул тюрьму сам. Не подскажешь, как тебе это удалось?

Краем глаза Игорь видел, что остальные члены спасательного отряда старательно прислушиваются к их диалогу. Что же, он уже знал, как себя вести:

— Мне помог Скрипач, — ответил Игорь, наслаждаясь повисшим молчанием. Никто не произнёс ни слова. Казалось, они даже дышать стали реже, опасаясь пропустить хоть одно слово из рассказа Лазарева. Он не стал их разочаровывать:

— Он пришёл к моей камере, когда я пытался повредить наручники о камни стены. Это настолько его развеселило, что он решил мне помочь: Скрипач приказал, чтобы мне принесли напильник. Сказал, что упорство следует поощрять.

— И ты смог пропилить наручник из родия? — вскинул Ждун косматые брови.

— Они были из не слишком толстого металла, — Игорь пожал плечами, изображая равнодушие. — Как только в одном наручнике появилась трещина, стало проще. Появилась возможность частично пользоваться стихией, так что вторую руку я освободил, просто расплавив металл. Потом пробивался к выходу, где и встретил вас, — коротко завершил рассказ Лазарев и тут же задал встречный вопрос: — А как, кстати, вы меня нашли? И где Михаил Сергеевич?

— Глазунов убыл для выполнения другой задачи, — уклончиво ответил Аркадий Борисович. — Так что я временно его заменяю. А по поводу поиска...

— У нас в отделе появилась новенькая, — влезла в разговор Юля, прерывая Ждуна. Впрочем, последнего это не слишком расстроило: кинув на девушку короткий взгляд, он развалился на сидении, занимая позицию наблюдателя. Что ни говори, а слушать он явно любил больше, чем говорить. — Сказала, что знает тебя, и что тебе грозит опасность. Артур сразу же направился к тебе домой, но тебя там, разумеется, не было. Поиски могли бы затянуться, но у разведчиков к этому времени уже была информация о странной активности

банд в районе дома Кратова. Когда мы приехали, там уже никого не было.

Юля прочистила горло, прежде чем продолжить. Игорь не торопил её. Судя по словам Сони, дорога займёт не меньше часа, а значит, он успеет узнать всё, что нужно.

— После этого начали проверять камеры, искать очевидцев, ну, ты понимаешь... — Юля неопределённо помахала рукой в воздухе, показывая, насколько она была далека от работы разведки. — В итоге получили наводку на здание давно заброшенной тюрьмы и сразу же выехали сюда. Остальное ты знаешь.

Игорь понимающе кивнул. Картина в его голове уже успела сложиться: он будто наяву увидел, как микроавтобус, на полном ходу прорвавшись сквозь ворота, выпустил наружу элементалей, сразу же бросившихся на штурм. У не подготовленных к такому бандитов не было шансов.

— Спасибо. Всем вам.

— Да ты и без нас неплохо справлялся, — фыркнул сидящий неподалёку Артур.

Игорь в ответ едва заметно улыбнулся. Он многое мог бы сказать на этот счёт: что сбежать самостоятельно ему бы точно не удалось, что ему пришли на помощь люди, которых считают преступниками... И что среди них, в отличие от СЗГ, не было крота, который сливал бандам информацию о перемещениях Игоря. Лазарев мог сказать многое из того, о чём думал. Но промолчал. Он не знал, кому можно верить, и поэтому решил не верить никому.

Дальнейшая поездка прошла спокойно. Обсудив животрепещущую тему захвата и освобождения Игоря, все как-то затихли, переваривая полученную информацию.

Ну, или почти все.

— Игорь, ну как ты? — подсев к Лазареву поближе, спросила Юля.

Он посмотрел на неё. В глазах девушки светился неподдельный интерес. Всем своим видом она изображала участие — и впервые Игорь ей почему-то не верил.

— Да отлично всё, — вежливо произнёс он в ответ. — Разве что немного голоден. Кормили тут достаточно вкусно, но всё же довольно редко.

— Можем сходить куда-нибудь и перекусить, если хочешь.

От неожиданного ответа Игорь замер. Это что же получается? Девушка, на протяжении последних месяцев щедро одаривавшая его отказами, сама предложила вместе поужинать? С чего бы это?

Такие вещи не происходят просто так. У Юли наверняка была причина, просто Игорь пока не знал, какая именно. Зато знал, что он не какой-нибудь пёсик, который, виляя хвостиком, побежит по малейшему намёку хозяйки.

— Спасибо за предложение, но я слишком устал. Может, в другой раз.

Он отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен. Юля ещё несколько секунд просидела рядом с ним, непонимающе глядя на отстранённое лицо Игоря. Наверное, в девичьей голове никак не укладывался тот факт, что ей могут отказать. Поняв, что Лазарев не собирается что-то добавлять и вообще перестал её замечать, Юля поднялась со своего места и произнесла с легким недовольством в голосе:

— Может быть.

С этими словами она пересела от Игоря подальше, оставив его наедине с самим собой. Быстро найдя себе собеседницу в лице одной из коллег, она принялась негромко с ней о чём-то переговариваться, изредка бросая косые взгляды в сторону Лазарева. Впрочем, последнему на это было наплевать.

Когда машина подъехала к зданию СЗГ, Аркадий Борисович повернулся к Игорю:

— Думаю, тебе нет необходимости заходить на работу. Я доложу обо всем сам. Одна просьба — не выходи сегодня из своей квартиры. Договорились?

Игорь кивнул, соглашаясь. На самом деле, при большом желании можно достать человека даже из его дома, однако говорить об этом Ждуну он не стал. Наверняка он и сам это понимал, просто решил дополнительно подстраховаться.

Стоило микроавтобусу остановиться, как Аркадий Борисович открыл дверь и первым выпрыгнул из неё и исчез внутри здания. Игорь хмыкнул. Ждун двигался достаточно быстро, однако от внимания Лазарева не укрылся серебристо-белый блеск, мелькнувший под его левой рукой. На вкус Игоря, оружие из родия, столь эффективное против элементалей, можно было убрать уже давным-давно. Например, хотя бы когда машина покинула территорию Скрипача.

«Все враги остались в здании тюрьмы. Или вы, Аркадий Борисович, опасаетесь кого-то ещё?» — хмыкнув, мысленно спросил Ждуна Игорь. И очень удивился, услышав ответ:

— Такое ощущение, будто ему везде мерещатся недоброжелатели, — произнёс Артур, вылезая из машины следом за Лазаревым. — Этот его взгляд... У меня ощущение, что он подозревает каждого. Боюсь представить, через что он прошёл.

— Почему отрядом руководил он, а не Глазунов? — Игорь наконец смог задать вопрос, занимавший его голову с момента побега.

— Когда мы получили данные о твоём местонахождении, Глазунова не было с нами, — темноволосый крепыш пожал плечами, — Вроде как он выполняет отдельную задачу, полученную напрямую от начальника СЗГ.

Лазарев наклонил голову. Руководитель структуры был фигурой, буквально окутанной мраком: никто не знал ни его имени, ни его внешности. Редко какой начальник отдела удостоивался его аудиенции. В основном — всё, что он говорил, передавалось через двух заместителей, поэтому тот факт, что задание Михаила Сергеевича было получено напрямую от него, говорило о многом.

— А что за задача?

Артур покосился на него:

— Никто не знает точно.

— А если неточно? — вскинул бровь Игорь. — Да брось, наверняка информация уже просочилась. Ни за что не поверю, что вы ничего не знаете.

— А если неточно — его отправили ловить Филиппа Кратова. Он сбежал прямо из своей палаты, — сдался Артур.

Игорь старательно изобразил удивление, надеясь, что выглядит достаточно убедительно. Судя по отсутствию реакции собеседника, ему это неплохо удалось.

— Твой приятель сломал наручники и смог вырваться из одного из самых охраняемых зданий в городе, — Артур хмыкнул, типично борцовским движением разминая шею, — И никто в этой хвалёной структуре не сумел его остановить. А это — весьма серьёзный удар по репутации. Поэтому сейчас начальство крайне заинтересовано в том, чтобы вернуть себе имя.

— С помощью одного Глазунова?

— Лучше, чем он, точно никто не справится. — В голосе Артура сквозила непоколебимая уверенность. — К тому же, он уполномочен привлекать к поискам кого угодно. Чем, кстати, начальник активно пользуется: он уже брал с собой отдельных

элементалей. Держу пари, тебе тоже предстоит в этом поучаствовать.

Спорить Игорь не стал. Понимал, что Артур, скорее всего, прав: было бы странно не привлечь к поискам беглого преступника того, кто был знаком с ним лучше остальных. По крайней мере, сам Лазарев непременно так бы и поступил.

Он уже собрался идти домой, когда из здания неожиданно появилось новое лицо. Хотя новое ли? Игорь был уверен, что где-то эту девушку уже встречал.

Чуть вздернутый нос. Чёрные, чуть вьющиеся волосы, густым облаком обрамляющие аккуратное лицо. Косметики — то ли минимум, то ли нет вовсе. Игорь готов был поклясться, что видит девушку не впервые, но, сколько бы он не всматривался в выглядящие чёрными в ночи глаза, не мог понять, откуда он её знает.

— Игорь... Привет! — чуть быстрее, чем следовало, и чуть громче, чем требовала вежливость, произнесла девушка, неловким движением поправив непослушные волосы.

— Эээ... Привет, — ответил Лазарев, изо всех стараясь вспомнить, где её видел.

— Ты не помнишь меня? — с поразительной пронизательностью прищурилась она. Затем вздохнула: — Я Катя. Ты звонил с моего телефона, когда выбрался на дорогу и тебя чуть не сбила машина.

— А, точно, — Игорь досадливо хлопнул себя по лбу, изображая раскаяние. — Катя. Помню. За рулём ведь был твой парень, да? Как у него дела?

— Отлично. Он мёртв, — от холодной улыбки Кати стыла кровь в жилах. — И он не был моим парнем. Хотя и пытался им стать.

— Всё-таки разбился? Не следовало ему гонять, — понимающе покивал Игорь.

— Не разбился. Я его убила.

Игорь помедлил. Он понятия не имел, как ему следовало реагировать на подобные заявления девушки. Посочувствовать? Так она, судя по всему, вовсе не расстроена, скорее, даже рада. Поддержать убийство? Но он не знал, при каких обстоятельствах оно произошло. Поэтому Лазарев не нашёл ничего лучше, чем с вежливой улыбкой отодвинуться подальше от маньячки.

Его изменившееся поведение не ускользнуло от внимания Кати. Девушка закатила глаза:

— У меня не было выбора. Он вместе со своим дружкой напали на меня, когда я пыталась тебе позвонить. Пыталась предупредить о... Нападении.

Остальные сотрудники уже разошлись, оставив их наедине. Игорь невесело улыбнулся:

— Как ты могла заметить, предупреждение не получилось.

— Да, прости. Мне правда жаль, что так вышло. Как только я увидела твою фотографию на компьютере отца, я тут же бросилась звонить по тому номеру, что остался в моём телефоне. Меня выслушали и обещали передать, а затем появились эти уроды, и... В общем, договорить не получилось, — расстроено проговорила Катя.

— Ты сказала, твой отец? — зацепился Игорь.

— Да, отец. Арсен Микоелян. Он...

— Я знаю, кто он, — Лазарев остановил девушку, приподняв ладонь вверх. Вряд ли Катя могла сообщить ему что-то новое о дымном элементе, чью банду Игорь вместе с Филиппом, можно сказать, уничтожили до основания. Неудивительно, что Арсен хотел отомстить.

— Мы с ним не общаемся! — неверно поняв его заминку, сообщила девушка, — Они с мамой оставили меня ещё в детстве. Сомневаюсь, что ему известно о моей пропаже. А если

даже и известно, — Катя невесело улыбнулась, — Ему наверняка всё равно.

— Слушай, а как ты убила тех двоих, что на тебя напали? — почувствовав, что разговор становится некомфортным, Игорь решил перевести тему. Получилось далеко не так ловко, как ему хотелось, но девушка всё равно была ему благодарна.

— У меня прорезались способности, — легко поделилась она. — Какой-то токсичный газ, его уже изучают в лаборатории. Когда меня затащили в машину, что-то произошло, и я отравила обоих. А потом и третью — подругу, которая была вместе с ними, — в голосе девушке мелькнули мстительные нотки. — После этого я не знала, куда податься, и решила приехать в СЗГ. И уже здесь выяснила, что ты пропал.

— Спасибо. То, что мне помогли, во многом произошло благодаря тебе.

Катя потупилась, не находя, что ответить. Поэтому в конце концов просто кивнула.

— Мне пора. Ещё увидимся, — почему-то Игорю показалось уместным подмигнуть. Погружённая в свои мысли девушка чуть улыбнулась и заторможенно махнула ему вслед.

— До завтра.

«А ведь она здесь единственный человек, которого нельзя подозревать в причастности к бандам!» — понял вдруг Лазарев. — «Появилась только сейчас, значит, не могла следить и передавать информацию. Забавная получается ситуация: на работе я могу доверять только дочери одного из своих врагов».

Ему хотелось проверить, насколько выросли его возможности в использовании элемента. Хотелось найти способ связаться с Кратовым и узнать, как у них дела. Хотелось обдумать, как действовать дальше — ведь теперь на работе для него было почти так же опасно, как в плену у Скрипача, — но прошедший день выпил из него все силы, поэтому Игорь, едва добравшись до кровати, мгновенно провалился в сон.

Придя на работу, Игорь не знал, что делать. Всё вроде было как обычно, разве что Глазунов отсутствовал, но почему-то Лазареву казалось, будто что-то неуловимо изменилось. Впервые он чувствовал себя не в своей тарелке.

Никогда в прошлом у него не возникало сомнений в полезности тренировок. В конце концов, он посвятил им добрый десяток лет! Однако побег из плена заставил Игоря взглянуть на их подготовку под несколько другим углом, и нельзя сказать, что его это обрадовало.

Ни одно из упражнений не учило, как освободиться из родиевых наручников. Не объясняло, как действовать, если на тебя одновременно набросятся несколько человек. Конечно, отработки ударов и захватов были весьма нелишними, однако для Игоря стало очевидно: самым важным аспектом была сила.

Он умел смотреть правде в глаза. Если бы Скрипачу удалось добраться до них, скорее всего, погибла бы как минимум половина отряда. Лазарев вздрогнул, вспомнив, как под ударами гигантских смычков разлетались тяжелые деревянные ящики, перегородившие проход. От такой атаки не спасёт даже керамический доспех Антона или алюминий Прилепина, что уж говорить об остальных, чьи защитные навыки на порядок уступали коллегам.

Больше всего Игоря бесило, что он не знал, что с этим делать. Как изменить тренировки? Что добавить, чтобы повысить шансы на выживание? Он думал об этом, отрабатывая броски с Артуром. Думал, помогая остальным поставить правильный удар. Думал даже тогда, когда принимал душ после занятия. Но никаких дельных идей не было. И это чрезвычайно его злило.

За всеми этими размышлениями он практически не замечал, как к злым взглядам Тимофея прибавились ещё одни, Юлины. Она периодически искоса смотрела на него, но ничего не говорила. Игорь решил игнорировать это. Впрочем, он всё равно заметил, что, когда к нему подошла Катя, чтобы попросить ещё раз показать ей, как следует наносить удар, исходящее со стороны Юли недовольство усилилось. Лазарев не стал придавать этому значения. Вникать в тонкости женской души ему совершенно не хотелось. Возможно, зря.

После обеда настала пора спаррингов с использованием стихии. По случайному совпадению или нет, но партнером Игоря оказалась Юля. Холодно ему кивнув, она решительным движением надела пластиковый шлем и приготовилась к схватке.

Когда она выходила в центр спортивного зала, Игорю бросилось в глаза, как девушка на несколько секунд сунула руки в карманы. Странное движение: Юля как будто демонстрировала пренебрежение противником. Лазарев отмёл эту мысль как несущественную — обиды девушки не слишком его интересовали.

— Начали! — скомандовал Ждун, отходя за пределы круга.

Эхо от слова Аркадия Борисовича не успело затихнуть, как Юля стремительно бросилась к Игорю. Возможно, рассчитывала напасть прежде, чем он успеет использовать пакеты с кровью, которые Лазарев прежде носил в карманах. Игорь позволил себе лёгкую ухмылку: с недавних пор в подобных костылях для применения силы своего элемента он не нуждался.

Юля ожидаемо начала с удара ногой, нацеленного в бедро соперника. Напрасно —

прошлые тренировки не прошли для Игоря впустую. Он быстрым движением поднял колено вверх, принимая атаку на ощутимо вздрогнувшую голень. Что ни говори, а лоу-кик Юля наносила профессионально.

Два быстрых удара руками Игорь пропустил над головой, пригнувшись и рывком сократив дистанцию. Это было ошибкой: вблизи Юля была не менее опасна. Удар колена пришёлся Лазареву точно в живот. Впрочем, особого урона он нанести не смог — ожидавший чего-то подобного Игорь уже успел покрыть тело тонкой сеткой из потёков лавы, чуть поморщившись от боли в потрескавшейся коже.

Воспользовавшись тем, что девушка на секунду осталась стоять на одной ноге, Игорь ловкой подсечкой лишил её равновесия, уронив Юлю на пол. Развивать успех он не стал. Отступив на шаг, он сделал приглашающий жест рукой, предлагая оппоненту встать:

— Продолжим?

Юля не стала отвечать. С яростным рыком поднявшись на ноги, она бросилась к Игорю, сходу приблизившись практически вплотную и взорвавшись градом ударов кулаков и локтей. Игорь ушёл в глухую оборону, про себя отметив, как неприятное шипение обожгло ему запястья: так начала действовать стихия его соперницы.

Ни в одной схватке ещё не побеждал тот, кто проводит бой, только защищаясь, поэтому развить Юле успех Игорь не позволил. Дождавшись, когда вошедшая в раж девушка замахнётся чуть сильнее, чтобы вложиться в удар, Лазарев пригнулся, пропуская локоть в опасной близости от головы. Едва почувствовав, как вызванный атакой соперницы поток ветра взъерошил ему волосы, Игорь обхватил корпус девушки обеими руками. Оторвав её от пола, он без какой-либо техники, за счёт одной лишь грубой силы бросил Юлю наземь.

Девушка неверяще уставилась на Игоря. Разрыв в их навыках стал очевиден, и Лазарев с некоторой досадой отметил, как в глазах Юли блеснули слёзы обиды. Разумеется, он не собирался проигрывать, но и унижать девушку ему совершенно не хотелось.

Второй раз за какую-то минуту поединка поднявшись с пола, Юля не стала сходу кидаться в атаку, осторожно обходя Игоря по кругу и изредка пытаясь достать соперника лоу-киками. Памятуя о силе её ног, Лазарев просто отступал, позволяя конечностям девушки бессильно проноситься по воздуху.

Наконец, поняв, что достать Игоря таким образом не получится, Юля решила на активные действия. С небольшим подшагом девушка вдруг резко развернулась к нему спиной и по широкой дуге махнула ногой, пяткой целясь противнику в висок. Для многих таких удар мог закончить поединок. Но не для Игоря.

Вскинув вверх согнутую в локте руку, Игорь принял тяжёлую атаку на жёсткий блок, а затем с шагом вперёд подсёк девушке опорную ногу, в третий раз отправив оппонента на пол.

— Достаточно, — прокомментировал падение Юли Аркадий Борисович.

Юля раздражённо фыркнула, но спорить с временным начальником не стала. Поднявшись с пола, она отряхнулась и с достоинством удалилась в сторону женской раздевалки, оставив Игоря в одиночестве.

Лазарев с удивлением посмотрел на свою руку: там, куда пришёлся последний удар девушки, не было ни следа кислоты. В отличие от тех атак, которые она наносила руками. Чертыхнувшись, Игорь скинул с себя камуфлированную куртку и стёр с запястий прозрачную жидкость в тех местах, куда Юля атаквала его руками. Заставив собственную стихию на мгновение покрыть запястья, он удалил остатки кислоты, уже принявшейся

разъедасть его кожу.

«Похоже, она может покрывать кислотой только руки», — мысленно заключил Игорь, оставшийся в одной футболке.

— Думаю, одного соперника будет тебе недостаточно, — заключил Ждун, с интересом наблюдающий за манипуляциями Лазарева. — Прилепин, ты следующий!

Повинуясь приказу Аркадия Борисовича, Глеб занял место напротив Игоря. Надевать пластиковый доспех он, по обыкновению, не стал: ещё на подходе к центру зала его тело заблестело от покрывающего кожу алюминия.

На этот раз Лазарев сдерживаться не стал. Если прежде ему противостояла девушка и он не хотел атаковать её в полную силу, то теперь в круг вышел элементаль-металлист, в поединке с которым Игорь мог как следует протестировать свои новые возможности. Тем более, что Аркадий Борисович, судя по всему, подталкивал его именно к этому.

Стоило прозвучать команде о начале спарринга, как Игорь тут же быстро побежал вперёд, перехватывая инициативу. Прилепин, не желая уступать, бросился ему навстречу, поэтому столкнулись они точно в центре зала.

С первой секунды стали очевидны пробелы в технике Глеба. Неотработанные должным образом он компенсировал за счёт металлической брони, однако этого было мало, чтобы составить Игорю серьёзную конкуренцию. Лазарев видел, как широко замахивался соперник перед ударом, поэтому ему ничего не стоило отбить кулак Прилепина в сторону и тут же контратаковать в корпус оппонента.

Полыхнувшая ярко-оранжевым рука отбросила Глеба на несколько шагов назад, заставив болезненно поморщиться. Короткого контакта с кулаком Игоря оказалось достаточно, чтобы прожечь его куртку и обнажить алюминиевую броню, мгновенно покрывшуюся копотью. Однако это лишь обозлило Прилепина: коротко рыкнул, он с удвоенной яростью бросился навстречу сопернику.

Он несколько не изменил тактику, всё так же пытаясь атаковать своего оппонента тяжёлым ударом от бедра. Такой замах в боксе называли «колхозным»: атака, хоть и могла оказаться чрезвычайно сильной за счёт вложенного в неё веса, была видна невооружённым глазом, и избежать её подготовленному человеку не составляло никакого труда.

Игорь перехватил запястье противника в воздухе и подшагнул ближе, второй рукой цепляясь за шею Глеба и одновременно разворачивая корпус. Инерция от удара сыграла с Прилепиным злую шутку: подбив ноги оппонента своей пяткой, Лазарев, совершенно не сдерживаясь, швырнул его наземь.

Удар о маты сопровождался таким звуком, будто упал не человек, а тяжело нагруженный шкаф. Прилепин издал глухой стон: несмотря на алюминиевую броню, падение всерьёз потрясло его внутренние органы. Для того, чтобы прийти в себя, ему нужно было несколько секунд, но давать противнику возможность восстановиться Игорь не стал. Присев возле Глеба на корточки, он символически обозначил удар по голове, что не осталось без внимания Ждуна:

— Прилепин, свободен. Что до Лазарева... — Аркадий Борисович хитро прищурился словно примеряясь, как бы сподручнее до него добраться, — Раз уж ты такой умелый, попробуй выстоять против двоих одновременно. Артур и Кейн, ваш выход!

Крупный черноволосый мужчина с узким разрезом глаз оказался в центре зала практически сразу, чего нельзя было сказать об Артуре: последнему потребовалось некоторое время, чтобы облачиться в пластиковую броню. Сам Кейн мог игнорировать

выдаваемую в СЗГ амуницию благодаря своей песочной стихии, оберегающей его гораздо надёжнее казённого доспеха.

Едва Артур появился из раздевалки, как Ждун махнул рукой, обозначая начало поединка. Пользуясь тем, что противники ещё не успели объединиться, Игорь тут же атаковал стоящего поблизости Кейна, без затей пнув его ногой в грудь. Крупный азиат успел среагировать и покрыться песочным панцирем, поэтому удар не нанёс ему сколь-нибудь заметного урона, однако Лазарев и не планировал всерьёз навредить ему. Достаточно того, что песчаный элементаль был отброшен в сторону, открыв тем самым дорогу к Артуру.

Застать врасплох профессионального борца не удалось: несмотря на то, что Игорь добрался до него за считанные секунды, Артур уже был готов к столкновению. Более того, он даже попытался перехватить инициативу и бросился чересчур шустрому оппоненту в ноги, однако Игорь и не подумал остановиться. Напротив, он прыгнул ему навстречу и выставил вперёд колена, вынуждая Артура защищаться.

В тот момент, когда они должны были столкнуться, Артур вдруг исчез, взорвавшись облаком водяных брызг, и тут же материализовался за спиной Лазарева, зацепившись ногами за его туловище и обхватив шею удушающим приёмом. Для обычного человека на этом поединок был бы закончен, но Игорь ожидал подобного трюка, поэтому подготовил ловкому сопернику неприятный сюрприз.

Неоднократно наблюдая за спаррингами, Лазарев заметил, что для того, чтобы полностью вернуться из состояния водяной взвеси в твёрдую физическую форму, Артуру требовалось около секунды. Этим Игорь и воспользовался.

Тонкие ручейки лавы, вспыхнувшие по всей спине, мгновенно подняли окружающую температуру на десятки градусов. Артур вскрикнул от неожиданности, отпустил шею Игоря и отскочил назад, окружённый облаком пара.

У способности курчавого парня была очевидная слабость: поддержание водяной формы требовало от него колоссальных затрат энергии. Резкое нагревание привело молекулы жидкости в хаотичное движение, усложнив и без того непростой для Артура процесс. Цокнув языком, водяной элементаль поднял руку, признавая поражение.

Вся их схватка заняла каких-то несколько секунд. Кейн не успел помочь Артуру, и теперь остался с Игорем один на один, настороженно наблюдая за действиями оппонента.

Лазарев с удивлением понял, что практически не устал. Последовательные столкновения с тремя элементами не прошли для него бесследно — дыхание участилось, а по лбу побежали капельки пота, — однако он совершенно не чувствовал себя измотанным. Такое состояние могло быть после умеренной пробежки или хорошей разминки, но никак не после трех спаррингов подряд.

За свою расслабленность Игорь едва не поплатился. Кейн не собирался давать ему время на самоанализ, и, чуть приблизившись, нанёс прямой удар ногой. Лазарев не стал защищаться, оценив расстояние и просто отступив на шаг, однако в последний момент нога Кейна покрылась песком и как будто бы вытянулась, врезавшись Игорю в грудь.

Ощущение было такое, будто его лягнула лошадь. Лазарева отшвырнуло назад, практически впечатав в укрывающие стены маты. Но, что удивительно, дыхание не перехватило. Да и боли, если подумать, особой не было.

«Странно, я думал, он неплохо по мне приложился».

— Игорь, что это с тобой?

Лазарев повернул голову. Неожиданно заговорила Ксения, до этого молча наблюдавшая

за поединком. Не понимая причины вопроса, он краем глаза наблюдал за Кейном, почему-то замершим на месте, и решил уточнить:

— А что со мной не так?

— Твоя кожа...

Только сейчас Игорь посмотрел на свои руки. Вместо обычных тонких ручейков лавы, в которую превращалась его кровь, наблюдалась странная картина.

Кожа приняла тёмно-серый оттенок и затвердела, покрывшись какой-то каменистой коркой. В тонких трещинах проглядывалась лава, как будто циркулирующая внутри его тела.

Опустив глаза на изодранную, местами прогоревшую футболку, Игорь увидел, что на его груди возникла такая же корка из тёмно-серых наростов, пересекаемых сетью крохотных ярко-жёлтых полос.

«Похоже, у меня только что появилась броня», — другого объяснения происходящему быть не могло.

Ведомый желанием проверить свой новообретённый доспех, Игорь коротким рывком подобрался к Кейну и нанёс ему несколько пробных ударов. Противник тут же укрылся сплошным песчаным коконом, однако это не могло его уберечь: всего нескольких атак оказалось достаточно, чтобы лишить его защиты.

— Стоп!

Окрик Аркадия Борисовича заставил Игоря замереть с поднятой рукой.

— Хватит, ты выиграл. Освободите круг. Оба.

Лазарев не стал спорить. Он уже узнал, что его способности качественно улучшились, и продемонстрировать их пределы ему совершенно не хотелось. Тёмно-серая корка медленно впитывалась в кожу. Он и так уже показал больше, чем следовало.

Повернув голову к Артуру, внимательно наблюдавшему за продолжением спарринга, Игорь задал ему вопрос, плотно засевший в голове:

— Почему твоя одежда исчезает вместе с тобой?

Раньше он как-то не придавал этому значения, однако сегодня обратил внимание, что водяной элементаль обращался в свою стихию вместе с надетой на него военной формой. Артур пожал плечами:

— Вода, немного крови и простейшая руна связи, которая заставляет элемент воспринимать одежду, как часть твоего тела. А если взять побольше крови, то вполне можно обойтись и без руны. Раньше ведь твоя одежда не сторала, верно?

Игорь задумался. Артур был прав — в прошлом, когда для использования собственной стихии Игорю приходилось использовать нанесённую на одежду кровь, воспламенение элемента никак ей не вредило его вещам. Теперь в заготовке крови не было необходимости, и все же не каждая одежда способна выдержать резкое повышение температуры или появление тёмно-серой брони. Поставив себе мысленную заметку поразмыслить над этой проблемой, Игорь отложил её решение до лучших времён.

Аркадий Борисович тем временем вызывал в центр зала следующих бойцов.

— Ксения и... Екатерина, ваш черёд.

Первая из девушек с готовностью поднялась на ноги и тут же начала покрываться серебряными доспехами. Чего нельзя было сказать о второй. И не подумав выходить против Ксении, Катя подошла к Ждуну и что-то негромко ему сказала. Внимательно её выслушав, Аркадий Борисович задумчиво протянул:

— Ну что же, как скажешь. Тимофей, выходи!

Место Кати в центре зала занял Раевский, а девушка тем временем, миновав провожающих её удивлёнными взглядами коллег, прошла в сторону Лазарева и села рядом с ним.

— Что ты ему сказала? — не сдержал Игорь любопытства.

С торжествующим блеском в глазах Катя повернулась к нему. Чуть наклонив голову, она ответила, и Игорь готов был поклясться, что эти слова были ему знакомы:

— Знаешь, это слишком долгий разговор, чтобы успеть обсудить всё здесь. Как насчёт поужинать?

Несмотря на опасения Игоря, ресторан оказался довольно приличным.

Идти в заведение рядом с работой почему-то показалось ему неправильным, и он потратил некоторое время, чтобы поискать в интернете подходящие варианты для свидания. Мужское начало в нём буквально требовало произвести на малознакомую девушку хорошее впечатление. И, судя по всему, это удалось.

Катя с лёгким макияжем в виде симметричных стрелок, подчеркивающих её восточные черты лица, и в летнем платье, не шла, а буквально дефилировала рядом с Игорем. Высоко подняв подбородок, осмотрела помещение, в которое их привёл сотрудник кафе. Она старалась выглядеть так, будто регулярно бывает в подобного рода заведениях, однако блеск в тёмных, почти чёрных глазах выдавал её с головой. Девушка была в восторге.

В приглушённом свете крафтовых ламп различной формы светло-серые стены смотрелись стильно и дорого. Повсюду весели современные картины неизвестных художников, придающих заведению оттенок элитарности. Хозяева заведения в своё время приняли смелое решение, и теперь кухня находилась прямо в общей зале, позволяя любому из посетителей без проблем наблюдать за тем, как готовится их блюдо.

— А здесь довольно симпатично, — озвучила его мысли Катя.

Вскоре подошёл официант, и девушка, несколько минут сосредоточенно изучавшая меню, наконец выбрала салат «Цезарь», по какой-то причине пользующийся у женского пола особенной популярностью, и чизкейк в качестве десерта. Игорь был менее щепетилен в выборе блюд и заказал одно из первых блюд, попавшихся ему на глаза и не показавшихся при этом слишком дорогим. В конце концов, молодой парень в ресторане всегда должен умело выдерживать баланс, чтобы не потратить слишком много денег, но при этом не показаться жмотом.

Обернувшись в сторону расположенной в центре зала кухни, Катя сделала несколько фотографий.

— Для чего тебе эти снимки? — поинтересовался Игорь.

— Ну, как это — для чего, — чуть смутилась девушка, — На память. Теперь у меня в телефоне будут фотографии, я смогу их пересмотреть и вспомнить, что была в... Как называется это место?

— «Марчеллио».

— Вот, в «Марчеллио», — кивком поблагодарив собеседника, закончила свою мысль Катя. А затем сделала ещё несколько фотографий на фронтальную камеру.

С улыбкой покачав головой, Игорь решил не обращать внимания на женские прихоти и принялся осматривать помещение.

Несмотря на будний день, в ресторане было довольно оживлённо. Несколько официантов ловко сновали между красивыми деревянными столами, разнося необычной формы глубокие тарелки. Издалека было сложно разглядеть, что с ними не так, поэтому Лазарев решил дождаться, пока не принесут его заказ.

Приятно удивил контингент заведения. Несмотря на отсутствие какого-либо фейс-контроля, присутствующие в ресторане люди были ухожены и аккуратно одеты. Нет, «Марчеллио» не был пафосным местом, требующим от мужчин костюма-тройки, а от женщин — дорогих вечерних платьев популярных домов моды. Однако хороший свитер или

водолазка, блузка или свободная рубашка смотрелись на посетителях ничуть не хуже, а заведение от этого выглядело гораздо уютнее.

Помимо прочих плюсов ресторана, Игорь отметил старательность и чуткость персонала. На его глазах один из официантов помогал мужчине с деревянным протезом на месте руки закрепить столовый прибор между резными пальцами.

В общем, «Марчеллио» понравился Игорю задолго до того, как ему принесли местную еду.

— Как тебе работа? — спросил Лазарев, увидев, что его спутница наконец убрала телефон.

— Если честно, я пока не поняла, — призналась Катя. — Я представляла себе СЗГ... Не так, — неловко закончила она.

— А как?

— Ну, я думала, все будут ходить в форме, заниматься всякими серьёзными документами... А на деле вы только избиваете друг друга и говорите, что таким образом готовитесь к открытию какого-то Института!

Игорь хохотнул, признавая правоту девушки:

— Знаешь, пожалуй, ты в чём-то права. Только вот тренировки нужны не из-за Института Элементалей. Точнее, не только из-за него.

И Лазарев рассказал ей о том, что существуют преступные группировки с элементами, против которых бесполезно обычное оружие. Коротко, в меру собственных знаний поведал о Семьях и Домах, в которых обладающие стихией люди особенно сильны. Катя оказалась благодарным собеседником: она не перебивала, не лезла с вопросами, которые у неё наверняка появились, а просто слушала, внимательно глядя на Игоря угольными глазами. А когда он наконец договорил, ещё с добрый десяток секунд она просидела, задумчиво накручивая локон чёрных волос на палец. А затем задала всего один вопрос:

— Получается, что самых одарённых элементалей соберут в одном месте... А охранять его будем мы?

— Понимаю твой скепсис, — Игорь медленно и значимо кивнул, — Обеспечить безопасность в Институте, где даже самый слабый из студентов имеет гораздо более развитый элемент, чем любой из дикарей в СЗГ, звучит как безумие. Но выбора нет, поэтому всё, что нам остаётся, — это готовиться.

Нахмуренные брови Кати и не подумали разглаживаться, и Лазарев добавил:

— Не беспокойся об этом. Только представь: в Институте будут учиться дети и внуки сильнейших элементалей Семей и Домов. Подвергать опасности студентов в таком месте может только безумец.

— Тогда зачем там мы?

— Для обеспечения внутреннего порядка, — Игорь внутренне поморщился, осознав, что говорит шаблонными военными фразами, словно читая слова из инструкции. Следовало меньше общаться с Глазуновым. — Ну и на случай, если безумец всё же объявится.

Официант наконец принёс им заказ, и следующие десять минут превратились в сосредоточенное поглощение пищи. Игорь не жаловался на еду, питаясь либо в столовой, либо дома, приготовив что-нибудь на скорую руку, однако вынужден был признать, что местные блюда существенно превосходили его обычный рацион. В конце концов, механическое перемалывание еды, чтобы выжить, значительно отличалось от смакования

гастрономических шедевров.

Игорь прищурился, наслаждаясь буквально тающим во рту кусочком мяса в кисло-сладком соусе. Когда он открыл глаза, то чуть не стал свидетелем преступления. Катя, сжав вилку в аккуратных пальцах, воинственно направила зубчики столового прибора в сторону тарелки Игоря.

— Можно я украду у тебя креветку?

Лазарев недоумённо кивнул. Стоящее перед Катей блюдо причудливой формы, выделяющейся неровными краями, было практически полным, однако девушка, едва попробовав свою еду, тут же переключила внимание на заказ молодого человека.

Мысленные рассуждения об особенностях женского питания в ресторанах пришлось отложить на потом. Игорь вдруг почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. В очередной раз обведя зал ресторана взглядом, он столкнулся глазами с тем самым мужчиной, чьи руки заменяли деревянные протезы. Тот долго смотрел в ответ, ничуть не смущаясь от того, что его заметили.

Решив не играть со странным калекой в гляделки, Игорь обернулся к своей спутнице. Катя продолжала ловко вылавливать креветок из его тарелки.

— Кстати, а почему ты не захотела поучаствовать в тренировке?

Девушка чуть заметно поджала губы, но всё же ответила:

— Я не против того, чтобы участвовать в самих тренировках, но я не могу участвовать в этих ваших спаррингах. Возможно, за счёт общения с коллегами-женщинами, — на этих словах она стрельнула в Игоря глазами, — У тебя могло сложиться мнение, будто все девушки занимаются единоборствами. Однако уверяю тебя — это не так. И перед тобой сидит живое тому доказательство.

Катя ненадолго замолчала и закинула в рот очередную креветку. Тщательно прожевав её, Катя изящным движением промокнула уголки пухлых губ салфеткой и продолжила:

— Что до использования элемента, то здесь всё ещё сложнее. У каждого из вас есть стихия, позволяющая убить человека, но при достаточной защите и сдержанных нападениях спарринг-партнёры находятся в относительной безопасности. Пластиковая броня, постоянное наблюдение руководителя занятия, наличие аптек... Боюсь, в случае с моей стихией это может не сработать.

— Почему ты так думаешь? Как ты могла заметить, у меня тоже не самый безопасный элемент, однако даже им удаётся пользоваться без последствий для окружающих, — Игорь развёл руками. Катя кивнула, соглашаясь:

— Ты прав, лава обладает огромным разрушительным потенциалом, однако в тех объёмах, которые ты используешь на тренировках, пластиковой брони вполне достаточно, чтобы защитить соперника от опасного воздействия стихии. Но вряд ли в СЗГ есть доспех который поможет спастись от яда.

Игорю вспомнились респираторы, надетые людьми из банды, возглавляемой дымным элементом. Арсен тогда всерьёз опасался, что Филипп использует некую отраву, известную под названием «эссенция ядовитой крови», поэтому решил таким образом защитить своих подчинённых. Наверняка подобные респираторы можно было найти и в СЗГ, однако вряд ли это можно было считать оптимальным методом защиты. По крайней мере, если не ожидать нападения, встреча с элементом ядовитой стихии легко могла оказаться фатальной. Постоянно носить маску с встроенным фильтром Лазареву не хотелось.

«Надо поговорить на этот счёт с Мерцаловым, — поставил себе мысленную зарубку

Игорь. — Может, он сумеет что-то подсказать».

— Думаю, в СЗГ должны быть респираторы, — озвучил он девушке свою идею. — Так ты сможешь попробовать тренироваться. Правда, тогда вы должны оставаться с противником вдвоём, чтобы не навредить остальным.

— О, знаешь, у меня тоже появилась идея! — обрадовалась Катя. — Мы могли бы...

Что именно они могли бы сделать, Игорь так и не узнал, потому что в этот момент их разговор неожиданно прервали.

— Добрый вечер, — к их столу подошёл тот самый мужчина, что совсем недавно мерился с Игорем взглядами. Дорогие даже на вид кожаные туфли, тёмные брюки, аккуратная стрижка, безупречно ухоженная седая борода, обрамляющая благородные черты немолодого лица — в облике солидного стоящего у стола человека было немало деталей, достойных внимания. Но сильнее всего взгляд притягивали торчащие из рукавов бордового свитера протезы рук. Между изящных пальцев, несомненно, выполненных профессиональным резчиком по дереву, так и торчала вилка, вставленная туда официантом. Игорь отметил, что столовый прибор остался чистым. Мужчина им так и не воспользовался.

Вдруг незванный посетитель медленно протянул правую руку вперёд. Лазарев напрягся, готовый в любой момент вскочить со своего места и напасть на мужчину, однако этого не потребовалось. Из-под рукава бордового свитера вдруг выросло нечто вроде щупальца, обернувшего вилку и аккуратно уронившего её на стол перед Игорем.

— Простите, что прерываю ваше свидание, но мне просто жизненно необходимо поговорить с вашим молодым человеком, — вежливо обратился он к Кате. Затем обернулся к Игорю: — Могу присесть? Обещаю, много времени я не займу.

Пожав плечами, Игорь сделал приглашающий жест рукой. Мужчина благодарно кивнул и подвинул к их столу стоящий неподалёку стул. Лазарев не увидел, как именно он это сделал, но подозревал, что ему помогли всё те же щупальца. Похоже, отсутствие рук не сильно ему мешало.

— Позвольте представиться: Николай Сергеевич Харитонов, — начал мужчина, аккуратно примостившись на стул. Руки он положил на стол, так, чтобы они были на виду. — Но вам я, скорее всего, известен под именем Карло.

Игорь сдержанно кивнул. Он давно выучил список преступных группировок города. Карло был главарём одноимённой банды. Чуть прищурившись, он медленно проговорил:

— Вы правы, это имя нам знакомо. Могу я узнать, что вы здесь делаете?

Харитонов позволил себе лёгкую улыбку.

— Не поверите, я собирался поужинать. Честно говоря, никогда не любил готовить самостоятельно, а некоторые... — он покосился на свои протезы, — Кхм... Приобретённые особенности и вовсе лишили меня такой возможности.

— Мы вам как-то помешали? — Игорь вскинул брови. В то, что Николай Сергеевич случайно решил поужинать в тот же ресторан, что и они с Катей, он ни на грамм не поверил.

— Что вы, несколько, — Карло замахал рукой, что в его исполнении выглядело довольно странно, — Просто я увидел вас и понял, что ужин может подождать. Это же такое удачное стечение обстоятельств!

«Действительно, бывают же такие совпадения!»

— В первую очередь хотелось бы поздравить вас с побегом от Кирилла, — так, видимо, звали Скрипача, — Честно говоря, я боялся, что вам не удастся спастись. Смею заверить, до вас этого никому не удавалось.

Карло замолчал, давая собеседнику возможность выговориться. Но Игорь молчал и внимательно смотрел на Харитонову, ожидая, когда он дойдёт до сути. Поняв, что ответа не последует, Карло как ни в чём ни бывало продолжил:

— В общем, смею заверить, что вы, по мнению многих людей, практически совершили подвиг. Ваш побег не просто стал чем-то необычным, он нанёс авторитету Скрипача серьёзный удар, от которого он, надеюсь, не сможет оправиться, — в светло-голубых глазах Харитонova сверкнула сталь. — Вы знаете, что произошло после того, как вы покинули его базу?

— Боюсь, не было времени посмотреть, — в тон ему ответил Игорь.

— Тогда позвольте мне вас просветить, — Карло уже не скрывал улыбки, — Вскоре после того, как вы сбежали, к Кириллу прибыл человек, известный как Прометей. Он никогда не славился своим терпением, а здесь, говорят, и вовсе пришёл в ярость. Скрипач, конечно, очень сильный элементаль, а на своей базе и вовсе считался непобедимым, но что скромный главарь банды мог противопоставить Повелителю? — Харитонов с напускным сочувствием развёл руками. — Разумеется, у него не было ни шансов. В общем, Прометей уничтожил базу, самого Кирилла одарил внушительным ожогом на пол-лица и дал ему срок в месяц, чтобы поймать тебя и привести к нему.

Карло умолк. Игорь тоже не спешил задавать вопросы, обдумывая вырисовывающиеся перспективы. По всему получалось, что у него серьёзно добавилось проблем. Если Карло смог найти Лазарева, то и у Скрипача с этим сложностей не возникнет. Догадавшись о ходе мыслей Игоря, Карло поспешил успокоить собеседника:

— Не беспокойтесь, здесь он вас не найдёт. Ресторан находится на моей территории. Собственно, только благодаря этому я и узнал, что вы здесь.

— Что вы предлагаете? — решил уточнить Игорь.

— Предлагаю? Да в общем-то, пока — ничего конкретного. Просто решил, что информация может оказаться для вас полезной. Что до меня... — щека Харитонova дёрнулась, — Мне нужно, чтобы Скрипач был уничтожен.

Карло со злостью посмотрел на деревянные протезы, всё так же лежащие на столе. Наконец он заговорил вновь:

— В его банде произошёл серьёзный раскол. Он наверняка бросит все силы на то, чтобы схватить тебя. А дальше... Умрёт он от твоей руки, или же его убьёт Прометей, — мне, в общем-то, без разницы. Главное — он должен умереть. И я готов предложить тебе свою помощь, — ненависть Харитонova была так велика, что он незаметно перешёл на «ты». — Вот моя визитка. Если что-то потребуется — дай знать.

Карло поднялся из-за стола. Там, где какую-то секунду назад покоились его руки, теперь лежала небольшая карточка номером телефона.

— На этом позвольте откланяться, — Харитонов отодвинул стул на место и вежливо кивнул Кате, — Рад был познакомиться. Хорошего вечера.

Видимо, забыв об ужине, он покинул зал ресторана, оставив Игоря с Катей наедине. Девушка смотрела на Лазарева: в угольно-чёрных глазах сверкала обеспокоенность.

Игорь убрал визитку в карман и поднял со стола вилку, оставленную Карло. Несмотря на великолепную кухню, есть ему совершенно не хотелось.

Несмотря на неприятные новости, считать вечер испорченным у Игоря не получалось. Катя быстро вывела его из состояния меланхолической задумчивости, задавая вопросы и вынуждая на них отвечать. И Лазарев поддался.

У его спутницы было замечательное качество, позволившее Игорю расслабиться, а именно — лёгкость в характере. Она с детской непосредственностью расспрашивала собеседника обо всём: знакомству с Карло, показавшимся ей «воспитанным мужчиной», и возможной опасности от Скрипача она уделила совсем немного времени, быстро переключившись на расспросы, казавшиеся Игорю странными и выбивающими из колеи.

Например, зачем ей знать, кем он был по знаку зодиака? Какое самое яркое воспоминание из детства? Сколько хотел бы детей? Некоторые вопросы вгоняли Игоря в ступор. Он и не заметил, как сам включился в эту игру.

В общем, когда они всё-таки доели оставшиеся блюда и покинули ресторан, Лазарев знал, что Катя — овен, выросший в доме бабушки с дедушкой и мечтающий о двух детях — мальчике и девочке. А ещё — кучу других крохотных деталей из прошлого девушки, которые складывались в общую картину восприятия человека.

Впечатление, сложившееся у Игоря при первой встрече с Катей, оказалось обманчивым. Она вовсе не была холодной и отчуждённой девушкой, высокомерно взирающей на остальных. Раньше Катя просто была вынуждена так себя вести, чтобы держать своих псевдо-друзей на расстоянии. Перед Игорем же в этой ледяной маске не было никакой нужды, и он с удовольствием отметил, что общение с девушкой оставил после себя уютное и приятное послевкусие. Сама того не осознавая, она разбавила тяжёлые думы Игоря, а заодно — немного заполнила ту неприятную пустоту, образовавшуюся из-за неразделённых чувств к Юле.

Проводив Катю до дома и пообещав, что они непременно увидятся снова, Лазарев отправился домой и узнал, что неожиданные новости на сегодня не закончились.

— Добрый вечер, Игорьь.

Говорящий ещё не закончил фразу, когда Игорьь покрылся тонкой сеткой стихии. Этот трюк удавался ему всё лучше, обеспечивая неплохую защиту, однако в данной ситуации этого не потребовалось: в середине комнаты на стуле сидел Григорий Геннадьевич. Он положил руки на колени, будто ученик, демонстрирующий преподавателю своё прилежание, и оттого его присутствие в квартире выглядело ещё более абсурдным. Старик в чёрном костюме явно не был тем, кого ожидаешь увидеть в своей квартире.

— Как вы здесь оказались? — не слишком-то вежливо проворчал Игорьь. Ему не понравилось, что в дом без его ведома входят посторонние.

— Простите за вторжение, — Григорий Геннадьевич понял причину недовольства собеседника. — Мне пришлось задействовать некоторые свои способности, чтобы пробраться сюда незамеченным. Как вы понимаете, позволить себе ждать вас на улице я не мог.

Игорьь вынужден был согласиться. Район полностью контролировался СЗГ, поэтому единственным относительно безопасным для Григория Геннадьевича местом была квартира Лазарева.

— Ладно, проехали, — Игорьь махнул рукой, — Зачем вы пришли?

Григорий Геннадьевич красноречиво покосился в сторону кухни, как бы намекая, что неплохо бы угостить его чаем, но Игорь сделал вид, что не заметил этого. Мужчина не был его другом и сейчас, скорее всего, просто выполнял функцию посланника, а значит, следовало узнать, что именно он должен был передать. Тратить время на вежливые расшаркивания Лазареву не хотелось. Он с ожиданием уставился на гостя.

Поняв, что ожидать угощения не стоит, старик укоризненно цокнул языком и с недовольным видом провёл рукой по волосам. Игорь обратил внимание на их слишком чёрный и насыщенный для возраста мужчины цвет: ему, пожалуй, было уже под семьдесят. В такие годы люди обычно либо седеют, либо лысеют, однако Григорий Геннадьевич щеголял тщательно уложенной густой шевелюрой.

«Говори быстрее, тебе же, судя по всему, сегодня ещё волосы красить», — мысленно поторопил его Игорь.

— Ну, во-первых, меня просили передать, что Кратовы в порядке и скрываются в надёжном месте, — начал наконец Григорий Геннадьевич. — Вас ведь наверняка интересовал этот вопрос?

— Наверняка, — кивком поблагодарил его Игорь. — Но вряд ли вы навестили меня только из-за этого.

— Разумеется. Я хотел попросить вас о помощи.

«Похоже, сегодня всем старикам только и требуется, что моя помощь», — невесело подумал Игорь. Вслух, однако, он произнёс следующее:

— О какой помощи речь?

— Я уже несколько лет ищу одну вещь, — издалека начал рассказ Григорий Геннадьевич, — Под названием фальсиформика. Слышали о такой?

— Нет, — не моргнув глазом, солгал Лазарев.

— Ну разумеется, — то ли из-за редкости предмета, то ли из-за невысокого мнения об эрудированности Игоря, но Григорий Геннадьевич вовсе не был удивлён. — Фальсиформика — это давно вымерший вид насекомых наподобие современных пчёл. С одним важным отличием — в отличие от своих потомков, фальсиформика содержала в своём теле особое вещество, имеющее огромную ценность для талантливых рунистов.

— Замечательно, — Игорь продолжал изображать непонимание, — А причём здесь я?

— Вы представляете, насколько талантлива Соня? — вопросом на вопрос ответил старик. — Я вам подскажу: её одарённость невероятна. За всю свою жизнь я встречал подобное лишь однажды. И талант этот настолько огромен, насколько и опасен. — Григорий Геннадьевич пристально посмотрел на Игоря, убеждаясь, что тот внимательно слушает. Затем продолжил:

— Это одновременно и дар, и проклятие. Дар — потому что Соня имеет потенциал стать Идракилем, даже не достигнув каких-то двадцати лет. При том, что для большинства рунистов эта ступень и в девяносто лет остаётся недостижимой! — забывшись, старик сам не заметил, как повысил голос. — А проклятие... — тут он стал говорить тише, но от этого слова его звучали ещё тяжелее — Потому что она до этого не доживёт.

— Что с ней? — Игорь дёрнулся, как от удара. Он искренне желал, чтобы слова Григория Геннадьевича были преувеличением, однако собеседник беспощадно разрушил его надежды:

— «Руническая лихорадка». Редкое заболевание головного мозга, проявляющееся у талантливых рунистов. И никакие методы лечения, от современной хирургии до высших рун

лечения, не способны избавить от лихорадки. Появление симптомов — это, можно сказать, приговор. По крайней мере, если не достать фальсиформику.

— Да как её искать? — сдержать раздражения Игорю не удалось. — Вы же сами сказали, что они вымерли!

— Сказал, — степенно кивнул Григорий Геннадьевич, словно не заметив вспышки собеседника. — Но сам — продолжаю искать. Исследую коллекции энтомологов, изучаю засушенные экземпляры, посещаю музеи с насекомыми, застывшими в янтаре... Однако есть места, до которых я добраться не могу. Здесь я и хотел попросить твоей помощи. Ты мог бы проверить записи в архивах СЗГ? Как ты понимаешь, у меня туда хода нет.

— Да, — подумав, ответил Игорь. — Думаю, мне это под силу.

— Отлично. Ищи любые упоминания о рунистах и об их схронах. Любая информация, которая поможет хотя бы на шаг продвинуться в поисках фальсиформики, — на вес золота.

Игорь сглотнул, прежде чем задать следующий вопрос. Почему-то он дался ему особенно тяжело.

— Сколько... Сколько у нас времени?

— Я не врач... — начал было Григорий Геннадьевич.

— Сколько? — тоном, не терпящим возражений, прервал его Игорь.

— Год.

В комнате повисло неприятное, почти осязаемое молчание. Игорь напряжённо размышлял над тем, где можно было найти насекомое, исчезнувшее с лица земли несколько тысяч лет назад. На ум, естественно, ничего не приходило. Но опускать рук он не собирался.

— Я посмотрю, есть ли в СЗГ какая-то информация на этот счёт. Как мне с вами связаться?

— Так... Напиши здесь свой номер телефона.

Григорий Геннадьевич сунул руку в карман пиджака, что-то там нашарил и протянул Игорю небольшой розовый блокнот, на котором красовалось изображение единорога. Лазарев вскинул бровь.

Старик помотал головой из стороны в сторону, мол, не спрашивай, и требовательно тряхнул блокнотом в воздухе. Игорь взял его и обернулся в поисках ручки. Поняв его сложности, Григорий Геннадьевич медленно, с раздражением выдохнул и достал из того же кармана ручку в цвет блокнота. В её торцевой части красовалось выполненная в мультяшном стиле голова динозаврика.

В очередной раз насмешливо посмотрев на хранителя девчачьих аксессуаров, Игорь быстрыми неаккуратными росчерками написал свой номер на первой странице пустого блокнота. После этого Григорий Геннадьевич спрятал его обратно в карман чёрного пиджака и поднялся со стула.

— Ручку тоже.

— А, да, — Игорь протянул старику вышеназванный предмет, в последний раз с сожалением взглянув на динозаврика.

— Мы сами свяжемся с тобой, — предупредил Григорий Геннадьевич. Не прощаясь, он начертил в воздухе перед собой какую-то руну. В отличие от узоров Сони, его рисунок не светился серебристым, а скорее напоминал тёмно-серый, почти чёрный дым. Он окутал старика, сделав лицо абсолютно неразличимым в подвижном облаке смога. Дверь комнаты открылась, и старик покинул квартиру.

Так уж вышло, что окна в комнате Игоря находились прямо над выходом из подъезда, но

когда он решил посмотреть на улицу, то не заметил, чтобы Григорий Геннадьевич выходил из дома. Похоже, у этого человека было гораздо больше секретов, чем он демонстрировал.

Игорь заварил себе зелёный чай, и сел за стол, невидящим взглядом уставившись в дымящуюся кружку. Если новости от Карло неприятно удивили его, то появление Григория Геннадьевича совсем выбило его из колеи. Конечно, Лазарев был рад услышать, что с Филиппом и Соней всё в порядке, но...

Но это было временно, и как помочь — Игорь не знал.

Современная медицина позволяла справиться с большинством существующих болезней, и Игорю не хотелось верить, что Соне нельзя помочь. Но и лгать Григорию Геннадьевичу было ни к чему, а значит, единственный шанс спасти дочь Филиппа — найти фальсиформику.

Игорь осторожно сделал маленький глоток чая. Обжигающая жидкость тёплой волной скользнула по пищеводу, странным образом действуя успокаивающе. Лазарев отодвинул эмоции в сторону и постарался рассуждать логически.

«Итак. Что я могу сделать?»

По всему выходило, что немного. От Игоря вообще мало что зависело — в конце концов, шанс найти давно вымершее насекомое был настолько крохотным, что его едва ли можно было считать достойным внимания. Но Игорь всё равно собирался искать.

В первую очередь следовало проверить информацию, которой обладает СЗГ. От современных баз данных до многолетних архивов, Лазарев собирался прошерстить все документы, где хотя бы одним словом упоминаются рунисты. Несомненно, это займёт кучу времени, однако на данном этапе такой поиск — единственное полезное действие, доступное Игорю.

«Так, допустим, с этим разобрались. Что потом?» — Игорь отхлебнул из кружки.

Разумеется, Лазарев хотел бы, чтобы нужная информация нашлась в СЗГ. Однако он смотрел на ситуацию трезво и понимал, что поиски вряд ли ограничатся одной лишь работой. Это было бы слишком большой удачей. Скорее всего, придётся искать дальше, находить библиотеки...

«Ну конечно!» — Игоря осенило. — «Библиотека! Меньше, чем через месяц, должен открыться Институт Элементалей. Наверняка ради их образования будет подготовлена огромная библиотека! Возможно, что-то удастся найти там?»

В несколько глотков допив остывший чай, Игорь оставил кружку в раковине, решив, что помоеет её потом, и направился в спальню. План был составлен, и оставалось лишь самое простое — воплотить его в действие. А что до Скрипача...

Игорь посмотрел на свою руку. Тыльную сторону кисти покрывала тонкая, еле заметная паутинка из белых шрамов. Использование стихии не проходило для него бесследно.

Со Скрипачом он как-нибудь разберётся.

— Всем доброго дня, — с неизменно хмурым лицом, никак не вяжущимся с его словами, поздоровался Аркадий Борисович. Подразделение по своему обыкновению построилось в зале, который за последние месяцы успел Игорю порядком надоесть. Нет, он осознавал важность тренировок, и всё же однообразие занятий со временем начало его раздражать.

— Сегодня у нас по плану отработка борцовских приёмов, — продолжил Ждун, незнакомый с внутренними противоречиями Игоря. — Кейн работает с Артуром, Глеб — с

Антоном...

Он быстро перечислил всех сотрудников, разбив их на пары, не назвав только Лазарева.

— Аркадий Борисович! — решил напомнить о себе Игорь. — С кем работать мне?

— Со мной, — голос, ответивший Лазареву, принадлежал вовсе не Ждуну.

У входа в спортивный зал стоял Михаил Сергеевич. Игорь не сразу признал Глазунова: внешний вид молодого мужчины в кожаной куртке, джинсах и незатейливых кроссовках никак не вязался с обычным обликом начальника. Да что там одежда! Лазарев готов был поклясться, что на скуластом лице, неизменно сияющем от ежедневного бритья, он увидел как минимум трёхдневную щетину.

Когда Михаил Сергеевич подошёл ближе, стали заметны и другие изменения в том, как он выглядел. Круги под глазами превратились в увесистые мешки; волосы, прежде аккуратно постриженные, неровно укрывали верхнюю часть ушей. Похоже, в последнее время работа занимала всё его время.

— Я собираюсь осмотреть квартиру Кратова, — поздоровавшись, без предисловий заявил Глазунов. — Готов сходить со мной?

Игорь красноречиво посмотрел на свою камуфлированную одежду, заметно отличавшуюся от гражданского образа Михаила Сергеевича. Тот, надо отдать ему должное, намёк понял сразу:

— Разумеется, после того, как переоденешься. Я буду ждать в гараже.

Машину Глазунова Игорь узнал сразу, хотя и видел её впервые. Небольших размеров кроссовер во многом отражал черты своего хозяина. Строгий, немаркого темно-коричневого цвета, он подходил как для спокойной езды по городу, так и для выезда на бездорожье, объединяя в себе все те качества, которые делали автомобиль функциональным. Полная противоположность низко посаженной машины Кратова. Никаких наклеек, разумеется, не было.

Михаил Сергеевич уже сидел за рулем, что-то листая в своём телефоне. Заметив приближение Игоря, он убрал мобильный в карман и жестом предложил Лазареву занять соседнее с водителем место.

— Просто осмотрим квартиру? — уточнил Игорь, закрыв за собой дверь.

— Там видно будет, — Глазунов неопределённо пожал плечами. — Мы ищем любые зацепки, которые позволят найти Филиппа. Возможно, у него дома есть что-то, что позволит узнать, куда он направился после побега.

Машина плавно тронулась со своего места, когда крик откуда-то сбоку заставил Глазунова нажать на педаль тормоза.

— Подождите!

К водительской двери подбежала запыхавшаяся Катя. Выровняв дыхание, она обратилась к удивлённо глядящему на неё Михаилу Сергеевичу:

— Можно... То есть разрешите, — тут же поправилась девушка, — Мне поехать с вами? Аркадий Борисович отпустил.

Игорь ожидал, что Глазунов откажет ей. Скажет что-нибудь в духе «Не положено», или «Я, а не Аркадий Борисович, принимаю такие решения», однако Михаил Сергеевич, подумав, вдруг произнёс:

— Хорошо. Садись.

— Спасибо!

Обрадованная девушка села на заднее сидение, захлопнув за собой дверь сильнее, чем

следовало, что заставило Глазунова чуть заметно поморщиться. Впрочем, заострять на этом внимания он не стал и медленно выехал из гаража.

Стало очевидно, что и стиль вождения Михаила Сергеевича отличается от того, как ездил Кратов: Глазунов управлял автомобилем спокойно и аккуратно, не совершая никаких ускорений и никак не выделяясь из потока, но что-то подсказывало Игорю: в случае необходимости он может гонять не хуже Филиппа. Иначе зачем ему на машине значок, говорящий о том, что она снабжена мощным спортивным двигателем?

Впрочем, даже если бы они ускорились, это вряд ли бы помогло.

Глазунов ехал спокойно, с прищуром глядя покрасневшими от утомления глазами на дорогу, поэтому не сразу заметил то, что увидела Катя. Девушка всю дорогу смотрела в боковое окно, и в один момент, не рискнув отвлекать водителя, осторожно тронула Игоря за плечо.

— Смотри, там что-то в воздухе!

Лазарев взглянул в ту сторону, куда указывала Катя, а потом поднял руку, привлекая внимание Михаила Сергеевича. Тот приглушённо выругался.

С той стороны, где находился дом Кратова, в воздух поднимался едва заметный при дневном свете столб дыма. И почему-то ни Игорь, ни Михаил Сергеевич не сомневались в том, где именно произошёл пожар.

Человек устроен таким образом, что всегда ожидает худшего.

Конечно, существует некоторое количество людей, в любых ситуациях рассчитывающих на благополучный исход, но такие чаще всего заканчивают свои дни где-нибудь в психиатрической больнице за городом в окружении таких же оптимистов и санитаров. Однако в большинстве своём люди всегда ожидают худшего.

И худшее происходит.

Когда машина Глазунова наконец подъехала к дому, где жил Кратов, пожар уже был затушен, и лишь тонкие струйки дыма, поднимающиеся из окна, напоминали о недавнем возгорании. Окно, разумеется, принадлежало квартире Филиппа.

— Что здесь произошло? — выйдя из своего автомобиля, Михаил Сергеевич первым делом обратился к пожарнику, сворачивающему шланг рабочей машины. Тот повернул голову в жёлтой каске к Глазунову, видимо, размышляя, как бы сподручнее послать его в известном направлении, однако, столкнувшись взглядом с Михаилом Сергеевичем, передумал.

— Возгорание в квартире на четвёртом этаже, — вытерев грязное лицо, ответил он. — Причина пока неизвестна, скорее всего, возгорание проводки. — чуть помолчав, мужчина вдруг добавил: — Хотя это, конечно, странно. Дом-то совсем новый!

Глазунов не стал дослушивать рассуждения пожарника и двинулся к подъезду. Игорь с Катей тут же направились за ним, когда пожарник окликнул их:

— Эй, туда нельзя вообще-то!

Михаил Сергеевич поступил именно так, как и следовало в такой ситуации, а именно — попросту проигнорировал слова пожарника. Ну не кинется же он их останавливать, верно? А вступать в словесную перепалку не было никакого смысла. Нужно делать то, зачем пришёл, не обращая внимания на мелкие помехи. Глазунов понимал это. Игорь — тоже. Зато Катя, непривыкшая к работе в СЗГ, замешкалась, и Лазареву пришлось приобнять её за плечо, практически затаскивая её внутрь дома.

Не дожидаясь лифта, они поднялись наверх, оказавшись на лестничной площадке возле входа в квартиру Кратова. Дверь была открыта: кто-то — по всей видимости, пожарные — выломал замок, позволяя беспрепятственно проникнуть внутрь.

«Проводкой тут и не пахнет», — мысленно скаламбурил Игорь.

Пожар произошёл в той комнате, которая принадлежала Соне. Причём огонь был, если так можно выразиться, весьма избирательным: по сути, сгорел только стол вместе со всем содержимым. Михаил Сергеевич провёл пальцами по закопченному светильнику — единственному предмету, снабжённому проводами, и недовольно цокнул языком. Не нужно быть электриком, чтобы понять, — этот современный прибор не был причиной возгорания. Скорее всего, его подожгли просто для отвода глаз.

Светильник был не единственным предметом, намекающим на рукотворную природу пожара. Пепел на столе был тщательно размётан, так, что восстановить записи не было никакой возможности. Кто бы не уничтожил тетради, он явно знал, что делал.

Глазунов продолжал рассматривать стол, будто надеясь, что это как-то поможет. На его обычно беспристрастном лице проскальзывало раздражение: похоже, Михаил Сергеевич слишком устал, чтобы сдерживать эмоции.

Скорее всего, именно поэтому его внимание притупилось, и он не заметил исписанного клочка обгоревшей бумаги, краешек которого торчал из-под кровати.

Игорь наступил на него прежде, чем осознал, что делает. Он не знал, что там написано — скорее всего, это был всего лишь небольшой отрывок из дневника Сони, который вряд ли позволил бы Глазунову узнать о Филиппе что-то новое, — и всё же Лазарев решил, что Михаилу Сергеевичу не стоит его видеть.

За его спиной кто-то шумно выдохнул. Медленно, чтобы не привлекать лишнего внимания, Игорь обернулся.

Глазунов по-прежнему изучал стол и не мог заметить действий Лазарева. Зато Катя, стоявшая позади, могла. Девушка удивлённо смотрела на Игоря.

— Что-то заметила? — реакция Кати не ускользнула от внимания Михаила Сергеевича. Девушка перевела взгляд на начальника.

— Нет. То есть да, — сердце Игоря пропустило удар. Катя кивнула в сторону стены над столом, заставляя Глазунова повернуть голову. — Эти рисунки... Они очень красивые.

Михаил Сергеевич посмотрел на стену. Там, совсем не пострадав от пожара, висели изображения Леди Бом — те самые, которые Филипп рисовал для своей дочери.

— А, да. Кратов неплохо рисует, — безэмоциональным голосом отметил Глазунов. Воспользовавшись тем, что он отвернулся, Игорь наклонился, делая вид, что завязывает шнурки, и скомкал лист бумаги в кулаке.

— Идёмте. Здесь нам больше нечего делать.

Михаил Сергеевич первым направился к выходу из комнаты. Лазарев пошёл следом, на ходу убирая обгорелый листок в карман. Проходя мимо Кати, он поймал её взгляд и благодарно кивнул ей. Девушка медленно моргнула, словно говоря: «Я тебя не выдам, но тебе придётся всё объяснить».

Пусть так.

В машину они сели молча. Глазунов побарабанил пальцами по рулю, о чём-то напряжённо размышляя. Катя вновь уставилась в окно, будто происходящее перестало её интересовать. Наконец Игорь не выдержал:

— Что дальше?

— Дальше? — Глазунов непонимающе сфокусировал взгляд на собеседнике. Кажется, организм металлиста понемногу начинал сдавать. — Не знаю. Я рассчитывал, что посещение дома Кратова даст нам какие-то зацепки... Мне надо подумать.

— И отдохнуть, — подсказал ему Игорь.

— Что? А, да. И немного отдохнуть, — Михаил Сергеевич завёл машину. — Я отвезу вас на работу, переговорю с разведкой — может, у них найдётся какая-то информация... А потом, пожалуй, поеду домой, — наконец решил он.

— Давайте мы лучше вызовем такси, — предложил Лазарев. — И с разведкой я поговорю сам. А вы поезжайте домой. Вам и вправду не помешало бы поспать.

Глазунов недовольно посмотрел на Игоря. Похоже, начальнику не слишком понравилось, что его подчинённый начал с ним спорить. Но в словах Лазарева был смысл, поэтому, посверлив его взглядом ещё несколько секунд, Глазунов наконец сдался:

— Хорошо. Обсудим всё завтра. Можете идти.

На этом они попрощались. Стоило Игорю с Катей выйти на улицу, как машина, дёрнувшись от неловкого нажатия на педаль, выехала с парковки. Похоже, от утомления Глазунов стал плохо себя контролировать.

— Почему ты ему не сказал?

Игорь вызвал такси и поднял глаза от телефона. Катя стояла прямо напротив него, скрестив руки на груди, и требовательно смотрела Лазареву в глаза. Что же, после сегодняшнего она имела на это право.

— Это лист из дневника дочери Филиппа, — сказал Игорь. — Вряд ли в нём содержится какая-то информация, которая может быть нам полезна, но... Почему-то мне показалось неправильным демонстрировать его Глазунову. Вот и всё.

— Я хочу посмотреть, что там, — тоном, не допускающим возражений, потребовала Катя.

Лазарев нехотя сунул руку в карман. Листок частично обуглился и был небрежно смят, однако написанные на нём слова всё ещё можно было без проблем разобрать. Вместе с Катей он всмотрелся в неровный почерк.

«...дъевич сможет меня защитить. Он сильный. И хороший, иначе ты бы его ко мне не подпустил.

Пожалуйста, поддержи меня, как ты всегда это делал.

Твоя Соня.

Я люблю тебя, пап!

Поцелуй от меня маму, когда она перестанет злиться».

Как ни странно, Кате этого хватило.

Убедившись, что записка не скрывала ничего полезного для СЗГ (или, по крайней мере, решив, что это так), девушка кивнула и отстала от Игоря, избавив его от дальнейших расспросов. Лазарев предположил, что сказались особенности женского характера: короткое содержание обрывка бумаги явно тронуло Катю. А возможно, она и сама в прошлом вела дневник, и поэтому прониклась к Соне глубоким чувством солидарности.

Какой бы ни была на самом деле причина, но Катя сразу успокоилась и больше не возвращалась к этой теме. Сев в такси, она задумчиво уставилась в окно. Сегодня состоялся её первый в жизни рабочий выезд, события которого ей было необходимо переварить.

Игорь ей не мешал. Понимал, что сегодня прошёлся по тонкому льду, и что и так выдал больше информации, чем следовало, поэтому лихорадочно обдумывал, что делать дальше.

В первую очередь, следовало избавиться от обрывка дневника. Никакой практической ценности для Игоря он не имел, зато мог оказаться полезен разведке СЗГ: начиная закономерного вопроса, по каким это причинам Лазарев скрыл найденный листок, и заканчивая обрывком имени в начале записей, на которое Катя почему-то не обратила внимания.

«...дъевич».

Лазарев не сомневался: того же Глазунова наверняка заинтересовал бы владелец этого отчества. Возможно, это дало бы не слишком много, и всё же это была дополнительная зацепка, а лишних улик в таком деле быть не могло.

По прибытии на работу Игорь первым делом направился в отдел разведки, чтобы выполнить поручение Глазунова и узнать, появилась ли у них какая-то информация относительно местонахождения Филиппа. В тот момент, когда Лазарев добрался до искомого кабинета, там проходило совещание, поэтому Игорь решил подождать у двери. Несмотря на то, что он стоял в почтительном отдалении, до него всё же доносились разговоры.

— Да, я закупил новые разведывательные рации для служебной связи... Никого, конечно, не обязываю, это ваше право, но предлагаю скинуться, потому что задача это, конечно, наша общая... — бубнил незнакомый Лазареву голос.

— Алексей Анатольевич, но у нас не было задачи закупать рации! — недоумённо возразил кто-то.

— Ну, задачи, может, и не было, но так же удобнее всем будет. Можно будет использовать рации, это удобнее, чем телефоны, и вообще так мы сможем оптимизировать работу, это же всё для вас делается... — Алексей Анатольевич, — судя по всему, новый начальник отдела разведки — продолжил свой нелогичный бубнёж. Затем его голос чуть оживился: — Так, а вы их сфотографировали? Надо сфотографировать рации для отчёта начальству!

Больше ничего интересного на совещании не обсуждали. Когда оно завершилось и сотрудники отдела разведки покинули кабинет, в спины им прилетело «указание» начальника:

— И узнайте в других отделах, они не закупали рации? Не докладывали руководству? Потом мне скажете!

Игорь аккуратно постучал в дверь.

— Разрешите?

Почему-то он был уверен, что к новоиспечённому вожаку разведчиков следует обратиться именно так. А зайдя в кабинет и рассмотрев сидящего там человека поближе, понял — не прогадал.

Алексей Анатольевич оказался низкорослым краснощёким мужчиной с едва заметно выпирающим из-под свободной жёлтой рубашки брюшком. Услышав, как Игорь попросил разрешения войти, он весь подобрался, важно поправил неровно сидящие на веснушчатом носу очки и произнёс тоном, который он, наверное, считал покровительственным:

— Да, можете войти.

Лазарев постарался сохранить серьёзное лицо. Новому начальнику было немногим за тридцать, и он не слишком походил на матёрого разведчика. Скорее, он напоминал запустившего себя системного администратора, давно забывшего не только о необходимости физических тренировок, но и, скажем, о мытье волос, спутанным чёрным клубком обрамляющих краснощёкую голову.

— Я к вам по вопросу...

— Я знаю, по какому вы вопросу, — прервал его Алексей Анатольевич, предупреждающе подняв вверх руку. — Разумеется, ваш начальник отправил вас вовсе не для того, чтобы оказать помощь отделу разведки. Нет, помогать разведчикам не хочет никто! Вот так мы и работаем, — с напускной грустью развёл он руками. — Всё хотят помощи от разведки, а вот чтобы наоборот... Вот вы, например. Вы хоть раз предложили своему начальнику пойти и помочь нашему отделу?

Игорь не выдержал и вскинул брови.

— Нет, как-то не доводилось.

— Ну вот! — Алексей Анатольевич торжествующе, будто слова Игоря что-то доказывали, вскинул палец вверх.

«Нет, он напоминает не системного администратора, — мысленно поправился Лазарев. — Скорее, самого бесталанного актёра в захудалом театре, где ему по нелепому стечению обстоятельств досталась главная роли и теперь он лезет из кожи вон, чтобы ей

соответствовать. Только вот ему невдомёк, что ни театру, ни зрителям это не нужно».

Тем временем Алексей Анатольевич продолжал свою вдохновенную речь:

— Зато как к нам все приходят, так сразу: «Помогите нам! Подскажите!»

— Думаю, этот вопрос лучше обсуждать с моим начальником, — вежливо остановил его Игорь. — А мне, если вас не затруднит, подскажите, есть ли какие-то новости по поводу Кратова.

— Затруднит! — голос Алексея Анатольевича надломился, сорвавшись на визг. Похоже, ему не понравилось, что его выступление прервали. Игорь тем временем заметил в нём очевидное сходство с предыдущим начальником разведки — кажется, дурной пример в самом деле был заразительным.

Алексей Анатольевич устремил строгий, как ему казалось, взгляд на Лазарева. Игорь не отвёл глаз, равнодушно ожидая, пока неприятный собеседник ответит. И тот сдался. Тяжело вздохнув, словно измученный идиотизмом людей, с которыми приходится работать, он наконец произнёс:

— Информации по поводу Кратова пока нет. Мы работаем над этим. Как только что-то станет известно, не беспокойтесь — вы тут же об этом узнаете. Это всё? Если да, то можете идти. У меня много работы.

На следующий день информации не появилось. И на следующий — тоже. Так минуло несколько недель, в течение которых стало совершенно очевидно: расследование зашло в тупик.

Впрочем, нельзя сказать, что Игоря это расстраивало. Напротив, поняв, что Филиппу удалось надёжно скрыться от взора СЗГ, Лазарев с облегчением выдохнул. Тем более, что на работе всё было относительно спокойно, и Игорь мог без проблем заниматься своими делами.

В первую очередь он перелопатил библиотеку СЗГ. На него, конечно, смотрели с недоумением: где это видано, чтобы дуболомы из отдела элементарей рылись в архивах? — однако чинить препятствий никто не стал. Жаль, но толку от этого было мало.

Упоминания о рунистах, конечно, встречались, но не то чтобы часто. Игорь насчитал лишь семь, да и то — это были лишь описания задержаний отдельных преступников, немного освоивших использование рун. Ничего более глобального Лазарев не нашёл. И, разумеется, слово «фальсиформика» нигде не значилось.

После этого Игорю ничего не оставалось, кроме как ждать открытия Института Элементарей. На тамошнюю библиотеку Лазарев возлагал большие надежды. Поэтому он ждал. Ждал — и тренировался.

Игорь сидел в спортивном зале, наблюдая за поединками остальных. Сам он больше почти не привлекался к спаррингам: с некоторых пор составить ему сколь-нибудь значимую конкуренцию никто не мог. Аркадий Борисович заметил это: сначала он стал выставлять против него по несколько бойцов одновременно, а затем, увидев, что справиться с Лазаревым не удаётся даже впятером, махнул на это рукой.

Ждун, кстати, вот уже который месяц возглавлял их отдел. Михаил Сергеевич по-прежнему отсутствовал, гоняясь за тенью Кратова. Никаких успехов в этом он не достиг, и это, вероятнее всего, заставляло его предпринимать всё новые и новые попытки.

Игорь вздохнул и опустил глаза на свои руки. У его сильных способностей обнаружились и неприятные последствия: так как использование стихии каждый раз требовало от него повреждения кожи, теперь кисти Лазарева украшала паутина из тонких

белесых шрамов, скрывающихся где-то под тканью рукавов. Одежда скрывала остальное от посторонних взглядов, однако Игорь каждый день видел: пусть и не в таком количестве, как на руках, но полосы шрамов с некоторых пор покрыли всё его тело.

— Всем доброго дня! — в спортивный зал зашёл Глазунов. — У меня для вас важное объявление.

С появлением начальника тренировка остановилась. Подразделение элементарей построилось напротив Михаила Сергеевича, чтобы послушать, что он собирался сказать. Никто не сомневался: раз Глазунов прервал свои поиски Кратова и пришёл к ним, значит, новости действительно были чрезвычайно важными.

— Буду краток, — начал Михаил Сергеевич. — Как вам известно, меньше чем через месяц состоится открытие Института Элементарей. В связи с этим на территории одного из Домов решено провести торжественное мероприятие, посвященное этому значимому для всех элементарей событию. Собираются представители всех Домов и Семей. Мы, как подразделение, на которое возложена задача по охране Института, тоже приглашены. Поэтому убедительная просьба — приготовить парадные костюмы, чтобы выглядеть подобающе. Пойдём все вместе.

— Нам нужно будет охранять и это мероприятие? — уточнил Антон.

— Нет, — Глазунов покачал головой, — безопасность обеспечивается Домом, на территории которого пройдёт званый вечер.

— Каким именно Домом? — спросил Игорь, заранее догадываясь об ответе. Михаил Сергеевич посмотрел ему в глаза:

— Мероприятие будет проходить в особняке Дома Прометея.

— Нет, не то!

Сначала Игорь напрягся от того, что мероприятие, посвящённое открытию Института Элементалей, будет проходить в Доме Прометея. Несмотря на то, что всем приглашённым на званый вечер гарантировалась безопасность и неприкосновенность, Лазарев ни на секунды не забывал: Дом Прометея — его враги. Даже если прямого столкновения не произойдёт, сложно прогнозировать, что они могут выкинуть. Ожидание мероприятия держало Игоря в постоянном напряжении.

Но больше всего Лазарева напрягала подготовка.

— Попробуй следующий!

Игорь тяжело вздохнул. Он уже успел тысячу раз пожалеть о том, что согласился, когда Катя предложила сходить за костюмом вместе. Бросив угрюмый взгляд на девушку, Игорь задвинул шторы примерочной.

На крючках висело несколько костюмов, предложенных, естественно, Катей. Сам Игорь предпочёл бы купить неброский костюм чёрного цвета, однако девушка сходу забраковала эту идею, сказав, что он не подходит Игорю по его цветотипу. Опасаясь, что любые уточнения на этот счёт повлекут за собой двухчасовую лекцию на тему стиля, Лазарев сходу сдался, предложив Кате самой подобрать подходящие варианты.

А теперь об этом жалел.

— Ну ты скоро? — поторопила его Катя.

Игорь вышел из примерочной. На нем красовался тёмно-серый костюм в мелкую клетку — более вычурные варианты Лазарев мерить наотрез отказался. Катя окинула его оценивающим взглядом:

— Ну вот этот вроде ничего. Запомним его. Давай попробуем следующий!

Обречённо вздохнув, наверное, в тысячный раз за этот день, Игорь вновь скрылся в примерочной, мысленно пообещав себе больше никогда не ходить с девушкой за одеждой.

Впрочем, на этом его мучения не закончились. Остановив в итоге свой выбор на этом костюме, они принялись выбирать платье для Кати. Надо ли говорить, что это чуть не свело Игоря с ума?

Когда он наконец пришёл домой, Лазарев чувствовал себя таким выжатым, каким не был даже после самых тяжёлых тренировок. Не глядя бросив костюм на одиноко стоявший в центре комнаты стул, Игорь обессиленно завалился на кровать и уставился в потолок.

До званого вечера в Доме Прометея оставался один день. Игорь прокручивал в голове все возможные сценарии данного мероприятия, однако, как бы он ни старался, не мог найти никаких причин для возможных проблем. А в том, что они будут, он ни на секунду не сомневался.

Да, на него не смогут напасть — Дом, пригласивший всех остальных на званый вечер, гарантировал безопасность гостей. Любые конфликты на его территории стали бы ударом по репутации хозяина особняка, а этого Прометей допустить не мог. Как не мог он забрать Игоря к себе, что он пытался сделать с тех пор, как у Лазарева проявились способности элементалю. И всё же в то, что вечер пройдёт спокойно, Игорь не верил.

В итоге Лазарев решил, что будет действовать по обстоятельствам. Строить какие-либо планы он не мог — слишком мало было исходных данных — поэтому решил: пусть всё идёт,

как идёт. Он уже не тот мальчишка, что был едва способен использовать собственные силы. К тому же, он будет не один: вместе с ним на званый вечер идёт весь отдел элементарей. Что бы ни произошло, они справятся.

Успокоив себя такими рассуждениями, Игорь перевернулся набок. Ему следовало хорошенько отдохнуть.

Обособняк Дома Прометея впечатлял.

Каменная громада размерами, пожалуй, могла поспорить с зданием СЗГ. Но если штаб-квартира спецслужбы в некотором роде могла считаться образчиком современной архитектуры, особняк представлял собой строение, чей возраст наверняка составлял не одну сотню лет. При этом каких-либо следов обветшалости Игорь не обнаружил. Время словно обошло особняк Дома Прометея стороной.

Как будто оно его опасалось к нему прикасаться.

Игорь вышел из чёрного микроавтобуса и подал руку Кате. Конечно, это было не обязательно, однако Лазарев решил примерить на себя роль джентльмена и с каким-то мстительным удовлетворением отметил мелькнувшую на лице Юли тень недовольства. А затем сосредоточил внимание на своей спутнице.

Надо сказать, выглядела она великолепно: переливающееся серое платье, гармонирующее с костюмом Лазарева, выгодно подчёркивало её женственную фигуру; густые чёрные волосы, каскадом ниспадающие на плечи, были уложены в как будто бы слегка небрежную причёску. Игорь готов был побиться об заклад: девушка потратила уйму сил, чтобы добиться этой небрежности.

— Ты сегодня очень... Эффектна, — ничуть не покривив душой, сделал комплимент Игорь. В подведённых макияжем чёрных глазах загорелись радостные искры: похвала пришлась Кате по душе.

— Спасибо. Ты тоже отлично выглядишь. Шикарный костюм!

Игорь картинно вздохнул. И как она только умудрилась сделать комплимент самой себе?

От парковки к входу в особняк вела пешеходная дорожка, покрытая брусчаткой. С обеих сторон её окружали кусты, постриженные так ровно, словно от качества работы зависела жизнь садовника.

Впрочем, возможно, так оно и было.

— Добрый вечер, — мужчина, встречающий гостей, габаритами мог поспорить со статуями львов, замершими у входа в особняк. — Полагаю, вы из СЗГ? Прошу, проходите в зал.

Они оказались внутри одними из первых. Помещение по размерам превосходило, пожалуй, даже спортивный зал в СЗГ. А по обстановке — могло спорить, наверное, с королевскими покоями.

Стены украшала бордовая драпировка с вышитыми золотой ниткой стилизованными языками огня. Причём Игорь бы вовсе не удивился, узнав, что нитка и в самом деле была золотой: Дом Прометея явно мог себя такое позволить.

Пол устилал мрамор, причём никаких стыков заметно не было. Складывалось впечатление, что он был сделан не из отдельных плит, а из одного куска камня. Если, конечно, где-то можно было встретить кусок камня размером со небольшой стадион.

А вершиной всей этой роскоши — причём в буквальном смысле — была гигантская

старинная люстра, свисающая с потолка на корабельной, судя по размерам, цепи. В замысловатой латунной конструкции были закреплены тысячи свеч, освещающие всё помещение живым огнём.

Немногочисленные гости были разбиты на небольшие группы, располагающиеся преимущественно у фуршетных столов. Взглянув на вошедших лишь мельком, они вернулись к своим делам, негромко переговариваясь между собой.

Решив взять пример с остальных, отряд элементарей занял место возле одного из свободных столиков. До начала мероприятия ещё оставалось немного времени, и тратить его впустую Игорь не хотел, поэтому начал кидать оценивающие взгляды на еду.

— Игорь! — заметив, как он потянул руку к столу, прошипела Катя. — По этикету нельзя сразу кидаться на еду. Это невежливо. Ты же ни дикарь какой-то!

Лазарев пожал плечами. Вообще-то, он как раз-таки дикарь. Впрочем, руку от стола он всё же убрал. Правила есть правила, даже если они дурацкие.

За неимением другого занятия он принялся рассматривать гостей. Несколько мужчин в одинаковых чёрных костюмах окружали невысокого, внешне шупловатого человека, с видом начальника охраны оглядывающего зал. На секунду мазнув по Лазареву металлически-серыми глазами, он отвернулся, словно сочтя Игоря недостойным своего внимания.

У дальнего столика расположилась разношерстная компания, о чём-то шушукующаяся между собой. При этом они то и дело недовольно косились на тех, кто стоял в диаметрально противоположной от них стороне.

Рослый беловолосый мужчина лет сорока пяти встречал их взгляды с лёгкой ухмылкой. С ним пришли всего двое — молодые парень и девушка с такого же цвета волосами. Они с равнодушными лицами смотрели прямо перед собой, словно не замечая направленных в их сторону недовольных взглядов. Игорь заметил, как женщина со сложной высокой причёской, видимо, возглавляющая разговорчивую компанию, брезгливо поджала губы.

— Игорь Земцов?

Изучая поведение гостей, Игорь не заметил, как к нему приблизилась одна из них. Он не видел этой девушки прежде — судя по всему, она прибыла в особняк Прометея совсем недавно. Девушка вежливо кивнула его спутникам, прежде чем повернуться к Игорю. Лазарев внимательно осмотрел её.

Изящные золотистые туфли с замысловатым плетением, поднимающимся выше щиколоток. Белое атласное платье, не облегающее фигуру, но тем не менее подчёркивающее стройную фигуру своей хозяйки, было украшено небольшой брошкой в виде зигзага молнии, рассекающего серое облако. Игорь поднял голову выше и натолкнулся на взгляд ярко-голубых глаз, сверкающих весельем.

— Насмотрелись?

«Если есть, на что, то отчего бы не посмотреть?», — подумал Игорь. Надо признать, она была по-настоящему красива: такие черты лица было принято называть «правильными». Идеальные пропорции, совершенная форма носа, подбородка, губ. Девушки вроде неё были образцами для лучших работ художников и скульпторов, златокудрыми музами, дарующими вдохновение.

Впрочем, с кудрями у музы возникли некоторые сложности.

Нет, они были, причём в свете гигантской люстры вьющиеся волосы на самом деле отливали золотом. Проблема была в другом. А именно — в длине.

Словно в насмешку над мифическим образом идеальной женщины, девушка коротко

остригла свои волосы, так, что они не доходили даже до плеч, сияющим ореолом обрамляя аккуратное лицо. Это было необычно. Вызывающе. И, надо признать, ей это шло.

— Боюсь, вы ошиблись, — ответил наконец Игорь. — Моя фамилия — Лазарев.

— Думаю, это вы ошиблись, — девушка вежливо улыбнулась. — Ваша фамилия — Земцов. По крайней мере, была, прежде чем ваш опекун сменил её, чтобы замести следы.

— Откуда вы это знаете? — спросил Игорь так, будто слова собеседницы не были для него новостью. Он старался держать хорошую мину при плохой игре.

— Знать обо всех элементах как можно больше — это одна из главных обязанностей Главы Дома, — девушка с детской непосредственностью пожалала плечами. — Кстати, простите, забыла представиться: меня зовут Зевс.

— Зевс — мужское имя, — сказал Игорь первое, что пришло ему в голову.

— Вы очень наблюдательны, — не удержалась девушка от шпильки, — Хотя в случае с Домами элементарей Зевс, как, скажем, и Гефест, или Прометей — имя нарицательное. А скорее, даже титул, который носит нынешний Глава Дома. Кстати, если вам интересно, Глава Дома Деметры — мужчина. Но если вас смущает вопрос гендерной принадлежности, можете называть меня Кристиной.

— Хорошо, Кристина, — покладисто согласился Игорь. — Чем я могу быть вам полезен?

— Если честно, этот вопрос собиралась задать вам я, — сказала девушка, убрав упавший на высокий лоб локон волос. — Но сначала — позвольте принести вам извинения от лица Дома Зевса. В том, что произошло с вашей семьёй, есть и наша вина.

— Моей... Семьёй? — Игорь замер.

— Да. Семья Земцовых, хоть и жила обособленно, всё же была частью Дома Зевса. И ответственность за то, что она уничтожена, в том числе лежит и на нас.

— Сомневаюсь, что это сделали вы.

— Разумеется, это были не мы. Но Дом Зевса не смог защитить Земцовых, поэтому я прошу у вас прощения. Мне правда очень жаль.

Кристина говорила искренне. Сочувствующее выражение на её красивом лице не смогла бы симитировать ни одна актриса, и Игорь вдруг почувствовал, что на самом деле ей верит.

— Я не знаю подробностей того, что произошло, — признался Лазарев, — Но уверен, что вашей вины в этом нет. Не корите себя.

— В любом случае, я хочу, чтобы вы знали, — если вам потребуется какая-либо помощь, я сделаю всё, что в моих силах, — слова Игоря не возымели на Кристину никакого действия. Она всё так же заламывала руки, что нисколько не вязалось с образом Главы целого Дома.

Она явно хотела сказать что-то ещё, но тут в центре зала раздался звон, привлекающих внимание гостей. Игорь обернулся к источнику звука, вскользь отметив неудовольствие на лице стоящей неподалёку Кати: кажется, его общение с Кристиной было ей не по душе.

«Ну, это её проблемы», — философски подумал Лазарев. — «Я не сделал ничего особенного... А даже если бы и сделал, что такого? Мы с ней не в отношениях».

— Господа! — зычным генеральским голосом начал Прометей. В классических чёрных брюках и простой белой рубашке, ничуть не скрывающей его мощной фигуры, он стоял в центре зала и сжимал в руках хрустальный бокал. — Я рад приветствовать всех вас в своём доме. Мы собрались здесь по важнейшему для всех элементарей страны поводу! — он ненадолго замолчал. С первыми его словами все разговоры в зале затихли сами собой. Перебивать Прометея не рискнул бы никто.

— Никогда прежде в истории не происходило ничего подобного. Мы с вами стоим на пороге великого будущего, в котором Дома и Семьи элементарей сблизятся так, как никогда прежде. — Игорь отметил, что Прометей ни слова не сказал о дикарях. Похоже, упоминание о них было ниже его достоинства. — И всё это стало возможно благодаря беспрецедентному событию — открытию первого в стране Института Элементарей! Предлагаю поднять бокалы за новую эпоху, свидетелями которой мы становимся прямо сейчас!

Игорь взял со стола один из бокалов и принялся. От напитка распространялся практически незаметный этиловый запах, поэтому Лазарев только сделал вид, что пригубил его — алкоголь он принципиально не употреблял. Он обратил внимание, что, когда Прометей опустил свой бокал, жидкости в нём ни на грамм не убавилось. Похоже, Глава Дома тоже не был большим любителем выпивки.

После вступительной речи Прометея разговоры возобновились. Элементали подходили друг к другу и о чём-то переговаривались, то и дело с разных сторон разносился смех. Игорь обернулся к своему столу.

Кристина незаметно ушла. Игорь заметил её в другом конце зала: к ней то и дело приближались другие гости, и Зевс со всеми находила, о чём поговорить, но Лазарев то и дело ловил на себе мимолётные взгляды её выразительных голубых глаз. И нельзя сказать, что это внимание не было ему приятно.

— Почему ты не пьёшь? — деланно-спокойным тоном поинтересовалась Катя.

Игорь пожал плечами:

— А зачем?

— Ну, как это — зачем, — встречный вопрос выбил девушку из колеи. — Для вкуса. Для веселья. Чтобы расслабиться. Зачем его пьют все остальные?

— Не знаю, — ничуть не покривив душой, ответил Игорь. Он всмотрелся в пузырьки, поднимающиеся со дна его бокала. — Вкус — мне не нравится. Веселиться я могу и без алкоголя. Расслабиться — тоже. К тому же... Я предпочитаю себя контролировать. Что бы не произошло, я хочу быть уверен, что решения принимаю я, а не этиловый спирт в моей крови.

Катя внимательно посмотрела на него. Потом — на свой бокал. А затем решительно отставила бокал в сторону.

И нельзя сказать, что Игорю это не понравилось.

Остальные элементали были не столь щепетильны. Лазарев заметил, как Антон слишком громко рассмеялся чьей-то шутке и хлопнул собеседника по плечу. Мероприятие началось совсем недавно, но рядом с ним уже скопилось несколько пустых бокалов. Другие сотрудники, конечно, отставали от него, но тоже с удовольствием потягивали несомненно дорогой напиток.

Впрочем, выпивать отказался не только Игорь. Артур — вероятно, по религиозным соображениям, — тоже не притронулся к содержимому своего бокала. Как и Глазунов, цепким взглядом изучающий гостей. Лазареву показалось, что начальник был напряжён, но от чего именно — понять не удалось.

— Так это ты — Игорь?

«Что за мода — подходить незаметно», — вздохнул про себя Лазарев.

Мужчина остановился в паре шагов от него. Тот самый, которого он приметил в начале вечера, — высокий и беловолосый, с еле заметной ухмылкой, не покидающей безупречно выбритого лица. В холодных серых глазах, Впрочем, не было ни намёка на веселье.

— Да, это я, — согласился Игорь.

Вблизи мужчина оказался настоящим гигантом — Игорь не доставал ему даже до плеча. Лазарев не стал задирать голову и смотрел на него исподлобья. Почему-то от человека, подчеркнуто игнорирующего спутников Игоря, он не ожидал ничего хорошего.

— Моё имя — Игорь Морозов. Арес. Приятно познакомиться, тезка.

Он протянул Лазареву широкую мозолистую ладонь, и Игорь, чуть помедлив, ответил на рукопожатие. Кисть Ареса оказалась сухой и крепкой.

А затем Игорь почувствовал, что замерзает.

Сначала Игорь не понял, что произошло.

По его телу прошёлся легкий озноб, быстро переросший в нечто большее. Ощущение было такое, словно он в одном белье вышел на сорокаградусный холод, и с каждым мгновением оно только усиливалось. Лазарев посмотрел в насмешливое лицо Ареса и понял.

«Ну конечно. Морозов».

Игорь заставил собственную стихию быстро циркулировать по своему телу. Это помогло, но не сильно: холод в конечностях ослаб лишь частично. Тогда Лазарев решил действовать кардинальнее.

Ладонь Игоря, сжимавшая руку Морозова, потрескалась. Совсем немного, так, чтобы лава не потекла вниз, а всего лишь показалась наружу, но этого оказалось достаточно, чтобы Арес поморщился, а ещё через секунду — резко одёрнул руку.

— Топорно работаете, — вынес вердикт Морозов.

Игорю было плевать на его комментарии. С мрачным удовлетворением Лазарев отметил, что ухмылка стёрлась с лица Ареса. Он спешно опустил руку вниз, но Лазарев успел увидеть, что ладони Морозова зрел заметный ожог. Не такой большой, как он надеялся, но всё же лучше, чем ничего.

— Вы, кажется, чего-то хотели? — ядовито осведомился Игорь.

— Все, что я хотел, я уже узнал, — Арес развернулся. — Такой же дерзкий, как мать.

Морозов ушёл. Если присмотреться, можно было увидеть, как от его правой руки распространялся еле заметный дымок.

И нельзя сказать, что Игоря это не радовало.

В отличие от приближения того, с кем, как он надеялся, говорить не придётся.

— Атаковать на мероприятии, где я отвечаю за безопасность, причём не кого-то там, а самого молодого Повелителя современности... Похоже, у моего внука есть яйца!

— Он первый начал, — огрызнулся Игорь.

Это была его первая встреча с Прометеем. Что ни говори, а на деда тот совершенно не тянул — ни по своим действиям, ни по внешнему виду.

Абсолютно одинакового с Игорем роста, мужчина был раза в полтора крупнее. Под свободной рубашкой угадывалась фигура культуриста с многолетним стажем. Наверное, если бы кто-то посмотрел на них со стороны, то увидел бы в чертах лица много общего — одинаковая форма головы и носа, похожая форма глаз и разлёт бровей, одного тона русые волосы, на голове Прометея чуть более редкие, — однако Игорь не был склонен проводить сравнительный анализ их внешности. Он не обольщался. Несмотря на похожесть, напротив него стоял враг, и ожидать чего-то хорошего от встречи с ним не стоило.

Прометей рассмеялся.

— Я не удивлён! У него ведь, можно сказать, к тебе личная неприязнь. Ты — главное напоминание о его провале.

Не дождавшись от Игоря уточнений, Прометей, ничуть не смущаясь, продолжил:

— В прошлом он долгое время добивался расположения моей дочери, но, так уж вышло, что она выбрала другого. Эх... Морозов даже не представляет, насколько ему повезло!

Игорь скептически вскинул бровь.

— Повезло?

— Ну разумеется! Ведь если бы она вышла за него, — Прометей чуть прищурился, глядя в глаза Игорю, и произнёс, чеканя каждое слово, — Я бы его уничтожил.

— Однако, — хищный блеск в глазах Прометея пропал, и он как ни в чём ни бывало продолжил, — Ангелина отказала ему, и он остался жив. Что, разумеется, нисколько не мешает ему тебя ненавидеть. Меня, кстати, тоже.

«Так значит, мою мать звали Ангелина» — мысленно отметил Лазарев.

— А тебя-то за что? Он должен быть благодарен. Это ведь ты разрушил её семью, — Игорь решил высказать свою догадку. Играть в вежливость и обращаться к Прометею на «вы» он не собирался. Собеседник, впрочем, не стал заострять внимание на дерзости Лазарева и сделал вид, что ничего не заметил. А может, ему и в самом деле было всё равно.

— Я, — не стал отпираться Прометей. — А ещё — я схватил её и заточил в родиевом саркофаге. Ты ведь знаешь, как действует родий на элементарей, правда?

Игорь знал.

— Можешь не отвечать, я слышал, что ты прочувствовал это на себе, — понимающе покивал Прометей. — И ты, наверное, как и все прочие, думаешь, что этот металл просто отрезает элементарей от его стихии. Однако на самом деле что достаточное количество родия замедляет все процессы в теле, действуя, как, скажем, криогенная заморозка. Организму не требуется пища, он не стареет... Есть лишь одно «но»: пусть и замедленно, но человек всё чувствует!

Глаза Игоря расширились. Прометей ухмыльнулся:

— О, я вижу, ты понял. Всё верно — элементарей, попавший в саркофаг из родия, может провести в нём огромное количество времени. Только представь: годы, проведённые наедине со своими мыслями! Достаточно, чтобы проанализировать всю свою жизнь, обдумать все ошибки. Понять, где ты был не прав. Осознать, что следует извиниться перед отцом и впредь следовать его воле.

Игорь давно считал, что ненавидит Прометея. Однако то жгучее пламя, что разгоралось у него внутри сейчас, не шло с прежними чувствами ни в какое сравнение.

— Раз в год, на её день рождения, я открываю саркофаг, — спокойно продолжил Прометей. — Я спрашиваю её, поняла ли она свои ошибки и готова ли слушаться своего отца. Но Ангелина очень упряма, — в голосе Прометея проскользнуло что-то, что Игорь узнал не сразу. А потом понял — это было восхищение.

— Она несколько раз пыталась меня обмануть, но я вижу это. Понимаю, что она ещё не сломалась и сбежит от меня, как только ей представится такая возможность. А однажды даже пыталась покончить с собой, но какой отец может позволить этому произойти? Поэтому я укладываю её в саркофаг. Снова и снова.

Игорь взорвался.

Он с рыком бросился вперёд. Ему было плевать, что произойдёт дальше — всё, чего он хотел, это голыми руками разодрать ухмыляющееся лицо Прометея, разорвать его глотку, вырвать из груди сердце и сжечь его. Их разделяло всего несколько шагов. Он должен был успеть.

Но не успел.

Стоило ему сделать первый шаг, как кто-то набросился на него сзади и сбил с ног. Чьи-то руки прижали его к мраморному полу, и Игорь принялся неистово вырываться. Всё его тело прошила боль от мгновенно раскрывшихся ран, но он этого практически не чувствовал.

В голове пульсировала лишь одна мысль.

Уничтожить Прометея и всех, кто попытается помешать.

— Помогите мне! — панически закричал кто-то.

Знакомый голос. Голос того, кто просто не мог паниковать.

Сверху навалилось ещё несколько человек. Игорь почувствовал, как переполняющая его сила уходит. Он задрал голову вверх, с ненавистью глядя на Прометея. Тот хлопнул в ладоши:

— Ну что же. Думаю, все присутствующие здесь люди стали свидетелями того, как этот молодой человек набросился на меня. По правилам подобных мероприятий, ответственность за поддержание порядка ложится на плечи Дома, устроившего званый вечер. Посему — будьте добры, отойдите. С этого момента нарушителем займёмся мы.

Игорь мысленно выругался. Любые столкновения на сборищах элементарей были запрещены. Прометей с самого начала выводил его из себя не просто так — он собирался воспользоваться нападением Лазарева, чтобы, прикрываясь правилами, схватить его. И Игорь попался в его ловушку.

— При всём уважении, Владимир Дмитриевич, он не напал на вас.

Лазарев скосил глаза на Глазунова. Тот стоял рядом, чуть согнув в локтях обожжённые руки. Стало очевидно, кто именно сбил Лазарева с ног. И чего ему это стоило.

Прометей посмотрел на Глазунова так, словно впервые его увидел.

— Разве? А что именно, по-твоему, он собирался сделать? Сначала — обжег руку досточтимого Ареса, а теперь — использовал покров стихии и попытался напасть на меня. Отойдите, молодой человек. Иначе я буду вынужден применить силу.

— И нарушить правила? — спокойный женский голос посреди разговора мужчин звучал странно. Прометей прищурился:

— На меня напали. Я действую в соответствии с Уставом Домов.

— Разве на вас напали? — безупречные брови Кристины чуть приподнялись вверх в притворном удивлении. — Я такого не заметила. Увидела только, как молодой человек... Упал.

— Упал? Серьёзно? — Прометею показалось, что он ослышался.

— Абсолютно, — с непоколебимой уверенностью подтвердила Зевс. — Перебрал с алкоголем, или друзья, толкнувшие его в спину ради глупой шутки — причины, по которым он упал, не так важны. Важно другое — он совершенно не проявляет каких-либо агрессивных намерений! — Кристина повернулась к Игорю и обратилась к нему совершенно обычным голосом, так, словно её собеседник не был прижат к полу собственными коллегами: — Ведь так?

Голубые глаза столкнулись с карими. Игорь медленно кивнул, насколько это позволяло его положение:

— Так. Друзья, меня уже можно отпустить. Шутка затянулась.

Возникла небольшая заминка, словно никто не знал, что делать. А потом давление на спину и конечности Игоря спало, и ему помогли подняться на ноги. Лазарев как мог постарался привести одежду в порядок, но это не слишком сильно ей помогло: использование стихии превратило дорогой костюм в изорванное тряпье.

— Ну что же, — медленно проговорил Прометей, вперивший взгляд в испорченную одежду Игоря, — Предположим, что та чушь, которую вы только что сказали, — правда. Но она никак не объясняет использование молодым человеком силы стихии, вам так не

кажется?

— В уставе Домов нет запрета на покрытие собственной стихией, — ответ Зевса не заставил себя ждать. Она с непроницаемым лицом посмотрела на костюм Лазарева. — Конечно, это считается моветоном, но нельзя забывать, что элементарь, о котором мы говорим, вступил в наши ряды совсем недавно. Вам, кстати, — подчеркнула Кристина, — Это должно быть хорошо известно. Глупо ожидать от него знания всех правил.

— Я не желаю слушать этот бред! — впервые за вечер повысил голос Прометей.

— Тогда давайте вынесем этот вопрос на голосование, — Кристина пожала плечами. — Так уж сложилось, что здесь присутствуют все Главы Домов и Семей. Подойдите, пожалуйста, ближе!

Прежде, чем Прометей успел перехватить инициативу, Зевс продолжила:

— Тех, кто не считает, что Лазарев совершил нападение на Прометея, прошу поднять руку вверх.

В воздух взметнулись четыре ладони. Сама Кристина была первой, кто поднял руку. Следом за ней это сделали ещё трое. Игорь постарался их запомнить.

Грузный старик, чьё потемневшее от времени лицо было вдоль и поперёк изрезано шрамами вперемешку с морщинами; несмотря на почтенный возраст, рука, поднятая в воздух, ничуть не дрожала.

Женщина, в начале вечера прожигавшая Морозова взглядом, вздохнула и тоже подняла руку вверх. Она выглядела аккуратно и ухоженно, от стройной фигуры до густых волос, уложенных в высокую причёску, но тыльная сторона ладоней выдавала истинный возраст своей хозяйки. Впрочем, некоторых женщин годы нисколько не портили.

Третьим человеком, выступившим в защиту Игоря, оказался невысокий худой мужчина чуть за сорок. Волосы, зачёсанные назад, придавали его остроносому лицу сходство с устремившейся вперед ракетой. Он ободряюще улыбнулся Лазареву.

Игорь кивнул ему, хотя и не увидел поводов для веселья. Потому что тех, кто не проголосовал, тоже было четверо.

Сам Прометей. Щуплый мужчина с металлически-серыми глазами, которого Игорь в начале вечера принял за начальника охраны. Высокий блондин, в длинных волосах которого серебрились седые пряди. Казалось, этому гостю голосование было совершенно не интересно: он поднял чётко очерченный подбородок вверх и с любопытством разглядывал люстру.

Последним, кто не проголосовал, был Арес.

«Похоже, дело — дрянь», — заключил Игорь.

— Так как с некоторых пор Домов и Семей у нас восемь, а не семь, — Прометей растянул губы в улыбке, — В результате голосования получается паритет. Четыре на четыре. В таком случае, если не ошибаюсь, решающим считается голос элементаря, на территории которого происходят события. То есть — мой.

Прометей замолчал, давая всем возможность осознать, что только что случилось. Зевс сохраняла нейтральное выражение лица, но Игорь видел, как её пальцы судорожно дёрнулись, словно пытаясь что-то удержать.

«Иногда пальцев недостаточно», — мысленно скаламбурил Лазарев, стараясь хоть как-то себя приободрить. Получалось так себе.

Отряд элементарей, прибывший с ним, давно оказался не у дел. Среди таких мастодонтов, как Главы Домов и Семей, им не оставалось ничего, кроме как кидать на

Игоря обеспокоенные взгляды. То, что сделал Глазунов, высказавшись в защиту Игоря, и так было смелостью на грани безумия. Любой из присутствующих мог в одиночку раскатать весь отдел в порошок.

— Не паритет, — вдруг подал голос тот, от кого Игорь ожидал это меньше всего. Сильнее, пожалуй, он удивился бы лишь в том случае, если вдруг за его невиновность проголосовал бы сам Прометей.

— Я задумался над причинами действий Игоря Лазарева, — сказал Арес. — Именно этим и вызвана заминка в голосовании. Прошу меня извинить. Так вот. Возможно, молодой человек решил произвести впечатление на присутствующих, и могу сказать, что ему это удалось. А нападения, как такового, на мой взгляд, действительно не было. Так что...

Игорь с удивлением наблюдал за тем, как Морозов, кинув на него ничего не значащий взгляд, поднял руку вверх. При этом все гости могли увидеть незаживший ожог, украсивший центр его ладони.

Прометей оскалился и повернулся к Аресу, видимо, собираясь сказать ему всё, что о нем думает, однако Зевс не дала ему такой возможности:

— Итак, по итогам голосования Глав Домов и Семей Игорь Лазарев признан невиновным, — оживилась Кристина. Её лицо осталось беспристрастно, но в глазах, когда она посмотрела на Прометея, мерцали весёлые огоньки. — Владимир Дмитриевич, вы согласны с общим решением?

Прометей с деланным равнодушием пожал плечами. Казалось, он потерял интерес к происходящему.

— Если таково общее мнение, мне не остаётся ничего, кроме как принять его. Наслаждайтесь вечером.

С этими словами он развернулся на каблуках и, ни с кем не прощаясь, покинул зал. Один за одним элементали отходили от стола СЗГ, чтобы вновь собраться своими небольшими компаниями и обсудить то, что только что произошло. Однако ушли не все.

То, что осталась Кристина, Игорь мог понять. В конце концов, именно благодаря её протекции ему сегодня удалось избежать проблем с Прометеем. Если бы не Зевс, ловушка, в которую заманили Лазарева, захлопнулась бы, не оставив ему ни малейшего шанса.

Однако зачем остался хрупкий элементаль с металлически-серыми глазами, Игорь не знал. И, если честно, не слишком хотел это выяснять, но его мнения на этот счёт никто не спрашивал.

— Ну и каково это — быть нянькой для вспыльчивого пацана, Миша? — насмешливо глядя на Глазунова, произнёс он.

Михаил Сергеевич прямо встретил взгляд элементаля. А затем всё же решил ответить.

— Меня устраивает... Дядя.

Элементаль фыркнул.

— Когда ты ушёл из Семьи, я думал, это приведёт тебя к чему-то полезному. Но теперь вижу, как я ошибался.

Игорю показалось, что он ослышался. Дядя? Ушёл из Семьи? Хотя, если подумать, это многое объясняло. Например, становилось понятно, почему Глазунов был сильнее любого из дикарей в СЗГ. Но зачем он покинул Семью? Чем больше Игорь узнавал, тем больше у него возникало вопросов.

— Ещё и взял фамилию матери, — презрительно скривив губы, произнёс элементаль. — Как же низко ты пал, Миша. Может, пора вернуться в Семью Титановых?

— Я так не думаю.

— Конечно, ты не думаешь! Мне кажется, ты вообще разучился это делать, — хмыкнул элементарь. — Ну, твоё право. Развлекайся в своём детском саду... Трус.

Лицо Михаила Сергеевича окаменело. На секунду Игорь подумал, что на этот раз уже ему придётся сдерживать Глазунова, однако тот сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, и остался на месте. Всё-таки его выдержка оказалась гораздо крепче.

Фыркнув, элементарь посмотрел на Игоря, словно собираясь сказать что-то ещё, но затем передумал и просто ушёл. Лазарев повернулся к Глазунову:

— Всё в порядке?

Он видел, как на лице Михаила Сергеевича играли желваки. Однако голос, которым тот ответил, был абсолютно ровным:

— В полном.

— Мне кажется, вам лучше уйти, — посоветовала Кристина, глядя на Игоря. — Вряд ли вам имеет смысл задерживаться на этом вечере.

Спорить с ней никто не стал. Остаться здесь не было никаких причин. А если вспомнить всё, что сегодня произошло, — возможно, и приходить сюда тоже не стоило.

Сотрудники СЗГ покинули мероприятие в Доме Прометея первыми. Поблагодарили Кристину, Игорь вместе с остальными сел в машину, предвкушая неприятный разговор.

— Это было глупо, — без предисловий начал Глазунов.

Лазареву ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Только сейчас, сидя в машине, он заметил, как подрагивают его руки. Ненависть к Прометею никуда не ушла: она просто отступила куда-то внутрь, ожидая подходящего момента, чтобы вновь охватить Игоря целиком. И это пугало его.

Но сделать с этим он ничего не мог.

«Значит, моя мать жива», — стараясь успокоить расшалившиеся нервы, принялся рассуждать Игорь. — «Только вот такая жизнь, пожалуй, даже страшнее смерти».

Скорее всего, она была где-то в особняке Прометея. Упрятанная от лишних глаз, заточённая в родиевый саркофаг без малейшей возможности выбраться, она двадцать лет влачила жалкое существование. Игорь не знал, как ей помочь.

Но твёрдо пообещал себе, что обязательно это сделает.

— Твоё безрассудство чуть не погубило нас, — продолжил Глазунов.

— Да... Я знаю.

— Если бы не вмешательство Зевса, ты наверняка оказался бы в лапах Прометея. А возможно, и все мы, вместе с тобой.

На это Лазарев отвечать не стал. Он и так понимал всё, что говорил ему Михаил Сергеевич, и Глазунов знал это. Но ему требовалось выговориться.

— На что ты вообще рассчитывал?! — вмешался в разговор Антон.

Игорь медленно повернул голову. Керамический элементаль сидел в другом конце машины, и его выкрик слышали все. Лазареву следовало ответить.

— Я рассчитывал его убить, — просто сказал он.

В салоне воцарилось молчание. Казалось, никто не поверил услышанному. Наконец Антон нервно хохотнул:

— Убить? Повелителя? Серьёзно?

На это Игорь отвечать уже не стал. Он посмотрел на Глазунова:

— Этот элементаль, с которым вы говорили... Кто он?

Глазунов помолчал, словно раздумывая, говорить им или нет. Впрочем, все присутствующие стали свидетелями их разговора, поэтому утаивать информацию не было никакого смысла. Он заговорил:

— Титанов Евгений. Гефест. А ещё — мой дядя.

— Ваш дядя — Глава Семьи? — округлила глаза Катя.

— Да. Мой единственный оставшийся в живых дядя возглавляет Семью Титановых, — не стал отпираться Михаил Сергеевич.

— Единственный оставшийся в живых? — зацепился Игорь.

Глазунов опустил глаза на свои руки. Похоже, говорить об этом ему было тяжело.

— В Семье Титановых очень... Своеобразные традиции. В ней мало запретов: ты можешь жениться, на ком хочешь, или... — тут он помолчал, подбирая нужное слово, — Спать, с кем захочешь. У тебя может быть сколько угодно детей от кого только захочешь. Семья с радостью примет к себе любого твоего отпрыска, у которого только будут

способности. Однако это хорошо только на первый взгляд.

Глазунов замолчал и посмотрел в окно, с головой уйдя в свои мысли.

— Что плохого в том, чтобы войти в Семью? — не понял Антон.

— Титановы — это Семья прирождённых воинов. С самого детства в них поощряется дух соперничества. Члены Семьи растут в постоянной конкуренции друг с другом. Тренируются и сражаются друг с другом. Когда дети вырастают, их отпускают в свободное плавание. Ты можешь идти, куда захочешь, и делать, что тебе угодно, главное — развивайся. Становись сильнее. А потом — возвращайся в Семью и демонстрируй, чего ты достиг за годы тренировок. Выросшие Титановы тоже должны соревноваться между собой. И со временем сильнейший становится Главой, — наконец ответил Глазунов. — Только вот битвы взрослых членов Семьи гораздо жёстче, чем сражения детей. Нередки случаи, когда кто-то погибает. Чтобы стать Гефестом, Титанов Евгений убил двух родных братьев. В том числе — моего отца.

Глазунов умолк. Остальные сотрудники СЗГ не задавали вопросов, размышляя над услышанным. Игорь посмотрел на Катю: в чёрных глазах девушки плескалось неподдельное сочувствие. Ей было по-настоящему жаль Михаила Сергеевича.

Когда все уже решили, что продолжения не последует, Глазунов вновь заговорил:

— Как и многие, я ушёл из Семьи, когда мне исполнилось восемнадцать. Сначала устроился в армию. Ездил в горячие точки, воевал... Металлисту пули не страшны, — невесело улыбнулся он. — А когда узнал, что СЗГ набирает людей со способностями элементалей, устроился туда. И возвращаться в Семью не хочу. Потому что там мне придётся либо подчиниться Гефесту, либо бросить ему вызов. И тогда я умру.

— Он настолько силён? — спросил Игорь. Глазунов посмотрел на него и приподнял бровь:

— Не так, конечно, как Прометей... Но он — Повелитель. А я — едва достиг ступени Старшего Мага. У меня нет шансов. Поэтому я продолжаю тренироваться... Но уже понимаю, что его уровня мне никогда не достичь. Как, впрочем, и остальным моим братьям.

— А их много?

— Достаточно, — отрезал Глазунов. — С одним из них, кстати, ты уже успел столкнуться. Кирилл Титанов, более известный, как Скрипач, — мой двоюродный брат.

Кто-то позади Игоря с шумом втянул воздух сквозь зубы. Лазарев обернулся. Юля, прикусив губу так, что шрам на ней побелел, шокированно смотрела на Глазунова.

Разговор затих сам собой. Игорь смотрел в окно. Машина давно въехала в город, и мимо проносились десятки зданий: жилые дома, торговые комплексы, рестораны... Вдруг Лазареву в голову пришла одна мысль.

— Останови здесь! — попросил он водителя.

Глазунов недоумённо посмотрел на него.

— Хочу проветриться, — пояснил Игорь.

Он ожидал, что Михаил Сергеевич затянет нудную лекцию о том, что находиться на улице в одиночку в такое время может быть опасно, однако этого не произошло. Похоже, Глазунову и впрямь не слишком нравилась идея быть нянькой. Повернув голову к водителю, он сказал:

— Припаркуйся где-нибудь поблизости.

Уже через несколько секунд машина остановилась, и Игорь потянулся к двери. Следом за ним встала Катя.

— Я с тобой.

— Нет, — Лазарев покачал головой, вылезая из машины. — Мне нужно побыть одному.

Он захлопнул дверь прямо перед лицом обиженной Кати, но сейчас ему было не до объяснений.

Ярость внутри него никуда не делась и требовала немедленного выхода.

Ночной город нравился Игорю.

Было что-то чарующее в блеске придорожных фонарей и мерцании неоновых букв, украшающих магазины и увеселительные заведения. Впрочем, некоторые из них довольствовались более классическими вывесками с надписями, говорящих случайным прохожим, какого рода услуги предоставляются в том или ином месте.

А некоторые заведения и вовсе не имели никаких вывесок, потому что в представлении не нуждались.

У искомого ресторана Игорь оказался довольно быстро. Он заприметил его ещё в машине СЗГ, и теперь ему пришлось немного пройтись, чтобы добраться до входа в обособленно стоящее от остальных здание. Впрочем, это было даже хорошо: прохладный ночной воздух немного остудил голову Лазарева, и теперь у него сформировался вполне чёткий план действий.

Оказавшись внутри, Игорь осмотрелся: людей было достаточно много, и в ресторан прибывали всё новые посетители. Сразу следом за ним зашёл ещё один мужчина и тут же занял один из столиков. Лазарев решил сделать то же самое.

Человека, которого он рассчитывал встретить, в ресторане не было, но Игоря это ничуть не смутило. Сев за стоящий в углу двухместный столик, он достал из кармана телефон и набрал нужный номер. Трубку подняли уже после второго гудка.

— Слушаю.

— Николай Сергеевич, добрый вечер. Это Лазарев Игорь. Мы можем встретиться?

Карло помедлил.

— Так... Думаю, да, вполне. Где вы сейчас?

— Я в «Марчеллио».

— Хорошо, ждите там, я буду через десять минут.

Трубку положили, и Игорю оставалось только восхититься оперативностью Харитонов. Он надеялся на то, что им удастся встретиться, но и подумать не мог, что это произойдёт так быстро. Нетерпеливо побарабанив пальцами по столу, он принялся ждать.

Видимо, из-за большого наплыва посетителей, официант подошёл к нему не сразу. А когда подошёл, начал разговор вовсе не с предложения меню.

— Прошу прощения, но этот столик забронирован.

Игорь моргнул. Задумавшись, он не заметил таблички с надписью «reserved», стоящей на краю его стола.

— Сожалею, но вам придётся уйти, — твёрдо сказал официант.

На его груди красовался бейдж с именем. Бросив туда короткий взгляд, Игорь произнёс:

— Послушайте... Дмитрий. Я здесь ненадолго.

— Боюсь, это не имеет значения, — не терпящим возражения тоном заявил официант. — Если вы не бронировали столик, боюсь, вы должны покинуть заведение. У нас сегодня полная посадка.

Внутри Игоря вновь поднялась едва утихшая злость. Он никому не мешал, так какого

чёрта с ним говорили таким тоном?! Он уже открыл было рот, чтобы высказать это официанту, но подошедший мужчина избавил его от такой необходимости.

— Этот столик сегодня нужен мне. Иди и отмени бронь, — скомандовал Харитонов, отодвинув стул и заняв место напротив Игорь. Официант замер, видимо, не зная, что делать. Карло покосился на него:

— Ты что, плохо слышишь?

— Нет, Николай Сергеевич, — покорно ответил Дмитрий. — Я сейчас же отменю бронь. Извините.

Больше не глядя на бедного официанта, со скоростью ветра умчавшегося прочь, Карло уместил деревянные руки на стол и всем своим видом изобразил внимание:

— Здравствуйте, Игорь. Так о чём вы хотели поговорить?

— Давайте перейдём на «ты», — поморщился Игорь. После званого вечера в Доме Прометей излишняя вежливость вызывала в нём стойкое чувство тошноты. — Мне нужно найти Скрипача.

— Сразу к делу? — хохотнул Карло. — Это хорошо. Это мне нравится. А что произошло?

— Ничего особенного, — соврал Игорь. — Просто решил закрыть старые счёты.

Карло помедлил, опустив взгляд на свои руки.

— К сожалению или к счастью, но это уже сделали за тебя.

Игорь насторожился.

— Кхм... И как это понимать?

— Ну, — Карло неопределённо помотал кистью в воздухе. С его протезом жест получался довольно странным. — Ты же помнишь, что Прометей дал ему срок в месяц, чтобы привести тебя к нему. Время истекло, и Прометей наведалься к Скрипачу снова.

— Он убил его?

— Что ты, нет. Убивать кого-то из потомков дружественной Семьи Прометей не стал. Просто сломал ему все конечности и выжег глаз, — так, словно речь шла о чём-то совершенно обыденном, сказал Карло. — Сказал, что раз он не умеет как следует смотреть двумя глазами, то он вполне обойдётся и одним. Вполне в стиле этого человека.

Игорь вздрогнул. Он не понаслышке знал о жестокости Прометей, и всё же весть о том, что он равнодушно изувечил другого элемента за надуманную провинность, заставляла кровь стыть в жилах. Карло предпочёл сделать вид, что не заметил реакции Лазарева.

— После этого Скрипач залёг на дно. Никто не знает, где он залечивает раны, так что, боюсь, я не смогу помочь найти его. Наверное, никто не сможет.

Игорь приглушённо выругался. Его план на глазах разваливался на куски. Помолчав, Карло вдруг добавил:

— Однако я могу помочь тебе кое-чем другим.

Игорь приподнял бровь:

— И чем же?

— Следом за тобой в ресторан вошёл ещё один человек. короткостриженный мужчина в кожаной куртке. Он сидит неподалёку от входа и уже долгое время притворяется, что изучает меню.

Игорь поднял глаза, делая вид, что наблюдает за перепалкой официанта с гостями. Молодой человек с девушкой на повышенных тонах высказывали что-то Дмитрию, указывая на стол Лазарева. Официант поднял руки в защитном жесте и что-то пытался им объяснить.

Искомый мужчина оказался чуть позади них. Высоко подняв меню в воздух, он вперил серьёзный взгляд в меню. Казалось, будто в картонной брошюре были скрыты какие-то глобальные тайны мироздания, и он изо всех сил пытался их разгадать.

Лазарев обернулся к Карло:

— И что?

— А, да ничего особенного, — легко и непринуждённо, словно речь шла о каком-то новом блюде «Марчеллио», сказал Карло. — За исключением того, что это человек из банды Карпа. А к нему, если не ошибаюсь, у тебя тоже есть свои счёты. Впрочем, это, конечно, не моё дело.

С этими словами Николай Сергеевич встал.

— Мне пора. Дела зовут, сам понимаешь, — задвинув стул так ловко, словно протезы нисколько ему не мешали, произнёс Карло. — Кстати, советую попробовать форель на углях. Смею заверить, это одно из лучших блюд моего ресторана.

Игорь криво ухмыльнулся. У него в планах сегодня была другая рыба, и готовить её он собирался самостоятельно.

Так и не сделав заказ, он поднялся из-за стола, чем заслужил неодобрительный взгляд Дмитрия. Впрочем, Игоря это мало волновало: в ресторан его привели дела, а не желание перекусить.

Покинув «Марчеллио», Лазарев неспешным прогулочным шагом направился вперёд. В стеклянной стене одного из строений он увидел, как следом за ним из ресторана вышел ещё один человек.

«Отлично».

Свернув в узкий переулок между зданиями, Игорь остановился. К счастью, ждать пришлось недолго.

Меньше, чем через минуту, с ним поравнялся мужчина с короткой стрижкой. И очень удивился, когда его схватили за отворот кожаной куртки и рывком затащили в проулок.

Надо отдать ему должное — он быстро сориентировался и попытался вырваться, однако Игорь не дал ему такой возможности. Удерживая мужчину правой рукой, левой он нанёс несколько ударов ему под рёбра. Это возымело действие: мужчина задохнулся и обмяк. Над небритым подбородком повисла тонкая нитка слюны.

— Ну привет, — дружелюбно улыбнулся ему Игорь. Мужчина был ростом с него, но крупнее килограмм на десять, однако Лазарева это нисколько не беспокоило. Никакие габариты в мире не помогли бы шпику защититься. — Не подскажешь, где сейчас твой босс?

— Кха... Пошёл ты, — выдавил мужчина.

— Понятно, — заключил Игорь. — Значит, по-хорошему не получится.

Лазарев принялся методично вколачивать руки в шпиона. Он не использовал стихию — такого обычный человек бы не пережил, — однако совсем не сдерживался, от души избивая шпиона и срывая накопившуюся злость. Мужчина пытался защищаться, закрыв голову руками, но это не помогло ему, потому что Игорь разошёлся вовсю.

Прямой удар в лицо, выбивающий передние зубы. Несколько ударов по корпусу, заставившие ребра жертвы омерзительно хрустнуть. Удар коленом в наклонившуюся голову, свернувший нос в сторону и выбивший из него целый фонтан крови. Боковой удар в челюсть, заставивший мужчину рухнуть на асфальт.

Уже через несколько секунд тихо поскуливающий мужчина, с ужасом глядя на Игоря снизу вверх, заговорил:

— Я не жнаю... Не жнаю, хде он!

Игорь кивнул.

— Хорошо, допустим, я тебе поверил. Телефон есть?

Мужчина быстро закивал. Игорь снова кивнул:

— Хорошо. Доставай его. Звони Карпу и говори, что нашёл меня. Скажи, что я один и иду от «Марчеллио» пешком. И очень тебя прошу, — добавил Лазарев, — Постарайся не шепелявить!

Мужчина дрожащими пальцами набрал нужный номер и поднёс телефон к уху. Игорю в голову пришла неприятная, но полезная идея.

От удара по зубам кожа на костяшках разодралась, и Лазарев обмакнул указательный палец в выступившую каплю крови. Короткое усилие воли — и на кончике пальца образовалась капелька лавы, которую Игорь поднёс к глазу мужчины.

— Поставь на громкую. И без глупостей, — вкрадчиво посоветовал Лазарев.

Мужчина смотрел на палец, как зачарованный, даже тогда, когда из трубки раздался голос Карпа:

— Алло.

— Карп, я нашёл его! — старательно выговаривая слова, сказал мужчина. — Он вышел из «Марцеллио», — тут Игорь чуть поморщился; пожалуй, выбивать шпиону зубы всё же не стоило. — Идёт один в сторону центра.

— Откуда вышёл? — уточнил Карп, и сердце Игоря пропустило удар. — Из «Марчеллио»?

Мужчина помедлил.

— Д-да.

— Ну так и говори! — повысил голос Карп. — А то я тебя к логопеду запишу. Эй, мужики! — крикнул он куда-то в сторону. — Выезжаем! А ты, — голос вновь зазвучал чётко — похоже, Карп поднёс телефон ко рту, — Скинь геопозицию. Скоро будем.

Из трубки послышались гудки. Мужчина опустил телефон, настороженно глядя на Игоря. Тот погасил полыхающую жаром каплю лавы, ободряюще улыбнулся и произнёс:

— И чего мы ждём? Скидывай геопозицию!

Мужчина кивнул и выполнил требуемое. Лазарев посмотрел в телефон, убедился, что все сделано верно, и хлопнул шпиона по плечу:

— Ну вот видишь: можешь, когда захочешь. Молодец!

Он уже развернулся, чтобы уйти, но вдруг остановился.

— А, чуть не забыл.

Сделав два быстрых шага, он с силой пнул мужчину по челюсти. Возможно, это было слишком жестоко, но Игорь нисколько не жалел о содеянном.

Во-первых, свою функцию шпион уже выполнил.

Во-вторых, оставлять врага за спиной было неразумно.

Особенно того, у которого из рукава выпадает нож.

Взрослая жизнь устроена так, что постоянно приходится чего-то ждать.

Ждать, пока нудное совещание наконец закончится. Ждать конца рабочего дня. Ждать в очереди магазина. Ждать, пока приготовят заказ. Ждать выхода продолжения хорошей книги. Ждать доставку. Редко что-то хорошее происходит сразу.

Приходится запасаться терпением и ждать. Ждать. Ждать.

И очень здорово, когда ждать нужно недолго.

— Лёха, это ты? Куда он пошёл? — не прошло и получаса, как в переулок ворвался Карп с дюжиной прихлебателей. Он прищурился: в тусклом свете одинокого фонаря рассмотреть стоящего впереди человека не представлялось возможным.

Была видна короткая стрижка. Кожаная чёрная крутка из тех, что было принято носить в банде Карпа, тоже имелась. И телефон, с которого была отправлена геопозиция, мужчина вертел в руках. Вот только что-то заставило Карпа напрячься. Странное предчувствие. А своей интуиции немолодой уже бандит привык доверять. Она его никогда не подводила.

Он неосознанно потянулся рукой к стеклянному глазу.

«Ну или почти никогда».

Карп остановился на почтительном расстоянии от мужчины в кожаной куртке и осторожно спросил:

— Лёха, ты меня слышишь?

«И когда это он так похудел?» — успел подумать Карп прежде, чем на телефоне включился фонарик. Его неровный свет упал на асфальт, где, бережно прислонённый к стене ближайшего здания, лежал Лёха. С посиневшим от побоев лицом, он не подавал никаких признаков жизни.

И, что особенно важно, — он был без куртки.

— Давно не виделись, Карп, — мужчина повернул фонарь так, чтобы его лицо можно было разглядеть, и бандиты замерли. Перед ними стоял Лазарев. Он улыбался:

— Говорят, вы меня искали?

Надо отдать Карпу должное — он среагировал первым.

Отскочив назад, он взмахнул руками, и по земле от его ног в сторону Игоря побежал быстрый водный ручей. Лазарев сделал шаг в сторону, но управляемая Карпом вода тут же сменила направление, не позволяя ему сбежать.

А потом — вдруг обошла его стороной.

На лице Карпа мельком отразилось непонимание. В последний момент направленный им ручей сменил направление, дав Лазареву возможность вдвое сократить разделяющую их дистанцию. Не своим голосом Карп заорал:

— Идиоты! Стреляйте в него!

Его опомнившиеся подельники вскинули оружие. Игорь успел увидеть направленные в него пистолеты и несколько автоматов. Прежде, чем по нему открыли огонь, Лазарев успел подумать лишь одно:

«А я ведь так и не проверил доспех».

За доли секунды до того, как его накрыло шквалом пуль, Игорь усилием воли активировал свою стихийную броню. С каждым разом это давалось ему всё легче: сейчас он

уже почти не обращал внимание на боль от многочисленных тонких ран, сетью покрывающих его тело. Его доспех стоил того, чтобы потерпеть.

Пули не смогли нанести ему вреда. Серая корка, распространившаяся по всему телу Игоря, надёжно защищала от направленных в него выстрелов.

А вот у них никакой защиты не было.

Так и не выпустив телефон из руки, Игорь с силой вбил девайс ближайшему бандиту в висок, проламывая хрупкую кость. Фонарик осветил правый глаз мужчины изнутри, прежде чем мигнуть в последний раз и погаснуть. Ни телефон, ни бандит столкновения не пережили.

Игорь оказался в самой гуще врагов. От испуга и неожиданности некоторые из них начали пытаться стрелять в него вблизи, но рикошетищие от доспеха пули лишь посекали их союзников. От первого же такого залпа сразу четверо бандитов с криками рухнули на асфальт, зажимая кровоточащие раны на груди. Скорее всего, никто из них уже не встанет.

Лазарев кинулся вперёд, растопыренными пальцами полоснув по животу ближайшего из врагов. Лысый мужчина выронил пистолет и страшно заорал, пытаясь удержать выпадающие наружу внутренности. Больше не тратя на него время, Игорь перескочил к следующему.

И тут же отпрыгнул в сторону, пропуская мимо себя очередной ручей, приблизившийся к его ногам. Ещё один шаг — и поток воды, подобранный к Игорю почти вплотную, вновь вильнул в сторону, заставив Карпа панически выругаться.

Он стоял поодаль, отгородившись от Лазарева оставшимися подельниками, что Игоря, конечно же, несколько не устраивало. Ведомый каким-то наитием, Игорь собрал силу стихии на самых кончиках пальцев, а затем махнул кистью, словно стряхивая воду.

В сторону кучки бандитов устремились десятки капель лавы. Прожигая одежду и кожу, выедавая плоть, они мгновенно заставили взрослых мужчин с криками упасть и кататься по земле, стараясь избавиться от источника жгучей боли. На ногах остался лишь один — тот, кто стоял от Игоря дальше прочих, а потому избежал попадания лавы. Он вскинул руки, и Игорь увидел, как в тусклом свете фонаря они блеснули металлом. Увидел — и радостно оскалился.

Лазарев умышленно не стал блокировать удар, направленный в голову. Возможно, это было глупо и безрассудно, но что-то внутри словно подначивало его узнать, насколько возросли возможности обновлённой защиты.

И по всему выходило, что возросли они существенно.

Никакой боли от удара он не почувствовал. Голова чуть дёрнулась в сторону, и... На этом всё. Элементаль ударил ещё раз, и ещё — без толку. Игорь даже не сдвинулся с места.

В этот момент отчего-то запыхавшийся Карп предпринял очередную попытку напасть. Лазарев сделал два шага в сторону, и ручей, следом за ним сменивший направление, снова вильнул в сторону.

— Да какого чёрта! — не выдержал Карп.

Металлист прыгнул на Игоря, намереваясь ударить ногой в голову. Лазарев перехватил его ступню прямо перед своим лицом и с удивлением отметил, что держит в руке железный сапог. Похоже, элементаль умел использовать броню, а значит, уже достиг ступени Мага.

Приземлиться ему самостоятельно Игорь не позволил. Развернувшись, он перехватил ногу второй рукой и резко, словно дровосек, собравшийся рубить поленья, опустил руки вниз.

Только вот вместо поленьев был асфальт. А металлист, как его ни крути, топором не был.

Железо со скипом столкнулось с землёй. Элементаль застонал, пытаясь руками опереться об асфальт и отползти, но сделать этого ему не удалось.

Игорь так и не разжал рук на ногу противника. Тщательно примерившись, он ударил голенью элементаля о своё колено. И — возможно, от потери концентрации, а может, по каким-то другим причинам — нога не выдержала и с хрустом переломилась.

Оставив стонущего металлиста лежать на земле, Игорь шагнул в сторону Карпа. Тому давно следовало сбежать, но он этого не сделал, с ужасом наблюдая за уничтожением своей банды. А теперь бежать было слишком поздно.

Игорь рывком приблизился к нему. Окаменевшие пальцы схватили Карпа за голову, и Лазарев, не останавливаясь, поставил ногу за спину врага, заставляя того споткнуться и упасть наземь.

— Пойдём, я тебе кое-что покажу.

Игорь схватил Карпа за ногу и потащил по асфальту. Тот негромко шипел сквозь зубы, когда торчащие камешки раздирали ему спину и шею. Добравшись до того места, где стихия Карпа в последний раз обошла Лазарева стороной, Игорь отпустил ногу врага, взял его за отворот куртки и перевернул, ткнув лицом в асфальт.

— Тебе, наверное, очень интересно, почему твой ручей обходил меня стороной. Ну так посмотри!

Глаз Карпа несколько раз моргнул, фокусируясь на небольшой канавке, будто выплавленной в асфальте. Не шире ладони, выемка изогнутой полосой протягивалась примерно на полметра — углубление небольшое, но вполне достаточное, чтобы попавший в него ручей продолжил течение уже по нему.

— У каждой стихии есть слабости, — поделился Лазарев. — Вода, например, течёт там, где для неё есть подходящее русло. Как видишь, я подготовился.

Он дважды ударил Карпа лицом об асфальт, а затем перевернул его на спину.

Сев ему на грудь, Игорь занёс кулак. Главарь банды был полностью деморализован и не сопротивлялся: из разбитого лба на лицо обильно струилась кровь, заливая изувеченный нос, затекая в расцарапанный рот сквозь дрожащие губы. В единственном уцелевшем глазе перегорающей лампой светился страх:

— Стой, не надо! — взмолился он.

Игорь не стал отвечать.

Вялые попытки сопротивления исчезли после нескольких ударов. Руки, которыми Карп пытался закрывать голову, бессильно опустились на асфальт, даруя Игорю полную свободу действий. И он совсем не стеснялся ей пользоваться.

Убрав доспех, он голыми кулаками превращал голову врага в бесформенное месиво. Здоровый глаз главаря банды залился кровью и закатился вверх, став похожим на своего стеклянного собрата. С той лишь разницей, что протез уцелел гораздо лучше.

Некоторое время раздавались только звуки ударов и хрипы Карпа. Потом хрипы прекратились.

Игорь поднялся и с отвращением вытер руки о куртку мёртвого бандита. Он надеялся, что схватки с преследующими его преступниками окажется достаточно, чтобы успокоиться, однако яростная пелена, застилающая глаза Лазарева, и не подумала исчезать. Быстро пытаясь сообразить, где бы ещё можно было сорвать злость, Игорь осмотрелся.

В живых осталось лишь несколько человек. Разбросанные по асфальту, они слабо стонали, а некоторые и вовсе перестали издавать какие бы то ни было звуки. Казалось, они даже дышали через раз. Или не дышали вовсе.

Нет. Этих явно будет недостаточно.

Лазарев подошёл к металлисту, который совсем недавно преграждал ему путь к Карпу. Элементаль полусидел, опершись на стену ближайшего к нему здания, и с сипом втягивал воздух сквозь зубы. Нога, изогнутая под неестественным углом, покоилась на асфальте.

Игорь присел возле металлиста на корточки и посмотрел ему в глаза. Несмотря на своё незавидное положение, парень взгляда не отвёл.

И нельзя сказать, что Игорю это не понравилось.

— Сколько в банде Карпа людей? — спросил Лазарев. Сначала ему показалось, что элементаль откажется отвечать и информацию придётся выуживать силой, однако тот, вопреки опасениям, заговорил практически сразу. Видимо, понимал, что пустое упорство не даст ему ничего хорошего, а может, ему просто было плевать на остальных. Игоря не волновали причины — ему был интересен результат.

— Около сорока... — он запнулся и окинул взглядом переулков, заваленный уже мёртвыми и ещё умирающими, и тут же поправился: — Чуть больше двадцати.

— Где они?

— На базе, — металлист пожал плечами. — Дешёвый боулинг-клуб неподалёку.

— Машина есть?

— Да. Буквально за углом.

— Хорошо, — Игорь приблизился к элементалю. Тот попытался опасливо отодвинуться, но тщетно: Лазарев аккуратно подхватил его и закинул руку металлиста себе на плечо. — Покажешь дорогу.

Металлист поморщился — то ли от боли в сломанной ноге, то ли от невозможности отказаться. Впрочем, причины Игоря не волновали. Главное — что он шёл с ним.

Искомые машины обнаружили буквально в соседнем переулке. Их лучшие времена давно остались позади: выдавшие виды автомобили, конечно, представляли статусные марки, только вот модели устарели уже лет как десять, и теперь подобный транспорт можно было относительно недорого купить, но совсем недешево — содержать. Впрочем, людей, для которых важно было бросить пыль в глаза, это было не так важно. Автомобиль для них был не столько средством передвижения, сколько демонстрацией статуса.

Машины были открыты. Игорь подошёл к ближайшему чёрному автомобилю, одной рукой открыл массивную переднюю дверь и аккуратно сгрузил металлиста на светлое кожаное сидение с потрескавшимися краями. Элементаль едва слышно зашипел, когда сломанная нога стукнулась о порог иномарки, но говорить ничего не стал. Игорь мысленно поставил ему ещё один жирный плюс.

Что удивительно, ключи обнаружили прямо в замке зажигания. Похоже, Карп был уверен, что угнать любую из его машин никто не осмелится. Игорь криво ухмыльнулся... И посмел.

Ехать в тишине почему-то не хотелось. Протянув руку, Лазарев включил старомодную магнитол. Из дорогих колонок, в большом количестве вставленных в дверные карты автомобиля, полилась музыка, записанная, наверное, ещё в прошлом веке:

«Не говори уме-реть!»

Оставь меня в тёмной ночи,

*От света укрой и молчи,
Когда лезвие чертит след.
Не говори уме-реть!»**

Дороги в это время суток были практически пустыми, поэтому до нужного места добрались за каких-то пятнадцать минут. Металлист с отсутствующим видом смотрел в лобовое стекло, пока в нём не показалась мигающая вывеска с надписью «B53».

— «B», наверное, значит «боулинг», — вслух предположил Игорь. Напряжение отступало, и Лазареву отчего-то захотелось поговорить. — Но что значит число «53»?

— Изначальное количество членов банды Карпа, — равнодушно ответил элементаль. С каждым его высказыванием Игорь всё больше убеждался, что люди Карпа металлисту совершенно безразличны. Лазарев внимательно посмотрел на него.

Парень, совсем недавно сражавшийся против Игоря, был даже младше его. Или, по крайней мере, производил такое впечатление. Растительность на лице, если она была, подверглась скрупулёзному бритью, и от этого металлист казался почти школьником. Высоким, крепким, но — молодым.

«Выглядит так, будто ему едва исполнилось восемнадцать», — отметил Лазарев. Вслух, впрочем, он сказал не это:

— Среди оставшихся членов банды есть элементали?

— Нет, ни одного.

— Хорошо, я запомнил это место. Поехали.

Тёмные брови металлиста еле заметно дрогнули. Он покосился на Игоря, но тот сделал вид, что не заметил, и элементаль, не дождавшись никаких пояснений, прикрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

«Если не можешь ничего предпринять — жди», — хмыкнул про себя Лазарев. И мысленно поставил элементалю ещё один плюс.

Игорь ехал достаточно медленно; район был ему малознаком, поэтому ему требовалось как следует осмотреться. Наконец он увидел то, что искал.

Таких зданий было наткано десятки по городу, и все они выделялись своим однообразием. Обязательно многоэтажные. Обязательно белые. Обязательно с красными крестами.

Игорь затормозил прямо у центрального входа. Между машиной и ступеньками оставалось каких-то несколько метров. Повернув голову к металлисту, Лазарев скомандовал:

— Выходи.

Тот уставился на Игоря. В серых глазах отразилось непонимание.

— Живее, выметайся!

Ошарашенный парень нащупал ручку двери. Вылезая из машины, он чуть запнулся, негромко, но с душой выругался, а затем, разумно оценив свои возможности, уселся на землю и принялся перебирать руками и здоровой ногой, медленно передвигаясь ко входу. Сломанная нога при этом бессильно волочилась следом за ним.

Наблюдать за тем, как он доберётся до госпиталя, Игорь не стал. Едва дверь машины захлопнулась, он развернулся и рванул в обратную сторону.

Некоторые дела нельзя оставлять незаконченными.

К тому времени, как Игорь вернулся к базе Карпа, злость почти полностью оставила его. С глаз спала пелена, неконтролируемая дрожь покинула конечности. По здравому рассуждению, Лазарев, в общем-то, уже и не хотел убивать оставшихся членов банды. Какой

в этом смысл? Опасности они для него не представляют: горстка людей без способностей элементарей, лишённые своего предводителя, вряд ли станут искать встречи с Лазаревым. А избавляться от них...

«Сегодня и без этого пролилось слишком много крови», — подумал Игорь. И тот факт, что почти вся она была пролита им самим, ничуть не успокаивал.

Нет, заходить внутрь и вырезать остатки банды Карпа Лазарев не собирался. Сейчас, когда он успокоился, Игорь просто не мог этого сделать. Но и оставлять базу нетронутой Лазарев не собирался.

Игорь тоскливо посмотрел на мигающий значок на панели приборов. Жёлтое схематичное изображение бензоколонки, мигая, напоминало о том, что машину следовало заправить.

Хотя какой в этом смысл? Остатков бензина будет вполне достаточно.

«Кто сказал, что мужчинам неведом страх?»

Кто сказал, что забыл о заботе Бог?»

Кто сказал, что есть в боли хороший знак?»

*Кто сказал, что любовь — это тоже зло?»**

Вряд ли магнитола осознавала, что это её последняя песня.

Чувствуя себя героем блокбастера, Игорь разогнал машину и выпрыгнул из неё на ходу. Полторы тонны металла на высокой скорости ударились о вход в здание, круша двустворчатую деревянную дверь, ломая кирпичную кладку. Вывеска с надписью «В53» повисла на единственном уцелевшем крепеже, пару раз качнулась и сорвалась вниз, проминая под собой крышу автомобиля.

В результате передняя часть автомобиля смялась. Из-под капота заструился едва заметный дым, а затем... Ничего не произошло.

Игорь поднялся с асфальта и поправил одежду. Ну, раз машина не загорелась сама, придётся ей помочь.

Небольшая боль в пальце — как будто иглой укололи, — и в сторону автомобиля летят несколько капель лавы. И приземляются точно на люк бензобака.

Отряхнув руки, как после добротной выполненной работы, Игорь развернулся и направился прочь. На взрыв, раздавшийся буквально через считанные секунды, он смотреть не стал. Лазарев просто шёл и наслаждался воцарившимся внутри умиротворением. Злость, бушевавшая в нём весь вечер, наконец утихла.

Кстати, в природе напавшей на него ярости Игорю ещё предстояло разобраться.

Потому что он вдруг осознал, что становится похож на другого человека, и это сравнение ему не понравилось.

*Вольный авторский перевод песен группы «The 69 Eyes» — Never say die» и «Devils».

— Хм. А вот это довольно любопытно. Хотя нет — это необычайно любопытно!

У Игоря возникло ощущение дежавю. Он вскинул бровь, и с ожиданием уставился на Мерцалова. Внешность врача претерпела заметные изменения: если раньше он щеголял чисто выбритым лицом, то теперь лицо обрамляла короткая борода, уложенная волосок к волоску. Педантичность Ильи никуда не делась. Как и склонность увлекаться своими настолько, что всё остальное отбрасывалось на второй план.

— Мда... Действительно. Ну, хоть я и предполагал, что подобное не встречается, это не значит, что оно не встречается в самом деле... — задумчиво бормотал Мерцалов себе под нос. Чем, признаться, неслабо раздражал лежащего в капсуле Игоря.

Всё старое оборудование в бывшем кабинете Ильи было уничтожено искусственно организованным пожаром, как, собственно, и сам кабинет. Что ни говори, отправленный Прометеем Накал умел действовать радикально. А вот с умеренностью у него определённо были проблемы: там, где хватило бы поломки одного компьютера, он выжиг целый этаж.

После возвращения Мерцалова СЗГ организовало ему новый кабинет уже на своей территории. Так Илья стал счастливым обладателем самого современного оборудования, расположенного на тщательно охраняемой территории, то есть, можно сказать, получил от сложившейся ситуации максимальную выгоду.

Ну или почти максимальную. Игорь заметил, как при ходьбе Илья чуть отводит плечи назад, выпячивая грудь. Со стороны могло показаться, что он изображает из себя бравого парня, однако Игорь знал, что это не так: ожог Мерцалова заживал долго, и Илья, стараясь его не бередить, старался лишней раз не растягивать кожу на спине. Ожог давно превратился в шрам, окружающий лопатку уродливым напоминанием о прошлом, а привычка отводить плечи так никуда и не делась. Внутренние раны затягиваются гораздо дольше, чем внешние.

— Что там такое? — не выдержал Игорь.

— Крайне необычно... Возможно, что-то такое есть в моих записях. Надо посмотреть, — словно забыв о существовании Лазарева, Илья практически бегом бросился к своему компьютеру и начал быстро щёлкать по клавиатуре. — Так... Нет. Совпадений не найдено. А если...

— Илья! — повысил голос Лазарев.

— А? Что? — Мерцалов повернул недовольное лицо к Игорю и сфокусировал на нём взгляд.

— Что такого необычного ты заметил в результатах исследования?

— Точно! Результаты! — Илья припал к клавиатуре и вбил ещё один запрос. Бегло осмотрев результаты поиска, он с разочарованием в голосе протянул: — Нет, опять не то.

— Илья! — тоном, не предвещающим ничего хорошего, произнёс Игорь.

— Да, да, сейчас, — обречённо сказал Мерцалов, подходя к закреплённому возле капсулы монитору. — Вот, посмотри сюда.

Опасаясь, как бы у врача не случилось очередного научно-исследовательского припадка, Игорь рывком поднялся и занял место рядом с Мерцаловым. Илья торжественным жестом указал на экран:

— Что ты видишь?

Лазарев внимательно присмотрелся к монитору. Схематичный силуэт мужчины, очевидно, принадлежал ему. Изображение было наполнено смесью цветов от красно-оранжевого до практически белого, но это Игорю ни о чём не говорило. Зато табло с цифрами было ему знакомо.

— Так, погоди, — Игорь заметил одну странность, — Разве в прошлый раз мой потенциал был не около пяти?

— Именно! — торжествующе вскричал Мерцалов. — Если быть точным — пять и семь. А сейчас... — он нетерпеливо принялся тыкать пальцем в двузначное число на экране.

В этом не было необходимости. Лазарев видел их и сам.

Десять, точка, пять.

— Обычно потенциал особенно активно развивается в период с двенадцати до двадцати лет, — сообщил Мерцалов. — Потом, конечно, его развитие не останавливается, но существенно замедляется. В твоём же случае... — Илья развёл руками. — Меньше, чем за год, ты увеличил потенциал почти в два раза. Не знаю, чем тебя в этом СЗГ кормят, но раньше ты был хорош только на уровне дикарей. По меркам Домов твои возможности были чуть ниже среднего.

— А сейчас? — несмотря на то, что Игорь никогда не верил, в возможности приборов в полной мере определять пределы способностей элементаря, слышать столь нелестную оценку собственных сил было не очень-то приятно.

— Не знаю, — с радостной улыбкой заявил Илья. — Элементарей такой силы у меня на исследованиях ещё не было. Я могу лишь предполагать.

— Ну, так предположи, — попросил Игорь.

— Точно, конечно, не скажешь... Но, судя по всему, сейчас твой потенциал соответствует вершине ступени Мага. Это — как минимум. А вообще он, скорее всего, уже достиг Старшего Мага, — довольно, словно речь шла о нём, а не об Игоре, сообщил Мерцалов. — Что с тобой произошло?

Лазарев задумчиво подвигал челюстью. Дело принимало интересный оборот.

В причинах изменений он не сомневался. Кормёжка в СЗГ, как пошутил Мерцалов была не при чём — почти наверняка изменения произошли благодаря действиям Сони. Возможно, постоянные тренировки и схватки тоже сыграли какую-то роль, но Игорь не обольщался: большей частью своих возросших возможностей он был обязан дочери Кратова. Но делиться этой информацией он не хотел. Даже с Ильёй.

— Не могу точно сказать, — уклончиво ответил Игорь.

Илья задумчиво кивнул головой:

— Я так и думал. Скорее всего, роль сыграли разные факторы, но одно могу сказать точно — тебе невероятно повезло. Сейчас ты едва ли не на одном уровне с сильнейшими представителями Домов и Семей.

— Даже их Главами? — вкрадчиво уточнил Лазарев.

Мерцалов поморщился:

— Разумеется, нет. Твой потенциал позволяет конкурировать с некоторыми Старшими Магами. И то — лишь с начинающими. Настоящим мастодонтам, скорее всего, ты пока не ровня. Что до твоего вопроса... Почти все Главы, насколько я знаю, находятся на ступени Повелителя. Как минимум.

— Что ещё значит — как минимум? — переспросил Игорь. Он надеялся, что ослышался, или что Мерцалов оговорился, но ответ Ильи разрушил его мечты:

— Не знаю, правда или нет, но поговаривают, что Глава Дома Деметры достиг ступени Бедствия. А Прометей — приблизился к ней настолько, насколько это только возможно.

«Только этого мне не хватало», — мысленно простонал Игорь.

Деметра не слишком сильно его волновал. Пусть этот длинноволосый мужчина с неестественно молодым для Главы Дома лицом будет хоть тысячу раз Бедствием, для Игоря это не имело никакого значения. Его интересовали силы только одного человека.

Он изначально осознавал, что его с Прометеем разделяла целая пропасть. Понимал, что враг силён даже для Повелителя. Но если он шагнёт дальше...

Игорь силой воли отогнал упаднические мысли прочь и упрямо сжал челюсти. Как далеко бы не зашёл Прометей, он всё равно его настигнет. Любым способом.

— Есть ещё одно изменение, — спустя пару минут сообщил Мерцалов, указав на силуэт в мониторе. — Смотри, энергия стихии внутри тебя стала насыщеннее. Более того, она незначительно выступает за пределы кожи. Раньше такого не было. Похоже, — тут он улыбнулся, давая понять, что шутит, — Изоляция потихоньку портится?

— Судя по всему, — криво ухмыльнулся Игорь в ответ.

Вдруг Илья посерьёзnel.

— Это, конечно, хорошо, но у резкого увеличения концентрации энергии могут быть серьёзные последствия. Ты не замечал за собой никаких странностей?

— О какого рода странностях идёт речь? — уточнил Игорь.

— Переизбыток стихии может вызывать некоторые отклонения, — принялся пояснять Мерцалов. — Обычно они проявляют себя в моменты психологической нестабильности. Например, молния порой делает своих обладателей немного... Дёрганными, — он задумался. — Да, пожалуй, дёрганые — самое подходящее слово. Появляется суетливость, резкие движения, паранойя. Вода, или, скажем, лёд, наоборот — замедляет и ослабляет реакции своих элементарей, делая их заторможенными и равнодушными. Ветер...

— Что делает огонь? — прервал рассуждения Мерцалова Игорь. Он уже догадывался об ответе, но ему было необходимо услышать это.

— Вспыльчивость. Приступы ярости, — принялся перечислять Илья. — Но в твоём случае может повезти: в конце концов, твоя стихия — смесь огня и каменной породы, то есть элемента земли. Он проявляет себя гораздо спокойнее. Человек просто становится чудовищно упрямым и ему жизненно необходимо доводить всё до конца, невзирая на любые внешние преграды. У тебя было что-то из этого?

Игорь вспомнил, как животная ярость переполнила его тело, когда Прометей заговорил о его матери. Вспомнил, как после этого ненависть требовала хоть какого-то выхода, и он принялся искать встречи с Карло, чтобы выйти на Скрипача. Как разозлился, узнав, что последний ушёл на дно, и как обрадовался, узнав о слежке.

С каким удовольствием избивал, а затем и убивал членов банды Карпа. А затем вспомнил, как этого оказалось недостаточно, и ему захотелось уничтожить ещё и базу преступников, которые, в общем-то, ничего ему не сделали и никакой опасности не представляли.

— Оба. Оба варианта, — вслух заключил Лазарев.

Илья задумчиво цокнул языком:

— В Домах и Семьях с детства готовят к этому. Учат контролировать себя. Тебе придётся разобраться с этим самому. Вероятно, могут помочь какие-нибудь медитации, глубокое дыхание... В общем, постарайся держать себя в руках.

— Не могу обещать, — хмыкнул Игорь. И тут же добавил, чтобы перевести разговор на менее неудобную тему: — А неплохо ты тут устроился!

Кабинет и в самом деле выглядел впечатляюще. Нет, предыдущее место работы Мерцалова тоже было вполне недурно, однако нынешний кабинет был выше всяких похвал. Если, конечно, его всё ещё можно было называть кабинетом.

Для того, чтобы Илье было удобнее работать, несколько стен были снесены, и комнаты объединились в одну. Размером она получилась с небольшую конюшню, с той лишь разницей, что ни в одной, даже в самой дорогой конюшне, никогда не будет такого современного ремонта. Ну и вместо лошадей здесь располагались различные аппараты, о назначении которых Игорь догадывался лишь смутно. А порой — не догадывался вовсе.

Например, чёрный шкаф, закрепленный в прямоугольной металлической стойке таким образом, что мог вращаться в любую сторону. Игорь не знал, зачем он нужен, но подсознательно был рад, что Мерцалов не запихнул его туда. С Ильи бы случилось.

— Да, — довольно хохотнул Мерцалов, обрадованный вопросом Игоря. — Так, конечно, нельзя говорить, но если бы я знал, какое рабочее место предоставит мне СЗГ, я бы сам сжёг свой старый кабинет!

Илья провёл по монитору ладонью с такой нежностью, будто это была его любимая девушка, а не кусок металла. Лазарев приподнял бровь. Заметив это, Мерцалов смущённо убрал руки за спину.

— Очень хорошая техника. Лучшая из существующих. Самые последние модели в мире. Такую практически невозможно приобрести самостоятельно. Причём не только из-за баснословной цены: частникам такую аппаратуру просто не продадут. Нужны очень серьёзные связи, и у СЗГ они есть.

Игорь хмыкнул, но комментировать это никак не стал. Очевидно, что возможности конторы практически безграничны. В конце концов, СЗГ была силой, с которой приходилось считаться даже Домам и Семьям.

— Посмотри сюда, — Илья подошёл к длинному столу, заставленному сложной системой из многочисленных трубок, реторт и двух центрифуг, кабели подключённых к небольшому встроенному компьютеру. — Знаешь, что это?

— Понятия не имею, — честно ответил Лазарев.

— У меня тоже не было ни малейшего представления об этом устройстве, пока мне его не установили мне в кабинет. Если говорить простым языком, это химический анализатор стихии. Очень полезная вещь, но область применения у неё крайне узкая. Подходит только для элементарей с ядовитыми стихиями, а таких, как ты понимаешь, не слишком много, и они не слишком-то стремятся афишировать свои силы. Мне, по крайней мере, такие не встречались, — грустно сообщил Мерцалов.

— А если бы у тебя был... Материал для анализа? Что тогда?

Илья встрепенулся:

— У тебя кто-то есть на примете? Ну, во-первых, я смог бы подробно изучить состав применяемого яда. Во-вторых, с высокой долей вероятности подобрал бы подходящий антидот. Ядовитые элементы смертельно опасны, и подобные исследования были бы крайне полезны для той же СЗГ. Враг, от которого ты защищён, уже не так страшен.

Лазарев задумался. В словах Мерцалова определённо был смысл: такой прибор вполне позволил бы обычным солдатам обезопасить себя от той же ядовитой эссенции, нагоняющей ужас даже на элементарей. Однако из знакомых Игоря только Катя и Юля обладали

ядовитыми стихиями. Катя, возможно, согласится — ей и самой хотелось бы подробнее изучить свои силы. А вот Юля...

— Я подумаю, что можно сделать, — пообещал Игорь. — Слушай, хотел у тебя спросить: ты ничего не слышал о такой вещи, как фальсиформика?

— Фальси... Что? Это на латинском? — нахмурился Мерцалов. — А что это? Ты подхватил какую-то болезнь, о которой я не знаю.

— Нет, просто... А, забудь, — Игорь махнул рукой. — Ничего особенного.

Илья пожал плечами. Даже если ему было интересно, вредной привычки лезть в чужие дела он не имел.

— Ладно, спасибо тебе, — Игорь взялся за ручку двери. — Ещё увидимся.

— Бывай, — кивнул Мерцалов, усаживаясь за свой компьютер. Этот фанатик своего дела не привык терять ни минуты.

На улице стояла жаркая погода, свойственная последним дням августа. Еле ощутимый ветерок чуть заметно шевелил листья на высаженных вдоль дороги деревьев и приятно обдувал лицо. Игорь улыбнулся. В последние месяцы спокойные прогулки выпадали ему крайне редко.

И сегодняшний день не стал исключением.

Лазарев неторопливо шёл по улице мимо десятков припаркованных у бордюра машин, когда дверь одной из них открылась, выпуская наружу водителя. Игорь не сразу узнал его: волосы, прежде уложенные в аккуратную причёску, рыжим ураганом растрепались по осунувшейся голове. Но больше всего внимания привлекала вовсе не внешняя неопрятность.

Левая щека была изуродована чудовищным шрамом от ожога, по форме напоминающего ладонь: несколько полос пересекали висок и ухо, сползали со скулы на шею, а один след, — судя по всему, от большого пальца, — деформировал ноздрю таким образом, что казалось, будто высокий мужчина постоянно кривит нос в презрительной гримасе.

Когда два человека смотрят друг другу в глаза, каждому из них приходится выбирать конкретную точку, в которую он устремит свой взгляд. Кто-то смотрит в правый глаз. Кто-то — в левый. Особо продвинутые смотрят в точку между бровей — говорят, такой взгляд особенно давит на собеседника. Игорь не знал, в какой из двух его глаз смотрел элементаль, но сам он подобного выбора был лишён. Левую глазницу мужчины укрывала чёрная повязка наподобие пиратской.

На раздумья ушло не более секунды. Вот Игорь спокойно шёл вперёд — а спустя мгновения он в два прыжка преодолел разделяющее их расстояние, коротко замахнувшись правой рукой. Кулак, мгновенно покрывшийся перчаткой из камня с проглядывающей сквозь него лавой, почти столкнулся с изувеченным лицом, когда высокий мужчина отскочил назад.

— Стой, стой! — выкрикнул Скрипач, поднимая ладони в успокаивающем жесте. — Я пришёл сюда не для того, чтобы драться.

Лазарев замер, внимательно наблюдая за человеком, которого хотел убить. Элементалем, который возглавлял банду, схватившую его. Врагом, который совсем недавно чуть не выдал его Прометею. Игорь ожидал от него нападения, любой подлости — однако тот и не подумал атаковать. Опустив вниз руки, он вдруг попросил:

— Мы можем поговорить? Я не займу много времени, — видя, что Игорь не торопится отвечать, Скрипач тяжело вздохнул и добавил: — Пожалуйста. Это важно.

Лазарев мог назвать тысячу причин для того, чтобы отказаться. Но вместо этого он

опустил руку и пожал плечами, испытующе глядя на рыжеволосого элементаря:

— Ну давай поговорим.

— Куда мы едем?

— Куда угодно, лишь бы подальше отсюда, — ответил Скрипач. Одной рукой он удерживал руль, а вторую не убирал с рычага переключения передач, нервно оглядываясь по сторонам. — Находиться в непосредственной близости от СЗГ для меня опасно.

— А для меня опасно отдаляться от неё, — спокойно парировал Игорь.

Впрочем, на самом деле это не слишком его беспокоило. В то, что Скрипач самолично заявился к нему, чтобы завезти его в какую-то ловушку, Лазарев не верил. А даже если и так — Игорь не боялся. Он давно перестал быть тем слабым элементом, которого несколько месяцев смогли захватить несколько главарей банд. Если они попробуют снова — он найдёт, чем ответить.

Скрипач покосился на него единственным глазом:

— Значит, мы уедем недалеко. Остановимся там, где ты скажешь. Только не на виду у всех.

Игорь кивнул, соглашаясь. Что ни говори, а опасений действия Скрипача у него не вызывали.

По тому, как водитель управляет машиной, можно многое о нём сказать. Филипп вёл быстро, но плавно, ловко лавируя между остальными автомобилями в потоке, чувствуя себя будто рыба в воде. Глазунов предпочитал спокойную, размеренную езду, подходя к ней так же обстоятельно, как и к любому делу, которым он занимался. Скрипач же... Игорь не знал, как он водил прежде, но сейчас его езда представляла собой занятное зрелище.

Скрипач нервничал. Передачи переключались дёрганно и с запозданием, заставляя двигатель работать почти на максимальных оборотах. Из-за резких и неожиданных перестроений им несколько раз сигналили другие водители, возмущённые тем, что их подрезали, но рыжеволосый мужчина этого практически не замечал. Только негромко ругался сквозь зубы, высказывая всё, что думает о тех, кто нажимает на клаксон в городе.

— Мне кажется, это место подойдёт, — наконец сказал Игорь, когда неаккуратное вождение Скрипача начало его напрягать.

Машина остановилась у бара с оригинальным названием «Пиво». Не изменяя себе, Скрипач неровно припарковался, так, что задняя часть автомобиля заметно выпирала на проезжую часть. Словно не заметив этого, — а может, ему просто было наплевать, — элементаль вышел из машины, громко захлопнув за собой водительскую дверь. Игорь вышел следом за ним.

За исключением нескольких посетителей, в баре было практически пусто. Время едва перевалило за полдень, и для алкогольных возлияний было слишком рано, однако настоящих тружеников стакана это не было помехой, что они с успехом и подтверждали: сгрудившись вокруг стоящего прямо в центре зала деревянного выщербленного стола, компания из нескольких мужчин, негромко переговариваясь, предавалась любимому делу. Скрипача с Игорем они удостоили лишь мимолётными взглядами и тут же вернулись к своим кружкам.

— Так о чём ты хотел поговорить? — спросил Лазарев. Они заняли место в дальнем углу зала, возле окна, сев таким образом, чтобы держать в поле зрения всё помещение, в особенности — вход в бар. Игорь решил сразу перейти к делу: долго рассусоливать со Скрипачом у него не было ни причин, ни желаний.

Рыжеволосый элементаль ответил не сразу. Прежде, чем сесть за стол, он взял себе поллитровую кружку пива, и теперь с наслаждением к ней присосался. Игорь поморщился: сам он на дух не переносил алкогольные напитки, но к людям, употребляющим их, Лазарев относился равнодушно. Ровно до тех пор, пока они не садились за руль — а Скрипач, так уж вышло, был на машине. Впрочем, строить из себя голос совести Игорь не стал, спокойно дожидаясь, пока элементаль заговорит.

— Мне нужна твоя помощь, — вытерев пивную пену со рта, сказал Скрипач. Игорь удивлённо вскинул брови:

— Неужели? И с чего ты решил, что я стану тебе помогать? Если ты забыл, мы с тобой расстались совсем не в дружеских отношениях.

— Не забыл, — Скрипач поморщился. — Твой побег дорого мне обошёлся.

Он машинально потёр левую сторону лица. Прежние благородные черты сошли на нет: ожоги, изувечившие щеку, страшно его изуродовали, а вместе с повязкой на глазу придавали Скрипачу поистине бандитский вид.

«Ну, что же. Теперь он гораздо больше соответствует своему амплуа», — безжалостно заключил Игорь. Никакого сочувствия к главарю преступной группировки он не испытывал.

— А с чего решил... Да хотя бы с того, что это выгодно и тебе. В конце концов, теперь у нас общий враг.

— Давай уже к делу, — поторопил его Лазарев.

— Хорошо, — Скрипач вновь припал к кружке, промочив горло, прежде чем продолжить. — Я хочу отомстить. Нет, даже не так: я хочу убить Прометея.

Игорь холодно расхохотался. Смеялся он долго и от души, так, что компания выпивох за столом у входа начала кидать на него недовольные взгляды. Наконец успокоившись, Лазарев обратился к Скрипачу:

— Ну, что я могу сказать... Желание, конечно, похвальное. Ты молодец. Если это всё, то я, пожалуй, пойду.

— Да подожди ты! — увидев, как Игорь начал подниматься со стула, раздражённо бросил Скрипач. — У меня есть приятель в Доме Прометея. Они к чему-то готовятся — не знаю, к чему именно, но назревает что-то масштабное, — и Прометей будет уязвим. Я уверен. Если подготовиться, то у нас, возможно, будет шанс его достать.

— У нас? — Игорь насмешливо вскинул бровь. Впрочем, уходить он передумал, вновь устроившись не неудобной деревянной табуретке.

— Да, у нас. У меня, тебя и тех, кто пойдёт с нами. Я не дурак и прекрасно понимаю, что в одиночку с Прометеем не справиться. Нужны люди. Много людей. И тогда...

— И тогда он уничтожит их всех, — безжалостно обрубил Лазарев.

— Возможно, — не стал отрицать Скрипач. — А может быть, нам удастся его прикончить. Особенно если найдётся кто-то, кто в удобный момент ударит его в спину. И я думаю, у меня на примете есть подходящий человек.

— Кто он?

— Не все в Доме Прометея довольны правлением Главы, — уклончиво ответил Скрипач. — Большинство из огненных элементалей не слишком одобряют деятельность Прометея. Просто боятся выступить против него. Но если мы сможем подготовиться, возможно, кое-кто согласится нам помочь.

Игорь тяжело вздохнул:

— Хорошо, предположим, что я заинтересовался. Что ты предлагаешь?

Скрипач буквально расцвёл. Изуродованное лицо пересекла кривая ухмылка, некрасиво натянув обожжённую кожу. Единственный глаз торжествующе заблестел.

— Нужно собрать банду. Подтянуть в неё сильнейших из дикарей, готовых выступить на нашей стороне. На данном этапе это, пожалуй, самое главное. Если мы не сможем собрать вокруг себя достаточно сильных бойцов, всё остальное не будет иметь никакого смысла.

— Разве у тебя не было банды?

Скрипач вдруг поморщился. Похоже, Игорь задал ему неудобный вопрос. Впрочем, Лазареву было наплевать на тонкую душевную организацию элементаря: если они собираются действовать вместе, Игорь должен был знать всё.

— Была, да сплыла. Твой побег пошатнул моё положение, люди начали во мне сомневаться. Последний визит Прометея окончательно распугал моих последователей, а моё... Поражение, — невесело хмыкнул Скрипач, — Если так можно выразиться, поставило во всём этом жирную точку. Банды Скрипача больше не существует.

Игорь задумчиво потёр подбородок. Он чувствовал, что его втягивают в опасную авантюру: не имея никаких ресурсов, никакой поддержки, да что там — даже полноценного плана! — с нуля подготовить нападение на одного из сильнейших элементарей современности. Дело пахло форменным безумием.

Но Лазарев неожиданно понял, что ему нравится этот запах.

— И с чего ты предлагаешь начать?

— Как ни странно, с начала, — увидев, что Игорь заинтересовался, Скрипач приободрился и даже начал шутить. — Самый простой способ сколотить банду — это собрать дикарей из тех группировок, что уже существуют. По крайней мере, именно там наибольшая концентрация элементарей, если, конечно, не считать Дома и Семьи.

— Думаешь, главари этих банд не будут против? — хмыкнул Лазарев.

— Наверняка будут. Но некоторых из них, надеюсь, удастся привлечь на свою сторону. Например, Быка — он был бы для нас необычайно ценным приобретением. Другие, возможно, не слишком обрадуются, но окажутся достаточно благоразумными, чтобы не мешать. Но есть и третья категория.

Скрипач побарабанил пальцами по столешнице. Видавшее виды дерево было покрыто следами многолетней беспощадной эксплуатации: выбоины, царапины, невыводимые пятна. Канавки трещин.

— Третья категория постарается помешать нам. Раздавить наши труды в зародыше, — в голосе Скрипача появились опасные хриловатые нотки. Будто натягивался направленный в сердце арбалет. — И нам нужно убить их прежде, чем они смогут это сделать.

— Думаешь, такие будут? — усомнился Игорь.

— Уверен. Как минимум один человек, — Скрипач скривился. Игорь заметил, что лицо собеседника покрывала неровная щетина, сохранившаяся только на участках неповреждённой кожи, и понял, что отрастить нормальную бороду ему уже никогда не удастся. — Мы должны убить Карло.

Игорь хмыкнул. То, что Скрипач заговорил о Карло, его не удивило. Когда один человек хочет убить другого, будет странно, если второй не ответит взаимностью.

— Не хочешь с ним сначала поговорить?

— Бесполезно, — отрезал Скрипач. Затем терпеливо вздохнул и пояснил: — Ты недооцениваешь глубину наших разногласий. Если я, скажем, решу заняться производством ракет, он постарается уничтожить все подходящие аэродромы. Соберусь сажать цветы —

выкупит всё семена и удобрения. Захочу заняться благотворительностью и построить детский дом — и он сделает всё, чтобы мне это не удалось, даже если дети останутся на улице. Ему плевать на последствия. Главное — помешать мне.

— Интересно, откуда в нём такая ненависть, — задумчиво протянул Игорь, впрочем, не слишком-то рассчитывая на ответ.

— Ты видел его руки? — вдруг спросил Скрипач. — Ну или, точнее, то, что от них осталось. Это моя работа. Мы никогда не были друзьями, — да и не могли ими быть, учитывая, что наши группировки базировались в непосредственной близости друг от друга, а значит, области интересов постоянно пересекались, — но в одну из сходов главарей банд взаимная неприязнь достигла апогея. Я уже не помню, с чего началась перепалка, да это и не так важно. Значение имеет лишь итог. А в итоге — он лишён двух конечностей, а я — тяжело ранен и едва могу уйти на своих двоих.

Скрипач машинально потёр правый бок, словно там возникли фантомные боли. Затем прочистил горло, щедро отхлебнул из стремительно пустеющей кружки и продолжил:

— На самом деле, если бы не мои люди, вполне возможно, я бы оттуда не выбрался. А если и выбрался бы — то просто истёк бы кровью. Даже добивать бы не пришлось. Мне повезло: одна... Из моих людей обладала весьма полезными навыками, которые для меня были вовсе незаменимы. Ты, кстати, должен её помнить — именно она обследовала тебя после того, как я заключил тебя в камеру. Ну конечно, ты помнишь, — невесело ухмыльнулся Скрипач. — Ведь она сбежала от меня вместе с тобой.

— Да, — перед глазами Игоря мелькнуло растерянное лицо Сони, когда они с Филиппом и Григорием Геннадьевичем скрылись в глубинах коридора, ведущего прочь с базы Скрипача. — Я её помню.

— Кстати, не знаешь, где она? Нам бы не помешала её помощь, — аккуратно поинтересовался рыжеволосый элементаль.

— Понятия не имею, — спокойно встретив цепкий взгляд Скрипача, ответил Игорь. Он даже не соврал, ведь и в самом деле не знал, где скрываются Кратовы, — однако если бы ему и было известно хоть что-то, делиться этим с новым союзником он бы не стал. Хотя, разумеется, сообщать об этом Скрипачу он не собирался.

Тот задумчиво покивал, принимая ответ Лазарева.

«Не поверил», — заключил Игорь. — «А, впрочем, плевать».

— Жаль, очень жаль, — с напускной грустью проговорил Скрипач. — Такие люди, как Соня и её учитель, чрезвычайно ценны. Знаешь, я ведь даже не держу на них зла за то, что они сбежали. Напротив — меня переполняет благодарность, ведь я обязан им своей жизнью. Сообщи им об этом, если вдруг подвернётся такая возможность.

— Непременно, — на этот раз Игорь всё-таки соврал.

— Спасибо. Так, о чём это я... Ах, да. Меня вытащили и выходили, Карло — сделали протезы, которые только пошли ему на пользу, но это ничего не меняет. Наша вражда не исчезнет, пока кто-то не умрёт. И знаешь, мне бы хотелось, чтобы это был не я, — мрачно пошутил Скрипач.

— Вот уж не думал, что замена рук деревянными протезами может пойти кому-то на пользу.

— Я тоже так не думал, — Скрипач серьёзно кивнул, — Но этот ублюдок из тех, кто умеет удивлять. Ты не обратил внимание, что протезы не доставляют ему неудобств? Он так же пользуется столовыми приборами, может взять что-то, если ему нужно, самостоятельно

открыть дверь — в общем, сделать любую вещь, которая по идее должна быть недоступна безрукому.

Игорь посмотрел в окно, вспоминая его встречи с Карло. Он и в самом деле без проблем пользовался вилкой и даже самостоятельно подвинул себе стул. Тогда Лазарев не придал этому особого значения.

— Его стихия — трутовик. Гриб, паразитирующий на дереве. Благодаря протезам он смог усилить свои способности, ведь его стихия на деревянных руках проявляет себя особенно хорошо. Единственная проблема — его протезы со временем трескаются и разрушаются, поэтому их приходится регулярно менять.

— Я тебя услышал. Обсудим подробности позже. А сейчас уходи, — коротко сказал Игорь.

Скрипач нахмурился и хотел было возразить, но осёкся: он проследил за направлением взгляда Игоря, продолжавшего смотреть в окно. Там, рядом с криво припаркованным седаном остановился чёрный микроавтобус, и ни у одного из сидящих за столом людей не было ни малейших сомнений в том, какой организации он принадлежит.

Выругавшись, рыжеволосый элементарь вскочил на ноги и осмотрелся. Компания выпивающих мужиков продолжала методично поглощать дешёвое пиво. Больше в зале никого не появлялось, но это было ненадолго.

— А ты?

— А я пока останусь здесь, — Игорь пожал плечами. — Если ты успеешь уйти, им сложно будет что-то мне предъявить. Иди уже!

— Завтра в полночь я буду ждать тебя у «Марчеллио», — предупредил Скрипач. — Это такой ресторан...

— Я знаю, — прервал его Игорь.

Скрипач посмотрел ему в глаза, резко кивнул и скрылся за дверью, предположительно ведущей на кухню. Игорь не стал провожать его взглядом, сосредоточив всё своё внимание на игре света в гранях полупустой стеклянной пивной кружки, сиротливо стоящей на столе.

Входная дверь распахнулась резко. Не настолько, как если бы её выбили ударом ноги, и всё же достаточно стремительно, чтобы заставить посетителей бара вздрогнуть. Всех, кроме Игоря: он ожидал чего-то подобного и теперь медленно, даже лениво поднял глаза на прибывших.

Ни с кем из них он не был знаком лично. Так, пересекались на работе, здоровались, следуя общепринятым на работе правилам вежливости, но не более. И тем не менее этого оказалось достаточно, чтобы взгляды сотрудников СЗГ, игнорируя компанию отдыхающих мужчин, сосредоточились на Игоре.

Хотя нет. Одно лицо всё же было ему знакомо.

— Здравствуйте, Алексей Анатольевич! — радушно поприветствовал Игорь начальника отдела разведки СЗГ.

— Да... — низкорослый мужчина запнулся, видимо, забыв имя собеседника, — Добрый день.

Он рассеянно окинул взглядом помещение, осматривая явно дешёвую отделку стен и не слишком качественную мебель. А Лазарев воспользовался моментом, чтобы поподробнее изучить своего коллегу.

Судя по тому, как морщилось круглощёкое лицо, бар пришёлся Алексею Анатольевичу не по вкусу. Игорь хмыкнул про себя: он, конечно, не был экспертом в области скрытности,

однако всё же считал, что надевать пиджак с закреплённой на лацкане металлической эмблемой СЗГ было не слишком разумно для разведчика. Однако у начальника отдела, видимо, на этот счёт было иное мнение.

— Что вы здесь делаете? — вдруг спросил Алексей Анатольевич.

Игорь удивлённо приподнял брови и выразительно посмотрел на полупустую кружку пива.

— Я? Отдыхаю. А вы здесь какими судьбами?

Алексей Анатольевич напустил на себя серьёзный вид, надул щёки, а затем с деланным равнодушием произнёс:

— А у нас времени на отдых нет. Мы работаем, — голос начальника разведчиков был достаточно громким, чтобы его заявление услышали всё люди в помещении. А может, и за его пределами. — Тут был кто-то ещё?

— Вы имеете в виду, кроме меня и тех мужчин? — Игорь движением подбородка указал на компанию выпивох, сделавших по такому случаю паузу. — Ну, я больше никого не видел.

— Ну что же, — Алексей Анатольевич кивнул, принимая ответ Игоря, и повернулся к компании работяг за столом: — А вы, молодые люди, может, подскажете? Был здесь кто-то ещё?

Было не слишком понятно, к кому он обращается. Во-первых, молодыми этих людей можно было назвать лишь с очень большой натяжкой — большинство из них выглядело так, будто давно разменяли пятый десяток; во-вторых, двое из мужчин явно были не в состоянии разговаривать: один уже уснул прямо на столе, а второй пребывал в блаженном состоянии между сном и явью, периодически дёргаясь на стуле, но большую часть времени сидя с закрытыми глазами и низко опущенной головой.

Впрочем, услышав вопрос, он как-то разом встрепенулся, резко вскинул подбородок и прищурился, фокусируя взгляд пьяных глаз на Алексее Анатольевиче. Задумчиво почесывая небритую щёку, он медленно и скрипуче, будто вместо связок у него в шее шевелились ржавые шестерёнки, произнёс:

— Так... А куда делся второй?

Алексей Анатольевич вскинул брови и вопросительно посмотрел на Игоря:

— Какой второй?

Лазарев глубоко вдохнул, стараясь выиграть время, но ни одной дельной мысли, как назло, не приходило. Молчание затягивалось. Алексей Анатольевич чуть кивнул своим людям, и те словно невзначай разошлись в стороны, окружая Игоря.

Когда ситуация накалилась до предела, положение неожиданно спас собутыльник мужчины.

— Василич, ну какой тебе второй? — принялся втолковывать он своему соседу. — Опять у тебя в глазах двоится. Ты совсем не знаешь меры. К тебе так скоро белочка нагрянет, точно тебе говорю!

Пьяный мужчина сморщил лицо, будто что-то вспоминая. Неизвестно, к чему бы это привело, будь у него чуть больше времени, но его энергия неожиданно иссякла, и он, сдавшись под напором переполнившего его алкоголя, вновь обессиленно рухнул лицом на стол. Молодой сосед легонько похлопал его по плечу, а затем, убедившись, что приятель надёжно уснул, вновь приложился к кружке с пивом, полностью теряя интерес к происходящему.

Алексей Анатольевич недовольно фыркнул и обратился к сотрудникам:

— Похоже, тут мы ничего интересного уже не узнаем. Идёмте.

Напоследок бросив на Лазарева подозрительный взгляд, он следом за остальными вышел из бара. Игорь облегчённо выдохнул.

«Это было близко».

Бросив на стол несколько купюр, с лихвой перекрывающих стоимость недопитого пива, Игорь повернулся к молодому парню — единственному из компании, кто оставался в адекватном состоянии. Тот смотрел на Лазарева: в голубых глазах под кустистыми бровями плескался водоворот из эмоций.

Игорь готов был поклясться, что увидел там узнавание. Радость от того, что смог помочь. Надежду.

И стыд.

Лазарев подошёл к их столу.

— Привет, Макс. Спасибо, что прикрыл.

Работа бывает разной.

Кто-то делает по-настоящему важные дела: например, спасает людские жизни, приезжая на вызов и оказывая медицинскую помощь нуждающимся в ней людям. Кто-то создаёт и обслуживает технику, обеспечивая людей теми удобствами, без которых современный человек не представляет своего существования. Кому-то, к сожалению, приходится годами перебирать никому не нужные бумажки, выслушивая от начальника целые лекции на тему того, как важны документы, на самом деле являющиеся пустой тратой целлюлозы. С разной степенью нужности и полезности, большинство людей совершает какие-то действия, из которых и состоит их работа.

В нынешней работе Игоря никаких действий не было.

Он глубоко вздохнул — наверное, уже в тысячный раз за сегодняшнюю смену. А ведь она началась каких-то тридцать минут назад.

После открытия Института Элементалей в нём каждый день дежурили сотрудники СЗГ, сменяясь каждый день. И если Игорь ожидал, что в этом можно будет найти что-то интересное, то спустя несколько дней он окончательно разочаровался. Всё, что он здесь делал, — это...

Ничего.

Приходил. Садился за стол у входа в Институт, выполняя роль школьного вахтёра. На этом всё.

Нет, разумеется, были и положительные моменты. Первый из них — это то, что Игорь каждый день видел молодых элементалей из Домов и Семей. И надо сказать, зрелище было весьма интересным.

На всех — стильная и дорогая одежда. Ни один из них не напоминал тех студентов, что вполне могли прийти в обычный гражданский институт в старом растянутом свитере или затёртых джинсах со сбитыми туфлями, а то и вовсе кроссовками. Элементали знали, что представляют здесь свои семьи, а потому никто не позволял себе даже минимальную неопрятность.

И всё же они были молоды, а потому многие хотели выделиться на фоне остальных. Не были редкостью разноцветные волосы, в том числе у парней. Каждый раз, когда мимо него проходил очередной крашенный модник, Игорь внутренне морщился: для него подобное поведение никак не вязалось с образом нормального мужчины.

Серьги в ушах. Драгоценные перстни на пальцах. Пирсинг в бровях. Если бы дресс-код зависел от Лазарева, он непременно запретил бы всё это. Однако его мнения никто не спрашивал, поэтому он просто приходил на смену и делал свою работу. То есть — не делал ничего.

Вторым положительным моментом, связанным с дежурствами, было окончание занятий. Когда пары в Институте заканчивались и элементали разъезжались по домам — разумеется, никакого общественного транспорта: кто-то на своей машине, а за кем-то и вовсе приезжали водители, — Игорь мог попасть в то место, которое привлекало его больше всего. А именно — в библиотеку.

Он понятия не имел, откуда завезли столько книг. Но в первый раз, когда он вошёл в библиотеку, Игорь просто обомлел.

Огромное помещение было заставлено сотнями стеллажей, прогибающихся под тяжестью расставленных книг. Куда там СЗГ — Игорь сомневался, что даже в личных библиотеках Домов и Семей есть столько литературы. Чтобы прочитать всё книги, наверное, потребовался бы не один десяток лет. Но читать всё Игорю нужно и не было.

Дежурили посменно, по несколько часов, и когда у Лазарева появлялось свободное время, он шёл в библиотеку и искал любую информацию о рунистах. И её, надо сказать, было предостаточно.

Он нашёл немало книг, описывающих их процесс обучения. Руны, отсутствующие в свободном доступе. Истории, больше похожие на легенды.

И — ни слова о фальсиформике.

Игорь не отчаивался: в конце концов, прошло не так много времени, и рассчитывать на то, что ему сходу попадётся нужная информация, было по меньшей степени глупо. Поэтому он исправно пропадал в библиотеке при любой удобной возможности. Обычно там было не так много читателей — большинство элементалей предпочитали заниматься дома, поэтому зачастую Игорь и вовсе был в библиотеке совсем один.

Сегодняшний день стал исключением.

Многочисленные стеллажи превращали библиотеку в своеобразное подобие лабиринта; высокие, плотно заставленные книгами, они изрядно ограничивали обзорность. Но не слышимость.

Когда Игорь неспешно прохаживался по библиотеке, изучая надписи на корешках толстенных томов, до его ушей донесся обрывок фразы:

— ... не понимаешь? Делай то, что тебе говорят!

В принципе, Игорь мог пройти мимо. Что сложного — сделать вид, что не заметил, и продолжить заниматься своими делами? В любом институте неизменно возникают конфликты между студентами: всегда находятся те, кто так или иначе нарушает заведённый порядок, — однако до тех пор, пока это не заходит слишком далеко, руководство учреждения будет закрывать на это глаза.

Игорь закрывать глаза не хотел.

В небольшом коридоре между стеллажами стояли трое. Одного из студентов, — парня с зелёными волосами, прижимающего к груди сумку и злобно зыркающего на двух других, Игорь видел впервые. Зато остальные были ему знакомы.

— Эй! — Лазарев окрикнул их, привлекая внимание, — Какие-то проблемы?

Медленно, словно нехотя, они обернулись. Глаза длинноволосого рыжего парня округлились, когда он увидел Лазарева. Его крупный приятель с короткой стрижкой наклонил голову и нахмурился, словно стараясь вспомнить, встречались ли они раньше.

Лазареву, в отличие от него, напрягаться не пришлось. Он прекрасно помнил обоих: именно они поджидали его на выходе из кальянной, когда он, спасаясь от элементалей из Дома Прометей, выпрыгнул в окно.

— Какая встреча! Накал разрешил вам погулять? — насмешливо поинтересовался Игорь.

Рыжеволосый недовольно фыркнул:

— А, Лазарев. Иди, куда шёл.

— Хорошо, — покладисто согласился Игорь, направившись прямо к ним. Места, чтобы пройти, было более чем достаточно, однако он не смог отказать себе в удовольствии и сильно толкнул рыжего плечом, заставив того сделать неловкий шаг в сторону.

— Кажется, ты обронил, — не глядя на элементалей из Дома Прометея, спокойно произнёс Игорь, обращаясь к незнакомому студенту.

Это было правдой: на деревянном полу были разбросаны тетради, судя по всему, с конспектами. Не дожидаясь ответа, Игорь присел на корточки и принялся собирать их.

— Это не всё, — бросил ему в спину рыжеволосый.

Игорь поднялся. Один из конспектов лежал достаточно далеко от него, и крупный парень с короткой стрижкой наступил на него ногой, выжидающе глядя на Лазарева. Не меняя выражения лица, Игорь протянул собранные тетради студенту с сумкой:

— Подержи.

Тот опасливо, словно не зная, что делать, принял конспекты. После этого Игорь развернулся и подошёл к короткостриженному элементалю. Тот даже не шевельнулся, всё так же насмешливо наблюдая за Игорем. Лазарев вздохнул.

Вообще-то, им строго-настрого запрещалось нарушать порядок. Никаких конфликтов со студентами. Никакого создания проблем. Никаких столкновений. Глазунов сказал так: «Не лезьте ни к кому из элементалей, не спорьте и не ругайтесь с ними. Считайте, что у вас связаны руки».

Игорь ухмыльнулся, вспоминая речь начальника.

«Ну, о ногах там не было ни слова, верно?»

Больше не тратя время на бессмысленные гляделки, Игорь от души пнул элементалья ногой в живот. Тот явно не ожидал такого поворота: не успев заслониться руками, он отлетел назад, прямо на своего рыжеволосого приятеля, заставив последнего в очередной раз пошатнуться. Игорь тем временем наклонился и поднял чуть помятую тетрадь.

— Держи. Кажется, это тоже твоё, — он протянул её студенту. Глаза того расширились:

— Сзади!

Прежде, чем предупреждение сорвалось с его губ, Игорь развернулся. Рыжеволосый элементаль был уже совсем близко: его рука, покрытая тускло-оранжевым пламенем, оказалась в считанных дюймах от лица Лазарева.

«Как медленно».

Игорь видел несущийся навстречу кулак, будто в замедленной съёмке. Широкий замах выдавал рыжеволосого с головой. Лазарев легко мог уклониться. Так же легко было заблокировать удар.

Покрыв кисть каменной коркой, Игорь перехватил руку элементалья прямо в воздухе.

Глаза рыжеволосого парня расширились. Похоже, он и представить себе не мог, чтобы его, элементалья из Дома Прометея, атаку смог остановить какой-то дикарь. Иначе объяснить его замешательство Игорь не мог.

Лазарев дёрнул противника за руку, вынуждая податься вперёд, а затем с силой ударил его коленом в грудь. Элементаль закашлялся и обмяк, его лицо сморщилось от боли. Не давая ему опомниться, Игорь подсёк ему ноги, и рыжеволосый с грохотом рухнул на пол.

— Кажется, использование стихии за пределами занятий запрещено, — вежливо напомнил Лазарев.

Рыжеволосый с бешенством посмотрел на Игоря. Несомненно — если бы взглядом можно было обжигать, Лазарев тут же пеплом осыпался бы на землю, — однако ненависть в глазах элементалья на Игоря нисколько не подействовала.

— Кажется, вам пора.

— Я запомню это, — пообещал рыжий, поднимаясь на ноги. Его приятель стоял позади

и переводил взгляд с товарища на Игоря, явно не зная, что делать, — похоже, соображал он не слишком быстро.

— Да запоминай сколько душе угодно, — Игорь равнодушно пожал плечами. — Меня это мало волнует.

Рыжий элементаль зло скривил рот, словно хотел что-то сказать, но в последний момент передумал. Развернувшись к тугодуму так резко, что волосы взметнулись в воздух, он бросил ему:

— Пошли.

Его приятель последовал за ним не сразу, будто ему потребовалось время, чтобы переварить команду. И лишь когда рыжий элементаль почти скрылся за поворотом, он повернулся следом и принялся его нагонять, почти перейдя на бег.

— Что им было от тебя нужно? — спросил Игорь.

Студент остался стоять на месте, взглядом провожая элементалей из Дома Прометея. Наконец он еле заметно выдохнул и принялся запихивать конспекты обратно в сумку:

— Да так... Ничего особенного. Хотели, чтобы я делал за них домашние задания.

Игорь кивнул. Он ни на грамм не поверил в слова студента, однако настаивать на ответе не стал: если он не хочет делиться своими проблемами — его право. Чуть помешкав, парень произнёс:

— Спасибо.

— Это моя работа, — пожал плечами Лазарев, а затем протянул парню руку. — Меня зовут Игорь, я тут что-то вроде охранника.

Парень ответил на рукопожатие. Его кисть была тонкой и сухой, почти женской: такие руки подходили художнику или учёному, но никак не бойцу. — Я — Хвой.

Игорь удивлённо вскинул брови.

— Необычное имя.

— В Доме Деметры это частое явление, — поделился Хвой. — После того, как у ребёнка появляется его элемент, почти все меняют своё имя, подбирая его под свою стихию.

Словно желая подтвердить свои слова, Хвой поднял руку на уровень головы. Кисть тут же покрылась зелёными иголками, став похожей на еловую ветвь. Игорь уважительно покивал головой:

— Выглядит неплохо. Думаю, ты смог бы дать им отпор и без меня.

— Это вряд ли, — Хвой поморщился, будто эта тема была для него не слишком приятна. — Эти двое — одни из лучших бойцов на нашем потоке. Я им не ровня.

Игорь вздохнул. Он мог бы сказать Хвою, что именно такие рассуждения и делают его слабее других. Мог бы объяснить, что главные качества для бойца — это смелость и готовность противостоять до конца даже заведомо более подготовленным противникам. Донести до него, что сильный дух гораздо важнее сильного тела. Однако он не стал этого делать.

— Они выбрали путь тренировок, — словно желая как-то оправдать себя, добавил Хвой. — Я же предпочитаю книги.

— Ну, это личное дело каждого, — миролюбиво заключил Игорь. — Может, когда-то и ты меня прикроешь. Всё-таки за тобой должок.

Хвой хмыкнул, но возражать не стал. На его молодом лице было написано сомнение в том, что он где-то сможет помочь Игорю, на его глазах остановившему двух элементалей. Вдруг Лазареву в голову пришла неожиданная идея:

— Слушай, а раз ты так любишь книги, может, подскажешь мне кое-что? Мне нужна информация по рунистам.

Он вкратце посвятил Хвоя в суть своих изысканий. Тот внимательно выслушал его, потёр подбородок, на котором сиротливо торчали несколько одиноких мягких волосков, и наконец выдал:

— Кажется, я видел что-то подходящее. Идём.

Несколько минут они петляли между стеллажами библиотеки. Хвой сосредоточенно водил глазами по полкам, разыскивая одному ему известные названия книг, пока наконец не собрал в своих руках несколько внушительных томов.

— Вот, держи. Это самые подробные описания, которые я видел в этой библиотеке. Если здесь не найдётся нужной тебе информации... В общем, в этой библиотеке ты больше ничего не найдёшь.

Игорь с готовностью принял протянутые книги. Их было всего четыре, но такого размера, что он чуть не выронил их из рук: похоже, сегодня ему придётся задержаться в библиотеке.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил он Хвоя. — Ну, рад был знакомству.

Ему показалось, что Хвой хотел сказать что-то ещё, но тот, немного помолчав, пожелал Лазареву удачи, быстро пожал на прощание руку и ушёл, оставив Игоря наедине с книгами. Водрузив пыльные тома на стол, Игорь открыл первый из них.

«Никто доподлинно не знает о том, как именно появился первый из рунистов. Несмотря на то, что в корне их способностей лежит энергия стихии, применение рун в корне отличается от привычных сил элементалей...»

Игорь обречённо вздохнул. Судя по всему, он застрял здесь надолго.

Когда он наконец вышел из Института, на улице уже темнело.

Первые два тома оказались бесполезны: в них приводилась лишь история становления рунистов с описаниями различных узоров — вещь, несомненно, интересная, однако не несущая для Игоря никакой практической пользы. Он как мог быстро пролистал их, по диагонали просмотрев содержание, однако даже это заняло у него несколько часов. Глаза чесались так, словно в них засыпали целый грузовик песка, однако Лазарев продолжил бы чтение, если бы на сегодня у него не было запланировано две встречи.

На первую из них он опоздал. Катя с укором посмотрела на него, но ничего не сказала. Да и что тут скажешь? Он ведь заранее позвонил и предупредил, что не успеет подойти вовремя. Поэтому девушка смирилась и терпеливо дожидалась его в кафе, поедая неизвестно какой по счёту десерт.

Свидания с Катей оставляли у Игоря двойственное впечатление. С одной стороны, они приносили ему некоторое удовлетворение: щебетание девушки странным образом расслабляло его, и Лазарев с удовольствием поддерживал разговор, наслаждаясь переполняющим его в такие моменты спокойствием. С другой стороны — дальше невинных встреч за кофе или ужином дело не заходило, и Игорь не был уверен, что ему нужно продолжение.

Общение с Катей как с человеком ему нравилось. Но в качестве своей девушки, несмотря на её внешнюю привлекательность, он её почему-то не видел. Поэтому сознательно не форсировал события, решив: пусть всё идёт так, как идёт.

Сегодня они встретились совсем ненадолго. Кате это было не по душе, однако она

ничем не проявила своего недовольства, когда Игорь, допив свой кофе, предложил ей проводить её до дома.

— Может, зайдёшь? — спросила она у него, когда они дошли до её подъезда. — У меня есть неплохой чай, и...

— Извини, — прервал её Игорь. — Не могу. Давай как-нибудь в другой раз.

— Да... Хорошо, — грустно согласилась Катя. — Тогда... Пока?

— Пока.

Дождавшись, когда девушка скроется в подъезде, Игорь сверился с часами. На вторую встречу он успевал.

Сев в такси, он назвал заранее оговорённый адрес и уставился в окно. С Катей нужно было что-то решать, однако думать об этом сейчас ему совершенно не хотелось. На этот вечер были более важные дела.

— Ну наконец-то! — недовольно поприветствовал его Скрипач. Игорь выразительно посмотрел на часы: он прибыл на несколько минут раньше, чем они договаривались.

Не придав жесту Лазарева никакого значения, Скрипач уточнил:

— Ты готов?

— Вполне.

— Тогда не будем медлить. Он там.

Игорь проследил за взглядом Скрипача. Многочисленные машины не могли загородить обзор на двухэтажное здание в конце улицы. Вывески не было, как и нужды в ней: Лазарев прекрасно знал, что за ресторан там находился.

Обычно люди предпочитают посещать различные заведения по выходным. Будни забиваются другими заботами: работа в режиме «пять — два», спорт для одних и вечерняя «полторашка» пива для других, семейные хлопоты — множество причин для того, чтобы перенести поход в ресторан, скажем, на субботу. Рассуждая таким образом, Игорь открыл дверь «Марчеллио».

К его большому огорчению, гости этого места его мыслей не разделяли.

Зал был забит почти полностью. Многочисленные посетители заняли едва ли не все столы, негромко переговариваясь под ненавязчивую мелодию из тех, что создают в ресторанах приятный фон, нисколько не мешая гостям общаться между собой. Легкая музыка и негромкие, но разносящиеся со всех сторон разговоры — вот тот саундтрек, что свойственен всем подобным заведениям.

Заранее договорившись со Скрипачом, что они зайдут по отдельности, Игорь отошёл в сторону, выискивая глазами свободное местечко. Такое нашлось у стойки, разделяющей основное помещение и кухню, где повара на глазах у посетителей готовили заказанные блюда. Заняв один из стульев, Лазарев взял меню, сделав вид, будто изучает его содержимое. Заказывать что-либо он не собирался — знал, что не успеет.

— Извините, вы бронировали? — раздался знакомый голос официанта.

Игорь обернулся. Его официант каким-то образом не заметил, — а может, просто решил не связываться с клиентом, из-за которого уже были проблемы с начальством, — зато сразу же остановил вошедшего в ресторан Скрипача.

Ну, то есть попытался остановить.

Проигнорировав обращённый к нему вопрос, Скрипач обвёл взглядом помещение. Учитывая повязку на глазу и ожоги, резко выделяющиеся на фоне клочковатой рыжей щетины, выглядело это весьма угрожающе. Впрочем, поиски не имели смысла: Игорь уже успел осмотреть зал и убедиться в том, что Карло здесь нет.

— Где хозяин ресторана? — рыкнул Скрипач.

Официант — Игорь вспомнил, что его звали Дмитрий, — ответил не сразу, завертев головой в поисках поддержки. Она нашлась мгновенно: двое охранников, появившись буквально из ниоткуда, быстрым шагом направились к Скрипачу. Игорь уважительно хмыкнул: уверенная походка вкупе с мощными фигурами выдавала в мужчинах нехилую подготовку. Похоже, Карло подбирал себе работников с особым тщанием.

На фоне приближающихся охранников высокий, но крайне худой Скрипач казался потрепанной жизнью доходягой, неведомо каким образом оказавшимся в дорогом ресторане.

«Первое впечатление бывает обманчивым», — подумал Игорь. Он мысленно посочувствовал мужчинам, намеревающимся выпроводить Скрипача. Сам Лазарев и не подумал подняться на помощь; положив меню обратно на столешницу, он сел поудобнее, предвкушая интересное зрелище.

— Вам нужно уй... — начал было первый из охранников, поднимая руку, чтобы взять Скрипача за плечо из ресторана. Договорить ему уже не удалось.

Протягивание руки было ошибкой: недовольно сверкнув единственным глазом, Скрипач с немыслимой скоростью вскинул кисть, перехватывая запястье мужчины в воздухе, чуть

дёрнул на себя и в ту же секунду второй рукой без замаха ударил охранника в выпрямленный локоть.

Раздавшийся неприятный хруст разнёсся по всему залу ресторана, заглушая ненавязчивую музыку и привлекая внимание тех, кто до сих пор старался не замечать разгорающегося конфликта. Гости суетливо задёргались, кидая опасливые взгляды в сторону входа.

Охранник взвыл. Словно не желая тратить на него время, Скрипач брезгливо оттолкнул его от себя, и мужчина упал на землю, вскрикнув, когда его сломанная рука резко дёрнулась.

Надо отдать второму охраннику должное: он, ни секунды не мешкая, бросился в ноги Скрипачу, намереваясь свалить его наземь. Затея удалась ему лишь наполовину.

Игорь ожидал, что Скрипач шагнёт назад. Или отпрыгнет. Или навалится на противника сверху. Или встретит ударом колена в лицо. В общем, сделает хоть что-то. Однако Скрипач предпочёл остаться на месте. Более того, он даже не дёрнулся, позволив охраннику схватить его за ноги.

Для того, чтобы выполнить бросок, хорошему борцу нужны буквально доли секунды. Однако охранник, судя по всему, хорошим борцом не был.

Сомкнув руки за бёдрами Скрипача, мужчина попытался оторвать его от пола. С учётом очевидной разницы в весе, это не должно было вызвать у охранника никаких проблем, однако прошло несколько секунд, в течение которых он изо всех сил напрягал спину, а Скрипач со скучающим видом наблюдал за его потугами. Впрочем, это довольно быстро наскучило одноглазому элементалю: пренебрежительно фыркнув, он с силой опустил локоть на затылок охранника.

Широкие ладони, сцепленные в замок, разжались. Мужчина, отключившись, упал на пол, не издав при этом ни звука. Под его головой быстро расползлась кровавая лужа.

— Карло! — больше не обращая внимания на охранников, заорал Скрипач. — Я знаю, ты здесь! Выходи!

— Ну и какого чёрта ты здесь устроил?

Харитонов действительно был в ресторане. Наблюдая за дракой Скрипача с охраной, он пропустил момент, когда Карло появился в зале. Причём сделал он это не в одиночку: рядом с ним стояли ещё два человека.

Скрипач предупредил о них: элементали с необычными стихиями, бумага и стекло, были достаточно сильны, чтобы возглавить свои собственные банды. Однако они продолжали безропотно следовать за Харитоновым, за что их иногда называли «руками Карло».

Что же, в некотором роде они ими и были.

Оба были достаточно молоды — может, чуть старше тридцати, — однако время и гены оказались беспощадны лишь к одному. Ранняя лысина внушительных размеров резко выделялась рядом с густыми волосами на висках, придавая не старому в общем-то парню сходство с потрёпанной совой. Второго выделяла разве что короткая борода, русой полосой окантовывающая подбородок.

— Это они начали, — Скрипач с невинным видом пожал плечами. Ни поскуливающий охранник, баюкающий сломанную руку, ни его бессознательный коллега рыжего элементаля нисколько не волновали. — Я просто просил позвать тебя. Хотел поговорить.

— Поговорить, значит, — задумчиво покивал головой Карло. Посетители «Марчеллио», словно почувствовав, что скоро здесь будет жарко, спешно покидали ресторан. Никто не

пытался их удерживать. напротив, даже повара, перекинувшись несколькими негромкими фразами, вышли из кухни, скрывшись за дальней дверью. — И о чём же?

— Мне нужны союзники, — прямо заявил Скрипач. С учётом того, что он только что сотворил с охраной, особого доверия его слова не вызывали, даже наоборот — звучали, словно какая-то насмешка.

Но Скрипач не шутил.

— Знаю, между нами были разногласия, — добавил он, встретив скептический взгляд Карло, — Но я предлагаю оставить их в прошлом. Предлагаю объединиться.

— Да-а? И зачем же? — с наигранным интересом уточнил Харитонов.

— Чтобы убить Прометея.

Карло вскинул брови. Несколько секунд он молчал, словно ожидая, как Скрипач скажет, что это какой-то глупый розыгрыш, однако рыжий элементаль и не подумал отказываться от своих слов. Тогда Харитонов расхохотался:

— Убить Прометея? Серьёзно? — спросил он, отсмеявшись. — А что ещё хочешь сделать? Как насчёт построить ракету и улететь на ней колонизировать Марс? Мне кажется, это гораздо проще!

— Послушай, — поморщившись, начал было Скрипач, однако Карло тут же бесцеремонно прервал его:

— А знаешь, что ещё проще? — он презрительно скривил губы под аккуратной седой бородкой. — Закончить начатое и убить тебя прямо сейчас.

Впервые за вечер он обернулся к Игорю:

— Надеюсь, ты не собираешься мне мешать?

Лазарев поднялся со стула и взялся за него двумя руками, словно собираясь задвинуть его на место:

— Мой враг — Прометей, — миролюбиво произнёс Игорь, всё ещё надеясь, что удастся решить конфликт мирным путём. Карло в ответ серьёзно кивнул:

— Значит, ты свой выбор сделал. Убейте его.

Первый из сопровождающих его элементалей тут же бросился к Игорю, преодолев разделявшее их расстояние за считанные секунды. Впрочем, этого времени вполне хватило, чтобы парень на бегу задействовал свою стихию, покрывшись полупрозрачным слоем стекла. Игорь удивлённо отметил, что элемент парня распространился даже на волосы, превратив бороду и короткую стрижку в острые стеклянные шипы.

Лазарев отскочил в сторону, уворачиваясь от направленных в лицо полупрозрачных пальцев, и чуть не столкнулся со вторым элементом. Тот появился буквально из ниоткуда и точно врезался бы в Игоря, если бы последний не упал на пол. Однако Лазарев рухнуть вниз, и элементаль пролетел прямо над ним.

«Стоп. Пролетел?!»

Игорь уже встречал людей, чья сила стихии покрывала их -полноценным доспехом. Видел тех, кто был способен придать элементу форму оружия, как, например, Глазунов или Скрипач. Однако его нынешний противник выбивался за рамки привычных способностей.

Руки элементаля попросту исчезли. Их место заняли бумажные крылья наподобие тех, что бывают у игрушек оригами вроде лебедей. Отличия были лишь в размерах, ну и, пожалуй, в том, что бумажный лебедь вряд ли сможет нанести человеку порез.

На полу в месте приземления элементаля остались заметные борозды—казалось, будто кто-то полоснул по дереву ножом. Игорь мысленно поставил себе пометку, что под удары

бумажного элемента лучше не попадаться.

Когда стало очевидно, что взять Лазарева нахрапом не получилось, элементали Карло переглянулись и принялись обходить Игоря с двух сторон. Воспользовавшись небольшой передышкой, Игорь осмотрелся.

Бумажный элементаль не спешил приближаться, двигаясь по широкой дуге. Оказалось, что у него были не только крылья, но и натуральные когти на ногах. Голову венчал треугольный шлем. Игорь ума не мог приложить, от чего мог защитить доспех из бумаги, однако выглядел он внушительно.

Шлем укрывал верхнюю часть головы, оставляя открытыми лишь подбородок и узкую прорезь для глаз. Грудь была закрыта бумажной кирасой, плавно переходящей в узкие полоски, опускающиеся до колен. Рассмотреть его подробнее Игорь не успел: второй элементаль подобрался к нему практически вплотную.

У этого бойца доспех выглядел совсем иначе: он словно был слеплен из сотен осколков битого стекла, шипами топорщащихся по всему телу. Торчащие на месте волос и бороды короткие иглы придавали парню сходство с дикобразом.

Прежде, чем он напал на Лазарева, Игорь успел бросить быстрый взгляд в сторону Скрипача. Тот сцепился с Карло, и было совершенно непонятно, кто одерживал в этом противостоянии верх. Очевидно стало одно: на помощь в ближайшее время рассчитывать не стоило.

«Ну и ладно, — отстранённо подумал Игорь, обернувшись к стеклянному дикобразу, — Не очень-то и хотелось».

Элементаль кинулся к Игорю, вытянув руки вперёд. Похоже, он собирался схватить его и удержать на месте, позволив своему подельнику завершить начатое.

Это было ошибкой.

Буквально в последнее мгновение, когда руки дикобраза почти коснулись Лазарева, Игорь покрылся каменным доспехом. Это удавалось ему с каждым разом всё легче: он настолько привык использовать свой элемент, что почти не почувствовал привычной боли. А может, дело было в нахлынувшем на него адреналине.

Игорь позволил схватить себя за плечи и развернуть навстречу приближающемуся бумажному элементалю. Расчёт оправдался: пока стеклянный боец стремился обездвигить Лазарева, его соратник собирался на полном ходу полоснуть Игоря острым, как бритва, крылом.

Хорошая тактика. Она наверняка сработала бы со многими элементами, не готовыми к совместной работе двух опытных бойцов, привыкших работать в тандеме. Однако им не повезло с противником, ведь стихия Игоря была природным врагом для бумаги.

В тот момент, когда крыло элементаля коснулось окаменевшей груди Игоря, разрезая футболку, Лазарев позволил коже чуть расступиться, выпуская наружу лаву.

Результат оказался даже лучше, чем он рассчитывал: бумажный элементаль страшно закричал и пролетел справа от Игоря, тяжело упав наземь и прокатившись по полу лицом вперёд.

Его догорающее крыло упало слева.

Не давая противникам опомниться, Игорь резко откинул голову, затылком врезаюсь в лицо удерживающего его элементаля. Для обычного человека это было бы слишком опасно — он просто разодрал бы голову о торчащие в голове врага иглы, — однако Игорь не был обычным человеком. Окаменелый затылок столкнулся с лицом элементаля, а в следующее

мгновение на землю посыпались стеклянные осколки шипов.

Позади глухо охнули. Удерживающая Игоря хватка ослабла, и он, воспользовавшись замешательством противника, вскинул руки вверх, освобождаясь из захвата. Развернувшись, Лазарев пальцами обхватил голову врага и изо всей силы ударил лбом в нос. Стеклянный доспех не выдержал столкновения с каменным и начал крошиться. Игорь ударил ещё раз. И ещё.

Лицо противника превратилось в кровавое месиво. Он обмяк, и, если бы не удерживающие его голову руки Игоря, наверняка упал бы на пол, однако Лазарев не позволил ему этого сделать. Он бил головой снова и снова, выбивая зубы, ломая лицевые кости. Игорь не знал, сколько раз он ударил своего врага; остановился он лишь тогда, когда тот окончательно перестал подавать признаки жизни. Хриплое дыхание полностью затихло, и Лазарев разжал пальцы.

Тело стеклянного элементаля безвольно упало на землю. Игорь повернулся к его бумажному подельнику и разглядел последствия своей атаки.

Одна рука мужчины отсутствовала; кровь запеклась на пустом плече, избавленном как от конечности, так и от покрывавшего шею доспеха. Шлем тоже обгорел, открыв лицо, с ужасом вззирающее на приближающегося Лазарева.

— Стой, не на...

Игорь не дал ему договорить. Высоко подпрыгнув, он обеими ногами приземлился на грудь бумажного элементаля, одновременно активировав силу своей стихии. Полыхнувшая лава оборвала нечеловеческий крик мужчины, сжигая противника заживо.

Стараясь не замечать запах палёной плоти, Игорь отошёл в сторону и брезгливо вытер ботинки об пол. Убийство двух человек не доставляло ему удовольствия, но и резкого отторжения не вызывало: это было как неприятная работа, которую в любом случае придётся выполнить. Он трезво оценивал ситуацию и понимал, что колебания в таких вопросах опасны. В случае малейшего промедления на месте мёртвых тел врагов могло оказаться его собственное.

Да, как бы дико это не звучало, убийство врагов с некоторых пор действительно стало для Игоря работой. А любую работу следует выполнять до конца.

Игорь обогнул барную стойку, отделяющую его от ожесточённо бьющихся Скрипача и Карло, мимоходом зацепил початую бутылку оливкового масла и вышел в более широкую часть зала ресторана, прилегающую ко входу.

От многочисленных столов и стульев дорогого дерева остались лишь воспоминания. Мебели как таковой больше не существовало: битва элементалей не оставила хрупким предметам ни шанса.

Скрипач с Карло продолжали сражаться. Лазарев внимательно смотрел за их схваткой и не мог не восхититься навыками обоих элементалей: хоть двое противников Игоря и были достаточно сильны, они и в подмётки не годились тем, кто дрался чуть в стороне от них.

С самого начала Скрипач атаковал в полную силу. В его руках материализовались излюбленные смычки, и он размахивал ими с завидным мастерством, однако никакого успеха это не приносило: Карло ловко избегал попаданий, отводя удары неизвестно откуда взявшимся уродливым посохом. Узловатый, напоминающий ветвь высохшего дерева, покрытого паразитирующими на нём грибами, он тем не менее прекрасно справлялся со своей задачей и надёжно защищал своего обладателя от атак металлического элементаля.

Кстати, о последнем: рядом со Скрипачом по полу были разбросаны небольшие

никелиевые пластины размером с игральные карты. Игорь помнил о том, что близость родственной стихии увеличивает силу элементаля, но, судя по всему, для получения преимущества над Карло требовалось что-то посерьёзнее.

Лазарев ожидал, что Скрипач без особых проблем справится со своим противником: в конце концов, в предыдущем их столкновении он умудрился отрубить врагу обе руки, — однако сейчас Карло успешно оборонялся. И даже умудрялся его!

Усыпанный грибами посох мелькал в воздухе, нанося удары под самыми неожиданными углами. Скрипач в последний момент блокировал их своими смычками, однако шаг за шагом отступал назад, отдаляясь от лежащих на полу пластин. И защищаться ему, похоже, становилось всё сложнее.

Причина стала понятна, когда Скрипач задел ногой одну из досок, оставшуюся от разломанного стола. Она перевернулась, открыв взору Игоря тонкие борозды, проделанные в древесине.

Борозды, сплошь засеянные небольшими грибами.

Среди элементалей не был большим секретом тот факт, что наличие родственной стихии рядом усиливает соответствующие способности. Так, например, силы каменного элементаля в горах многократно возрастают. Что до Карло...

Лазарев окинул взглядом помещение "Марчеллио". Деревянный пол, облицовка стен, куча мебели... Если Харитонов подготовил их так же, как замеченную Игорем доску, то в этом ресторане он был сильнее, чем где бы то ни было.

Осенённый внезапной мыслью, Игорь бегом бросился на кухню. Несколько бутылок оливкового и подсолнечного масла обнаружили прямо на столе у плиты для жарки; Лазарев не разбираясь сунул их за пазуху и торопливо выскочил в зал.

Скрипачу приходилось совсем тяжело: Харитонов умудрился лишить его оружия, и особо удачный удар посоха врезался рыжему элементалю в рёбра. Охнув, тот попытался разорвать дистанцию, но сделать этого ему не удалось: Скрипач упёрся спиной в стену.

Карло не спешил развивать успех. Казалось, он нарочно тянет время, наслаждаясь моментом своего триумфа: корявый посох словно по собственной воле вращался меж деревянных протезов, заменяющих Харитонову руки, выписывая сложные узоры в воздухе. Аккуратная борода дёрнулась, когда лицо Карло пересекла кривая ухмылка. И тут же шевельнулась снова, когда ухмылка начала гаснуть. Харитонов с шумом втянул носом запах гари и резко обернулся.

«Марчеллио» полыхал. Огонь быстро распространялся по стенам и полу, покрывая остатки мебели, пожирая всё на своём пути. Прежде незаметные грибы выглянули из-за настенных панелей и тут же скукожились, не выдержав высокой температуры.

В широко раскрытых голубых глазах Карло отразился пожар, уничтожающий его ресторан, и Игорь, одну за одной раскрывающий бутылки с маслом и щедрыми взмахами разбрызгивающий их содержимое по залу. Для того, чтобы поддерживать пламя, ему даже не требовалось использовать свою стихию.

В следующую секунду огонь, отражающийся в глазах Харитонова, потускнел. Из рта хлынула кровь, окрасив аккуратную седую бороду в красный цвет. Карло опустил голову вниз. Из его груди, разорвав дорогой бордовый свитер, показалась отливающая металлом рука Скрипача. Бросив последний взгляд на Игоря, Харитонов медленно завалился на пол.

— Быстрее, уходим отсюда! — хрипло бросил рыжий элементаль.

Игорь был с ним согласен.

Когда к догорающему зданию «Марчеллио» подъехали машины пожарных и СЗГ, элементарно были уже далеко.

— Ну что, нашёл?

Игорь поднял голову от книги. Он настолько глубоко погрузился в собственные мысли, что не заметил, как к нему подошёл Хвой. Зелёноволосый парень стоял напротив стола и неловко переминался с ноги на ногу.

— А... Привет. К сожалению, нет, — устало ответил Лазарев.

С того момента, когда они со Скрипачом напали на ресторан Карло, прошло несколько дней. Игорь знал, что прибывшие к «Марчеллио» сотрудники СЗГ ничего не нашли: пожар разыгравшийся не на шутку, уничтожил все следы, поэтому разведка быстро свернула расследование, списав всё на разборки между бандами. Впрочем, они были не так уж и далеки от истины.

— Ну, я так и думал. Вот. Посмотри здесь.

Хвой достал из сумки потрепанную книгу в обложке, которая когда-то давно, наверное, была зелёной; судя по виду, ей был не один десяток лет, поэтому сложно было сказать наверняка.

— Книга из личной библиотеки нашего Дома, — счёл нужным пояснить Хвой. — Я взял её без разрешения, поэтому постарайся никому её не показывать.

— Да, хорошо. Спасибо, — Игорь осторожно принял книгу в свои руки, боясь, что она от любого неловкого прикосновения она развалится на части. Не теряя времени, он открыл первую страницу.

«Дневник Сапфира».

— Кто такой Сапфир? — спросил Лазарев.

— Элементаль из Дома Деметры, посвятивший свою жизнь изучению рун. Говорят, он был одним из сильнейших Идракилей в истории.

— Был?

— Он умер полтора века назад, — Хвой пожал плечами. — Его личный дневник с исследованиями — всё, что от него осталось. Я успел бегло просмотреть эту книгу: он описывает фальсиформику как лекарство от своей болезни.

— Что за болезнь?

— Он называет её «бичом таланта». На протяжении истории она неоднократно проявлялась у наиболее одарённых рунистов. Сапфир писал, что это плата за чудовищный талант, которого не должно быть на земле. Якобы эта болезнь существует, чтобы поддерживать баланс сил в природе и не позволить рунистам стать непобедимыми.

— А он, похоже, не страдал от излишней скромности, — хмыкнул Игорь.

— Мог себе позволить, — Хвой невесело улыбнулся. — В конце концов, он стал Идракилем в шестнадцать лет. Правда, и умер он всего в двадцать пять, так и не успев воспользоваться собственными исследованиями.

Игорь перелистнул страницу.

«Голова болит всё сильнее. Скорее всего, мне осталось недолго. Если не найду лекарство, я обречён. Я решил, что запишу все свои самые важные знания здесь, в дневнике, на случай, если мне не удастся спастись. Возможно, мои исследования помогут кому-то в будущем».

— Когда прочтёшь её, не забудь вернуть, — попросил Хвой. — Иначе у меня будут

проблемы.

— Само собой, — не отрываясь от книги, Игорь кивнул. Хвой, решив больше не отвлекать его, ушёл, и Лазарев с головой погрузился в дневник Сапфира.

«Руны всегда давались мне легче, чем остальным. Я словно не учил их, а вспоминал, как если бы когда-то в прошлой жизни уже использовал каждый из известных рунистам узоров. А может, и многие другие. Возможно, именно благодаря этому я открыл десятки новых рун, продвинувших моё искусство на совершенно иной уровень. Но ничто в мире не дается просто так.»

Сначала я не придавал значения периодически появляющимся головным болям. Ну, перетрудился, перегрузил мозг, что такого? Тем более, что подобные синдромы порой проявляются и у других усердных учеников, а уж в усердии мне никогда не было равных.»

Игорь укоризненно покачал головой. Сапфир явно был эгоцентричной личностью: его дневник был буквально насквозь пропитан подавляющей самоуверенностью. Причём сам рунист, похоже, считал это абсолютной нормой; находясь на вершине своего искусства, он привык считать себя лучшим.

«Когда я приблизился к тому, чтобы стать Идракилем, боли резко возросли. Сначала они просто участились, беспокоя меня по малейшему поводу, а затем и вовсе стали моим постоянным спутником, оставляя меня лишь когда я спал. Я надеялся, что они исчезнут, когда я достигну ступени Идракиля, однако всё было тщетно. Поняв, что со мной происходит что-то по-настоящему серьёзное, я принялся за поиски лекарства.»

Страницы пролистывались одна за одной. Несмотря на то, что Сапфир позиционировал себя как учёного, язык, которым он вёл повествование, был далёк от научного. Игорь поймал себя на мысли, что это была первая книга о рунистах, которая не вызывала головной боли от нагромождения непонятных терминов. Словно Сапфир специально сделал её понятной любому, кто удосужится её прочесть. И всё же Игорь читал её быстро, урывками, пропуская многие моменты, которые казались ему не столь важными, как, например, описания рун и размышления о них. Его интересовал только «бич рунистов».

«...я прихожу к выводу, что перенапряжённый мозг элементарей при совпадении некоторых условий вырабатывает некий токсин, который затем его отравляет и вызывает внутренние повреждения. Возможно, он провоцирует какие-то опухоли, — не могу сказать точно. К сожалению, я не встретил ни одного человека со схожими симптомами, чтобы изучить болезнь как следует. Оперировать же самого себя, честно говоря, нет ни малейшего желания.»

Что примечательно, ни у обычных людей, ни у элементарей, развивающихся стандартным, скажем так, путём, отличным от рунистов, такой болезни не встречалось. Возможно, это одно из условий развития «бича рунистов» — пренебрежение своей врождённой силой в угоду изучения рун. Не исключено, что это способно вызвать какой-то перекос в мозгу... Не могу сказать точно.»

Стоило мне об этом подумать, как меня осенило. Если предположить, что всему виной некий токсин, то его наверняка можно нейтрализовать. Надо только найти подходящий антидот.»

Игорь торопливо перелистнул страницу.

«Я сдал немного мозговой ткани на анализ. Господи милостивый, как же это было страшно! К счастью, всё прошло хорошо и я очнулся. Всё-таки Бальсой можно гордиться: я знал, что из моего ученика получится что-то хорошее.»

У меня появляются провалы в памяти. Я почти надеюсь, что это Бальса зацепил какой-то участок мозговой коры, а не следствие прогрессирующей болезни. Нужно поторопиться с анализом.

Надеюсь, я не зря оглох на одно ухо».

Следующая.

«Ситуация, конечно, как в анекдоте. Две новости — *хорошая и плохая*.

Хорошая — путём предположений, проб и ошибок мы нашли комбинацию химических элементов, способных убить токсин в мозговой ткани. *Плохая* — это вещество в синтезированном виде нельзя ввести живому человеку.

Сначала мозговая ткань избавилась от токсина, но затем созданное нами вещество уничтожило и её тоже. Я понял, что нужен природный аналог, представляющий собой нечто менее убийственное для человека. Изначально органичный яд будет принят внутренним органом лучше, чем искусственный образец. И я его нашёл. Яд пчелы, известной как фальсиформика, содержит вещество, которое, как я полагаю, нейтрализует болезнь.

Дело осталось за малым — *найти представителя семейства пчёл, вымершего тысячи лет назад*.

А лабораторный образец я оставляю. На всякий случай. Если фальсиформику найти не получится, прибегну к нему, как к крайней мере. Но тогда я, скорее всего, умру».

На последней странице было всего несколько абзацев:

«Писать стало сложнее. Руки не слушаются. Чего уж говорить о рунах, которые всю жизнь были предметом моей гордости, — *сейчас я не способен начертить даже простейшую из них*.

Бальса вернулся из экспедиции на север. Не знаю, как ему это удалось, но он нашёл фальсиформику! Даже две. Он отыскал их на севере, где-то в деревушке неизвестного мне народа, проживающего у Балтийского моря. Пчёлы застыли в янтаре. Как жаль, что я не смог составить ему компанию в этом путешествии!

Не сработало. Я съел фальсиформику, но боли не проходят. Кажется, я теряю зрение.

Вторую фальсиформику использовать не стану. Вряд ли она сможет что-то для меня изменить, так что лучше её сохранить: возможно, она пригодится кому-то, для кого ещё не слишком поздно.

Пора сказать Бальсе, чтобы он использовал лабораторный образец».

— Откуда у тебя эта книга?

Игорь поднял голову от книги и протёр глаза. Дневник раскрывал немало интересных моментов из жизни самовлюблённого руниста, от подробностей прогрессирующей болезни до банального происхождения имени Сапфир. На самом деле драгоценный камень не был его элементом; просто в какой-то момент рунист счёл, что листва дерева, ставшего его стихией, имела синий отлив, придающий ему сходство с сапфиром. Чтение настолько увлекло Лазарева, что он не заметил, как сбоку от его стола выросла мужская фигура.

— Что? — переспросил Игорь, закрывая книгу.

— Откуда. У тебя. Эта. Книга, — выделяя каждое слово, повторил молодой парень. Его короткие белокурые волосы показались Игорю знакомыми, но вспомнить, где он их видел, не получалось.

— Не твоё дело.

Лазарев попытался убрать книгу со стола, однако парень резко опустил руку, прижимая обложку, и тут же ударил наотмашь, словно отгоняя надоедливую муху. Игорь едва успел

прикрыть голову плечом, прежде чем его смело со стула.

Он уже забыл, когда в последний раз получал такие увесистые удары. В силу постоянного отсутствия Глазунова на работе за последние месяцы никто в СЗГ не мог дать ему серьёзного отпора, и Лазарев уверовал в свои существенно возросшие силы. Удар белокурого парня вернул его с небес на землю: несколько раз кувыркнувшись по полу, Игорь ударился головой о деревянный стеллаж. Ему показалось, что тяжёлый стеллаж в этот момент чуть покачнулся, однако уверен он в этом не был.

Белокурый элементаль поднял худую костистую руку с зажатой в ней книгой на уровень груди и раскрыл дневник. Кивнув самому себе, он захлопнул её и повернулся к Игорю. В зелёных глазах светилось презрение.

– Эта книга принадлежит Дому Деметры. Где ты её взял?

Игорь поднялся на ноги и покачал головой, разминая шею. Парень выглядел моложе его на несколько лет: в синей зауженной рубашке с подвернутыми рукавами и высокомерно вдёрнутым острым подбородком, он требовательно смотрел на Игоря, ожидая немедленного ответа.

Это раздражало.

Расстояние в несколько шагов Игорь преодолел почти мгновенно. Он и не думал сдерживаться: в том, что противостоящий ему элементаль достаточно силён, чтобы противостоять Лазареву, не было никаких сомнений, – и сходу атаковал в лицо окаменевшим кулаком. Тем сильнее было его удивление, когда его рука встретила пустоту.

Белокурая голова чуть сместилась в сторону, избегая удара. Уклонившись, элементаль тут же контратаковал, заставив Игоря вскинуть руки. По левой руке, не защищённой каменным покровом, тут же волной прокатилось онемение.

Игорь отскочил назад, выигрывая время, и тут же активировал доспех на всём теле. Едва он успел сделать это, как элементаль бросил книгу на стол, подскочил к Лазареву и градом атак заставил его уйти в глухую защиту.

Будь он просто тренированным бойцом, это не стало бы проблемой, – в конце концов, своей спортивной подготовке Игорь уделил большую часть жизни. Будь соперник просто быстр, для Лазарева все было бы ещё проще. Однако белокурый парень был хорошо тренирован и чертовски быстр.

Несмотря на молодость, он умудрялся оказывать на Игоря серьёзное давление. Лазарев шаг за шагом отступал, предпочитая уклоняться от ударов, нежели блокировать их: соприкосновение с конечностями элементаля вызывало неприятный зуд, словно он бил током.

Спустя полминуты драки Игорь заметил в движениях парня странную систему. Каждый удар был отточен до автоматизма, однако в те моменты, когда элементаль атаковал ногами, он наклонялся к полу и касался его рукой. Лазарев не обратил бы на это внимания, если бы это случилось лишь единожды, однако противник повторял это каждый раз, когда пытался достать Игоря ударом ноги. Учитывая серьёзную подготовку элементаля, это не могло быть случайностью.

Осенённый внезапной догадкой, Игорь тут же решил проверить свою мысль. Когда противник махнул рукой, целясь ему в голову, Лазарев передней ногой подцепил щиколотку парня, оторвав его стопу от пола, и принял удар на блок.

Никакого зуда не появилось.

Не ожидавший такого элементаль растерялся и замер буквально на мгновение, не успев

одёрнуть руку. Игорь тут же схватил его за запястье, второй кистью зацепил противника за шею, развернулся и подбил его ноги, с силой бросая парня на землю.

Элементаль хрипло выдохнул. Надо отдать ему должное: быстро сориентировавшись, он тут же откатился в сторону, пытаясь встать на ноги. Игорь от души пнул его по рёбрам, ускоряя вращение.

Теперь уже противник врезался в стеллаж с книгами, заставив его вздрогнуть. Игорь не приближался, внимательно наблюдая за элементом. Белокурые волосы окрасились кровью. Парень поддрагивающей рукой со второй попытки зацепился за полку, уронил с неё несколько книг, опёрся на неё и медленно поднялся на ноги, не отводя яростного взгляда от Лазарева. Нападать снова, он, впрочем, не спешил.

– Значит, по-хорошему отвечать не хочешь, – хрипло протянул он. Игорь вскинул бровь: никакого «по-хорошему» он пока не заметил. Слова элементаля стали понятны уже в следующую секунду.

Парень выдохнул, и его тело словно начало светиться изнутри. Кожа будто стала полупрозрачной: Игорю показалось, что он увидел кости элементаля. Между его пальцев то и дело с треском проскальзывали искры. Он поднял руки на уровень груди. Лазарев насторожился. Он не знал, что задумал его противник, но был уверен, что это вряд ли что-то хорошее.

– Стойте! Вы что творите?! Вы же разрушите библиотеку!

Не сговариваясь, Игорь и его противник разом обернулись. В это время в библиотеке было мало посетителей, но один человек постоянно засиживался здесь допоздна, поэтому неудивительно, что шум привлёк его внимание.

Хвой стоял в проходе, переводя опасливый взгляд с одного элементаля на другого. Медленно приблизившись, он обратился к белокурому парню:

– Эдуард? Что здесь происходит?

– Этот, – парень мотнул головой в сторону Игоря, – тип украл книгу нашего... То есть, вашего Дома. Я случайно заметил, как он читал дневник Сапфира.

– Ничего он не крал! — отрезал Хвой. — Это я дал ему почитать.

– Что... Ты сделал?

– Я дал ему почитать дневник Сапфира, – твёрдо повторил Хвой.

– Зачем?

– Затем, что ему нужна была информация по «бичу рунистов», а я знал, где её взять.

– Нельзя выносить книги из фамильной библиотеки. Ты знаешь правила.

– Ну, значит, я их нарушил! — взорвался Хвой. — И что, по-твоему, это повод нападать на кого-то в библиотеке?

Эдуард опустил руки. Свечение спало, и теперь он вновь выглядел обычным студентом. О том, что только что произошло, напоминало только раздражение во взгляде, которым он наградил Лазарева:

– Пожалуй, нет. А вот кража книги — отличный повод.

Хвой тяжело вздохнул:

– Игорь... Я же просил.

– Извини, – Лазарев потёр лицо, – Я так погрузился в чтение, что не заметил, как он подошёл.

– Ладно, тут уже ничего не сделаешь, – Хвой помотал головой, словно избавляясь от неприятных мыслей. — Ты нашёл там, что искал?

– Ну, я прочитал дневник полностью, – уклончиво ответил Игорь.

– Тогда я, с твоего позволения, заберу книгу, – он подошёл к столу, взял дневник и нервным движением запихнул его в свою сумку. Затем обречённо повернулся к Эдуарду:

– Ты ведь доложишь об этом, верно?

Белокурый парень смерил Хвоя недовольным взглядом и глубоко вздохнул:

– Нет, Хвой. Я, – он выделил это слово и недружелюбно посмотрел на Игоря, – Никому не скажу о том, что здесь произошло. Но ты должен вернуть книгу.

– Да, разумеется, – облегчённо выдохнул Хвой.

– Не надо на меня так смотреть, – Игорь прямо встретил взгляд Эдуарда. — Я тоже не из болтливых. Спасибо, – это словно далось ему с трудом, и всё же Лазарев заставил себя его произнести, – Что не добавляешь Хвою проблем.

Эдуард фыркнул:

– Всегда пожалуйста. У него их и без меня предостаточно.

Он развернулся на каблуках и пошёл к выходу из библиотеки. Уже почти скрывшись за стеллажом, он вдруг бросил через плечо:

– И, кстати, ещё кое-что: мы с тобой не закончили.

Игорь пожал плечами. Он никогда не был силён в пафосных фразочках, поэтому не видел никакого смысла вступать в словесную пикировку. Если этот Эдуард будет искать драки — Лазарев готов. Всё остальное было пустым сотрясанием воздуха.

– Что это был за пижон? — спросил он у Хвоя.

– Эдуард, – ответил зеленоволосый парень, будто это всё объясняло. Встретив насмешливый взгляд Игоря, он добавил: – Ну, что ты хочешь узнать? Он студент. Ещё — самый молодой Старший Маг Дома Зевса. И один из сильнейших элементалей своего возраста. А возможно, что и сильнейший. Доволен?

– И с чего бы это юному дарованию из Дома Зевса так беспокоиться из-за книги твоего Дома? — Игорь предпочёл сделать вид, будто не заметил раздражения собеседника.

– С того, что его мать родом из Дома Деметры. Он часто гостил у нас, навещая своих дедушку с бабушкой. Это неудивительно, что он прошерстил всю библиотеку: Эдуард известен не только своим талантом, но и прилежанием.

– То есть ты хочешь сказать, что он ботаник.

– Я не... А, думай, как хочешь, – Хвой понял, что Игорь подтрунивает над ним, и махнул рукой. — Важно одно: этот ботаник пообещал, что никому ничего не скажет, а ему можно доверять.

– Будем надеяться, что ты прав, – отрешённо произнёс Игорь. Эдуард отвлёк его от двух важных мыслей, но теперь они вернулись, заставив его замереть на месте.

Фальсиформика не помогла Сапфиру на поздней стадии болезни, и он использовал лабораторный образец, который, судя по обрывающимся записям, тоже его не спас.

И где-то — скорее всего, в Доме Деметры, – осталась вторая, не пригодившаяся ему фальсиформика.

– Кто такой Бальса?

После того, как Эдуард удалился, Хвой собирался отправиться за ним следом, однако вопрос Игоря остановил его буквально на первом шаге. Привычным жестом потерев безволосый подбородок, Хвой ответил:

– Вообще-то, есть такое дерево. У его плодов очень тонкие нити, и... – он осёкся, увидев скривившееся лицо Игоря, – Ладно, я понял. Экскурс в ботанику тебя не интересует. Тебе нужен человек.

– В точку.

– Судя по имени, это кто-то из нашего Дома. Я попробую узнать, если хочешь.

– Был бы весьма признателен.

Хвой кивнул, словно закрепляя этим движением уговор:

– Постараюсь выяснить к завтрашнему дню. Увидимся здесь же.

Причин оставаться в библиотеке у Игоря не оставалось, поэтому он вместе с Хвоем проследовал к выходу. После запаха старых книг свежий воздух был особенно приятен. Игорь сделал глубокий вдох и зажмурился от удовольствия.

– Ну, увидимся, – махнул на прощание Хвой. Его ждали: за массивными металлическими воротами был припаркован статусный автомобиль, стоимость которого Лазарев боялся даже предположить. Со своей нынешней зарплатой позволить себе такой транспорт он мог лишь в том случае, если бы стал откладывать весь доход на протяжении лет десяти.

И, наверное, перестал бы есть.

– Заблудился в библиотеке? — из приоткрывшегося окна высунулась светловолосая женская голова. С такого расстояния трудно было сказать наверняка, однако Игорю голова показалась весьма симпатичной. Он поймал себя на мысли, что ему интересно увидеть обладательницу головы целиком.

– Очень смешно, – Хвой театральным жестом закатил глаза.

– Спасибо, – ничуть не смутила девушку его реакция.

Машина с выгравированным значком дерева неспешно тронулась с места, забирая Хвоя с попутчицей. Игорь проводил чёрный автомобиль взглядом, снова и снова прокручивая в голове содержимое дневника Сапфира.

Проверенного лекарства не существовало. То, что фальсиформика способна помочь избавиться от «бича рунистов», оказалось всего лишь предположением Сапфира, которое, впрочем, не помогло ему самому. Это могло означать лишь одно: лекарство либо могло сработать на ранних стадиях болезни, либо не действовало совсем. Как бы то ни было, в глобальном смысле это ничего не меняло: фальсиформика по-прежнему была единственным шансом помочь Соне.

– О чём задумался?

Появляться в самый неожиданный момент начало входить у Скрипача в привычку. Он стоял у ворот, скрестив руки на груди; кажется, тот факт, что он разыскиваемый преступник, несколько не смущал рыжеволосого элементалю. Не скрывая раздражения, Игорь бросил:

– Кажется, я говорил, что нас не должны видеть вместе.

– Нас и не видят, – спокойно ответил Скрипач. — В это время здесь уже никого нет.

Машина Дома Деметры — последняя из тех, кто присутствовал в Институте. Твоя смена уже закончилась?

Лазарев бросил взгляд на часы. Его рабочий день подошёл к концу час назад.

— Да, я освободился.

— Тогда не будем терять времени.

За то время, что они не виделись, Скрипач успел сменить машину. Неприметный хэтчбек с тонированными стеклами был припаркован неподалёку от Института Элементалей.

— После смерти Карло все банды буквально на ушах стоят, — доверительно сообщил Скрипач, повернув ключ в замке зажигания.

— Не только они. СЗГ тоже пытаются найти какие-нибудь зацепки.

— Пусть пытаются, — Скрипач дёрнул плечом, — Пожар в любом случае уничтожил все следы.

Игорь не стал спорить. В конце концов, он пришёл к тем же выводам.

— Куда мы едем?

— Будем ковать железо, пока горячо. Начнём с «Быков».

— Почему именно они? — Игорь вспомнил огромного гранитного элементаля, напавшего на него возле дома Кратова. Знакомство с гигантом было не слишком приятным.

— Потому что сейчас «Быки» — самая многочисленная банда. Мы должны привлечь их на свою сторону.

«Или избавиться от них», — подумал Игорь. Хоть Скрипач и не произнёс этого вслух, оба прекрасно понимали, что других вариантов у них нет.

Ехали они недолго. Припарковав машину у многоэтажного спортивного комплекса, Скрипач заглушил мотор и серьёзно посмотрел Игорю в глаза:

— Говорить буду я. Я знаю, на что надавить, чтобы он согласился. Просто не встречай.

— Как скажешь, — равнодушно ответил Лазарев. В их тандеме со Скрипачом он выполнял лишь вспомогательную функцию: рыжий элементаль досконально изучил банды изнутри, поэтому претендовать на лидерство было попросту глупо. К тому же, Игорю нисколько этого не хотелось.

Охрана пропустила их в здание без проблем, едва скользнув по посетителям ленивым взглядом. Игорь вскользь отметил мускулистые фигуры, которые не мог скрыть ни один костюм: похоже, местные работники и сами не гнушались тренажёров.

Быстро миновав раздевалку, они оказались на втором этаже. Игорь подумал, что главаря «Быков» может не быть на месте, однако его опасения оказались напрасными: стоило им войти в заполненный железными снарядами зал, как в глаза бросилась грузная фигура, жмущая штангу от груди. Кто бы ни был информатором Скрипача, со своей задачей он справился отлично.

Штанга натужно гнулась под тяжестью многочисленных блинов, увешивающих её с обеих сторон. Игорь попытался прикинуть, сколько она может весить, но быстро отбросил эту затею: по самым скромным прикидкам, там было не меньше двух с половиной сотен килограмм, однако элементаль раз за разом поднимал её так, словно совсем не замечал её тяжести. Лазарев уважительно присвистнул: ему такие подвиги были не по зубам.

Наконец, когда Игорю уже стало казаться, что гигант будет поднимать эту штангу бесконечно, он с громким рыком выжал её в последний раз и водрузил гриф на металлические стойки, и они жалобно скрипнули под весом тяжелого груза. Элементаль

принял сидячее положение и с ожиданием посмотрел на стоящего в паре метров от него Скрипача.

По голове, покрытой короткой щетиной от затылка до шеи, стекали капли пота. Серая майка, несколько не скрывающей титаноподобной фигуры, насквозь промокла. Маленькие глаза под массивными надбровными дугами смотрели внимательно и настороженно.

– Приветствую, Кирилл, – взгляд метнулся в сторону Лазарева, – Игорь. Чем обязан вашему визиту?

– И тебе не хворать, Дим. А что, непохоже, что мы пришли подкачаться? — ухмыльнулся Скрипач, демонстративно похлопав себя по скромному бицепсу.

Дмитрий покачал валунообразной головой:

– Тебя никогда это не интересовало. Скорее, я поверю, что вы собираетесь сжечь мой зал дотла. Слышал, у вас это неплохо получается.

Краем глаза Игорь отметил, что тренировка прекратилась. В зале присутствовало с пару десятков мужчин, и все отложили свои снаряды, поглядывая в сторону гостей и ожидая сигнала от Быка. Тот, впрочем, пока не проявлял никакой враждебности.

– Слухи расходятся довольно быстро, – кивнул Скрипач. — Однако в них есть лишь доля правды: мы действуем решительно только с врагами.

– А с тобой мы, получается, друзья?

– Возможно, в будущем, – Кирилл сел на один из стоящих поблизости тренажёров. — Ну или хотя бы союзники. Видишь ли, мы собираемся кое-что сделать, и для этого нам нужны сторонники среди банд. Я надеюсь, ты присоединишься.

– Зависит от того, о чём идёт речь, – медленно проговорил Дмитрий. Его низкий голос напоминал рокот лавины, сходящей с горных вершин. Игорь поймал себя на мысли, что не хотел бы оказаться погребённым под каменным потоком.

– О, ничего особенного. Просто Дома и Семьи слишком сильны, чтобы отдельные банды могли противостоять им в одиночку. А такое противостояние рано произойдёт.

– Откуда такая уверенность?

– Предчувствие.

– И кто же возглавит объединённую банду? Не ты ли? — Дмитрий вскинул бровь.

– Я, – просто ответил Скрипач.

Гигант молчал. Даже когда он сидел, его голова была вровень с Игорем. Лазарев с ленцой наблюдал за ним, ожидая ответа и примеряясь, как бы удачнее атаковать его в случае отказа: если они не договорятся, разойтись мирно им не получится, и все присутствующие прекрасно это понимали. Наконец Дмитрий заговорил:

– В конце недели планируется сходка банд. После смертей Карпа и Карло нужно решить дальнейшую судьбу подконтрольных им территорий. Это удачный момент, чтобы вынести твоё предложение на общее обсуждение.

– Согласен, но твоё мнение на этот счёт мне нужно знать сейчас, – Скрипач цепко впился глазами в лицо гиганта. Игра в гляделки долго не продлилась: через несколько напряжённых секунд Дмитрий отвёл глаза, коротко посмотрел на Лазарева и пожал огромными плечами:

– Я выскажусь за.

Игорь незаметно выдохнул. Что ни говори, а это был наилучший из возможных исходов — сцепиться с бандой Быка ему совершенно не хотелось. Окружающие их люди тоже заметно расслабились, но не отошли, наблюдая за Скрипачом.

Кирилл хлопнул в ладоши:

– Что же, вот и отлично. Я знал, что могу рассчитывать на... – он, похоже, хотел сказать «твоё благоразумие», но вовремя осёкся, – тебя. Ну, не будем отвлекать тебя от тренировки. До встречи.

Дмитрий в ответ лишь кивнул. Если он и заметил оговорку Скрипача, то заострять на ней внимание не стал. Он снова улёгся на скамью и взялся руками за гриф, давая понять, что разговор окончен.

– И всё-таки взять тебя с собой было замечательной идеей, – криво ухмыльнулся Скрипач, когда они вышли из здания.

– Разве? — Игорь с наслаждением подставил лицо лёгкому осеннему ветру. После спёртого, потного воздуха спортивного зала оказаться на улице было особенно приятно. — Мне кажется, он согласился бы и без меня.

– Возможно, – не стал спорить Кирилл. — А может, и нет. Он хорошо знает мои силы и понимает, что не справится со мной в одиночку, но ведь он был не один. Видел ребят в спортзале? Минимум половина из них — дикари, причём не самые последние. Я о них слышал, и знаешь, не хотел бы противостоять им всем в одиночку.

– Думаешь, он бы на тебя напал?

– Этого мы уже никогда не узнаем.

На следующий день Игорь пошёл на работу.

Это было не обязательно, скорее, даже наоборот: после дежурства давали один выходной — однако он всё равно направился в здание СЗГ и поднялся в спортивный зал. До начала тренировки ещё было время, но Катя уже была на месте, дожидаясь Игоря.

– Доброе утро, – бодро сказала она, не прекращая разминки. Она собрала густые чёрные волосы в тугий хвост, чтобы они не мешались, и уже успела облачиться в пластиковый доспех, используемый для спаррингов.

– Привет. Готова?

– Конечно!

После разговора с Мерцаловым Игорь сводил Катю к врачу, и Илья тщательно исследовал её стихию. «Необычный яд, – задумчиво сказал он тогда. — Если я правильно разобрал его состав, это мофет — смесь газов, в природе существующая в так называемых «долинах смерти». Животные, попавшие в такие зоны, умирают от удушья».

Объяснение Мерцалова успокоило Катю. По всему выходило, что её стихия не убивала человека мгновенно, а значит, она вполне могла тренировать использование своего элемента. По её просьбе Игорь ей в этом помогал.

– Тогда начнём.

Дождавшись приглашения Лазарева, Катя сделала два шага навстречу и нанесла прямой удар ногой. Игорь отступил в сторону, пропуская пинок мимо корпуса, подхватил её под икру и подсёк опорную ногу. Катя откатилась назад и поднялась с пола, а в следующий миг бросилась на него снова.

На этот раз она была осторожнее. Быстрые удары руками прощупывали дистанцию, и Игорь отступил, накрыв последнюю атаку своей ладонью.

– Неплохо, но ты не доворачиваешь кулак в конце. Вращай кисть сильнее.

Сосредоточенно кивнув, Катя снова приблизилась к нему. Она приняла совет к сведению, и следующие удары, принятые Игорем на блок, оказались ощутимо более

увесистыми. Лазарев довольно улыбнулся.

Для человека, никогда прежде не занимавшегося единоборствами, Катя оказалась весьма способной ученицей. Составить серьёзную конкуренцию более подготовленным элементам СЗГ она пока не могла, но её навыки под руководством Лазарева неуклонно росли, и недалёк был час, когда талант вкупе с упорными тренировками принесут свои плоды.

Поработав с Катей ещё некоторое время, Игорь наконец произнёс:

– Так, давай теперь попробуем задействовать стихию.

Девушка напряглась. Использование элемента давалось ей с трудом, в первую очередь оттого, что она попросту боялась нанести сопернику непоправимый ущерб. Игорь ободряюще ей улыбнулся:

– Не волнуйся. Помнишь, что сказал Мерцалов? Твой элемент не убивает мгновенно. Если мне вдруг станет хуже, я сразу тебе об этом сообщу. А до этого — постарайся выложиться на максимум.

Катя глубоко вздохнула. В её тёмных, почти чёрных глазах мелькнула решимость, и она широко взмахнула руками. По воздуху прошлась заметная рябь, и Игорь в последний момент отпрыгнул, избегая воздействия ядовитого газа.

– И часто ты можешь использовать этот приём?

– Не очень, — призналась Катя. — Он даётся мне непросто — приходится ждать несколько минут, прежде чем я могу применить его вновь.

– Это из-за того, что ты атакуешь по площади, — задумчиво сказал Игорь. — Попробуй использовать элемент более точно.

– Как именно?

– Сконцентрируй стихию на атакующих конечностях.

Это удалось ей лишь с четвёртой попытки. Кулак, угодивший в блок, заставил Игоря почувствовать слабость: он не использовал свой доспех, и последствия не заставили себя ждать. Лазарев уважительно покачал головой:

– Отлично. У тебя начинает получаться. Продолжаем.

К этому времени зал потихоньку стал заполняться остальными сотрудниками СЗГ. Они расположились вдоль стен, молча наблюдая за разворачивающимся поединком. Игорь краем глаза заметил заинтересованный взгляд Артура и недовольный — Юли, а затем Катя напала на него снова.

Ему пришлось всерьёз сосредоточиться: девушка, хоть и была подготовлена значительно хуже, чем он, обладала неудобными способностями, и без использования собственной стихии Игорь был вынужден избегать её атак. Каждый удар, пропущенный или принятый на блок, заставлял свет в глазах на секунду мутнеть, поэтому Лазарев прилагал массу усилий для того, чтобы уклоняться или вовремя отводить быстрые атаки девушки в сторону.

Спустя несколько минут Катя устала. Лицо покрылось испариной, грудь под пластиковым доспехом тяжело вздымалась; последовав совету Игоря, девушка выкладывалась на полную.

– Достаточно, — коротко сказал Игорь.

Катя облегчённо выдохнула. Хоть она и старалась держаться молодцом, было заметно, что поединок с Лазаревым дался ей непросто. Коротко поблагодарив Игоря, она отошла в сторону, освобождая центр зала.

Лазарев тоже сел у стены, наблюдая за поединками остальных. Ему показалось, что в

тот момент, когда очередь дошла до Юли, воздух вокруг неё на секунду подёрнулся рябью, но затем её руки покрылись привычной кислотой, и она уверенно одержала верх над Раевским.

– Игорь Лазарев здесь?

Он повернулся ко входу в зал. Там стоял один из тех дежурных, что обычно несли службу у входа в здание СЗГ, и Игорь помахал рукой, привлекая к себе внимание:

– Да, я тут.

Мужчина с недоумённым видом почесал чисто выбритую щёку:

– Там, это... В общем, к тебе пришли. Какая-то девушка хочет тебя видеть. Сейчас.

– Что за девушка? — нахмурился Игорь, поднимаясь на ноги. Катя кинула на него настороженный взгляд, но промолчала. Дежурный развёл руками:

– Понятия не имею. Невысокая, стройная, с короткими светлыми волосами. Знаешь её?

Игорь хмыкнул. Из его знакомых только одна девушка подходила под это описание.

– Думаю, да. Где она?

– Не думала, что ты освободишься так быстро.

Они сидели в небольшом кафе, расположенном неподалёку от здания СЗГ. Игорь был здесь впервые и теперь с интересом осматривал внутреннюю обстановку заведения.

Светло-лиловые стены были украшены ненавязчивой мозаикой из небольших зеркал, расположенных в форме ромба. Над головой нависали деревянные стропила с вставленными в них небольшими лампами. Несмотря на светлый день за окном, они были включены и давали приятное глазу освещение.

На красивом лакированном столе стояло две чашки кофе, покрытые изящным рисунком в виде сиреневых цветов, будто раскрашенных каким-то ребёнком. Лазарев не был ценителем посуды, но не мог не признать, что смотрелись они интересно и дополняли ощущение домашнего уюта в кафе. Зевс отпила немного кофе, внимательно глядя на Игоря поверх чашки. Он вежливо улыбнулся:

– Не мог же я заставлять вас ждать.

Кристина улыбнулась в ответ:

– Давай перейдём на «ты».

– Почему бы и нет.

Зевс помолчала, накручивая короткий локон белокурых волос на палец. Это выглядело довольно мило. Не сиди перед ним Глава целого Дома, Игорь бы подумал, что девушка смущена.

– Я хотела поговорить с тобой о том, что произошло в особняке Прометея, – наконец сказала она. — Ты как, в порядке?

– В полном. Спасибо за беспокойство.

– Когда ты кинулся на Прометея, я думала, что всё кончено. Ты прошёлся по лезвию, – в мелодичном голосе девушки прозвучал укор.

– Но не упал, – приняв равнодушный вид, Игорь пожал плечами.

– Ещё как упал! — Кристина фыркнула, – И за это тебе стоит поблагодарить твоего друга, который сбил тебя с ног. Если бы не он, ты бы вряд ли смог бы выбраться из особняка. Это была ловушка, и ты в неё попался.

– Действия Глазунова не имели бы никакого значения, если бы не твоя помощь, – сказал Игорь. — Так что благодарить в первую очередь следует тебя. Не думал, что скажу такое девушке, но... – он глубоко вдохнул, словно следующие слова давались ему тяжело, – Спасибо, что заступилась за меня.

Кристина хихикнула, и Игорь нашёл это простое действие весьма привлекательным.

– Пожалуйста. Если честно, я не была уверена, что это сработает. Можно сказать, что нам обоим повезло.

– Разве? Я думал, большинство Семей относятся к Дому Зевса и в любом случае выступят в твою поддержку.

– Это правда, но лишь на словах. На деле же такой порядок существовал при моём отце, – Кристина грустно улыбнулась. — Главы Семей занимают свои места не просто так, и мало кто из них хочет подчиняться молодой девчонке. Так что лидерский статус Дома Зевса остаётся чисто номинальным — как минимум, до тех пор, пока я не стану достаточно сильна, чтобы это изменить.

Кристина вновь припала к чашке с кофе. Игорю показалось, что она хотела бы, чтобы перед ней был напиток покрепче — однако ни время, ни обстановка к этому не располагали, и она, кинув немного недовольный взгляд на свой латте, мстительно отпила большой глоток.

— Я не очень хорошо разбираюсь в тонкостях политики Домов и Семей, — признался Игорь, — но вот что я думаю: обычная «молодая девчонка», о которой ты говоришь, ни за что не смогла бы возглавить Дом. И уж точно — не сумела бы противостоять Прометею в его собственном особняке.

Зевс подняла голову. Когда она посмотрела на Лазарева, на её красивом, в форме сердечка, лице мелькнула тёплая улыбка:

— Сила бывает разной. Это и характер, и личные способности, и поддержка сторонников, и уважение соперников — такое сложно оценить сразу. И всё же — спасибо, Игорь. Ты не представляешь, насколько для меня важно было это услышать.

— Неужели никто прежде этого не говорил?

— Говорили, — серьёзно кивнула Кристина. — И не раз. Но это всегда были люди из нашего Дома, и они поддержали бы меня, наверное, даже если бы я предложила отказаться от машин и ездить на пони. Мнение человека, не принадлежащего Дому Зевса, гораздо более ценно.

— Ну, я рад, что оказался тебе хоть в чём-то полезен, — Игорь отвесил шутливый поклон. Кристина в ответ изобразила театральный реферанс:

— О, если это и вправду так, то мне есть, что тебе предложить.

— О чём речь? — брови Игоря чуть приподнялись. Он буквально кожей почувствовал, как лёгкая и непринуждённая беседа свернула в нужную Зевсу сторону. Лазарев мысленно отметил, что этой девушкой следовало держать ухо востро, и поднял свою кружку к лицу, чтобы сделать глоток кофе.

— Я хочу предложить тебе вступить в Дом Зевса, — умильно захлопав глазами, выдала Кристина.

Кофе попал не в то горло. Игорь подавился и некультурно закашлялся, шокированный предложением Зевса. Та, впрочем, вела себя так, словно всё идёт, как должно; даже вырвавшиеся изо рта Игоря капли не заставили её утратить невозмутимого вида.

— Вступить... В Дом? — вернув себе возможность нормально дышать, переспросил Игорь. Ему показалось, что он ослышался, настолько неожиданными были слова Кристины.

— Именно. Понимаю, предложение может показаться тебе странным, однако я долго над ним думала и пришла к выводу, что это отличная идея. Как минимум, это решит твои проблемы с Домом Прометея.

— А как максимум?

— Как максимум — ещё и часть моих, — не стала отпираться Зевс. — Ты не задумывался о том, почему Прометей хочет, как он сам бы сказал, «вернуть тебя в Дом»?

— Это вроде не секрет, — Игорь пожал плечами. — Дом Прометея не допускает, чтобы элементали с огненной стихией разгуливали на свободе.

— Верно. Скажу больше: ни один Дом и ни одна Семья не хотели бы отпускать от себя своих элементалей. Особенно — высокоранговых. Именно они в итоге и определяют силу своего рода. В Доме же Прометея... — Кристина задумчиво побарабанила пальцами по поверхности чашки; Игорь отметил её предельно простой маникюр, аккуратно постриженные ногти с узкой белой полоской по краю. — Скажем так, молодое поколение огненных элементалей звёзд с неба не хватает.

– Разве? Я слышал, отдельные личности числятся в Институте Элементалей среди лучших бойцов.

Зевс весело посмотрела на него:

– Веришь или нет, но в том, чтобы быть в числе лучших среди восемнадцатилетних студентов, часть из которых никогда не уделяла должного внимания своей боевой подготовке, это не слишком-то большое достижение. Они даже не в тройке лучших. И это, знаешь ли, для Дома Прометея весьма неприятный щелчок по носу.

– То есть их Дом ослаб? — зацепился Игорь за невысказанную мысль. Кристина с укоризной покачала головой:

– Я этого не говорила. Да, молодое поколение уступает своим старшим родственникам, но зато среди более взрослых элементалей есть настоящие монстры. Например, Павел, сын Прометея, несмотря на свой мягкий характер, является одним из сильнейших старших магов страны. Говорят, он способен некоторое время на равных сражаться с Морозовым, но, может, это просто слухи. Да и другие... В общем, самый молодой из по-настоящему талантливых огненных элементалей, это, безусловно, Андрей. — Кристина внимательно посмотрела на Игоря, ожидая реакции. — Он более известен, как Накал.

– Слышал что-то такое, — Лазарев улыбнулся самым краешком губ. Он не сомневался, что Зевс прекрасно осведомлена о его столкновениях с Накалом — положение Главы Дома просто обязывало быть в курсе таких вещей. Кристина кивнула и продолжила:

– Несомненно. Но и ему уже двадцать семь лет, что, как ты понимаешь, для Института довольно поздно. Так что учиться отправлены те элементалей, которые, откровенно говоря, для Дома Прометея серьёзной ценности не представляют. Другое дело, если бы там был ты.

– Я там есть, — скорчив серьёзную мину, подтвердил Игорь.

– Да, но в качестве охранника ты для них бесполезен. Вот если бы ты стал студентом, то это бы наверняка весьма обрадовало Прометея. Или Главу любого другого Дома, — тут глаза Кристины с озорством блеснули, — к которому ты бы захотел присоединиться.

Игорь поднял руки в защитном жесте:

– Не могу отрицать, слышать подобную похвалу мне весьма и весьма приятно, но давай всё-таки не будем забывать, что я всего лишь ущербный дикарь, работающий в СЗГ. Мне не место среди благородных элементалей.

Вдруг Зевс нахмурилась:

– Ущербный? О чём ты говоришь?

Вместо ответа Игорь поднял руку и закатал рукав рубашки. Опустившаяся ткань обнажила запястье, покрытое тонкой сеткой белесых шрамов, ветвистыми молниями пересекающих кожу.

– Каждый раз, когда я использую свой элемент, мне приходится увечить своё тело. В противном случае я просто не могу заставить стихию выйти наружу.

– Насколько я понимаю, ты нашёл способ справиться со своим

– Ой, брось, ложная скромность тебе не к лицу, — забавно сморщила носик Кристина. — Я неплохо наслышана о твоих подвигах: немногие из Домов и Семей могли бы противостоять тому же Накалу. А уж так ловко избавляться от врагов и вовсе способны лишь единицы.

– Не понимаю, о чём ты, — не моргнув глазом, солгал Игорь. Кристина несколько раз кивнула, сделав вид, что поверила:

– Да так, ни о чём. Ну так как насчёт присоединиться к Дому Зевса?

Игорь несколько секунд помолчал, раздумывая над ответом. Грубить дружелюбно настроенному Главе Дома он не хотел, поэтому тщательно подбирал слова:

– Кристина. Большое тебе спасибо. Предложение вступить в Дом Зевса — это большая честь для меня. Уверен, что многие могут лишь мечтать о подобном. И всё же я не могу его принять.

Вопреки ожиданиям Лазарева, девушка совсем не удивилась. А может, она просто идеально владела своей мимикой, — в любом случае, выглядела Зевс так, будто ожидала именно такого ответа. Чуть приподняв голову, она уточнила:

– Могу я узнать, почему?

– Потому что я работаю в СЗГ, — не задумываясь, машинально ответил Игорь. Ему потребовалась секунда, чтобы осознать, что именно он сказал. А затем ещё несколько секунд на то, чтобы понять: это правда.

Он и сам не до конца понимал, в чём кроется подлинная причина его нежелания вступать в Дом Зевса. Но стоило ему получить приглашение, как что-то внутри Игоря неожиданно воспротивилось. Присоединение к влиятельному Дому было выгодным решением по всем статьям, и всё же это казалось Лазареву неправильным. Как будто согласие на предложение Кристины автоматически сделало бы его предателем.

У Игоря не было семьи, из которой он бы уходил, поэтому, казалось бы, ничто не должно сдерживать его от вступления в Дом Зевса. Но ощущение неправильности никак не желало его покидать, поэтому Лазарев пришёл к выводу, что оно связано с СЗГ.

В его отделе работали дикари, не относящиеся к Домам и Семьям; даже Глазунов, происходящий из Титановых, покинул своих родственников, прежде чем вступить в СЗГ. Покинуть их ради лучшей жизни в Доме Зевса. Нет, так поступить Игорь не мог.

Кристина цокнула языком:

– Ну что же, это твоё право. Хотя мне, не скрою, жаль, что ты отказался. Я была бы рада...

«Если бы смогла мной командовать», — додумал за неё Игорь.

– ...если бы ты стал частью Дома Зевса. Если вдруг передумаешь — дай знать.

– Непременно, — улыбнулся Игорь уголками рта так, чтобы стало очевидно: он не передумает. Судя по тому, как едва заметно поджались пухлые губы Кристины, посыл она поняла. Впрочем, надо отдать ей должное: больше эмоции никак не проявились. Да и с этой реакцией она справилась довольно быстро, вернув своему красивому лицу располагающую улыбку.

– Вот и договорились. Может, я могу помочь тебе чем-то ещё?

Лазарев задумался. Проще всего, конечно, было бы сказать, что ему ничего не нужно, однако он сдержал первоначальный порыв. Но Игорь и впрямь кое в чём нуждался, а Кристина сама предложила свою помощь.

– Ты случайно не знаешь, кто такой Бальса?

Кристина нахмурилась:

– Впервые слышу. Судя по странному имени, могу предположить, что это кто-то из Дома Деметры. А зачем он тебе?

– Да так, неважно, — стараясь не показать своего разочарования, протянул Игорь. Наверное, это было бы слишком просто, если бы Зевс сразу подсказала ему, кого искать, и всё же он надеялся, что она сможет подсказать что-то полезное.

Телефон, лежащий перед Кристиной на столе, неожиданно завибрировал, и она взяла его в руку. В отражении зеркал за её спиной Игорь увидел мелькнувшую на экране фотографию парня с такими же белокурыми волосами, как у Кристины.

– Слушаю, – мягкость, которой так наслаждался Лазарев, исчезла из голоса Зевса. Теперь он звучал строго и холодно, как у учительницы, заметившей, что её ученики вместо занятий развлекаются с гаджетами. — Да, занята. Не твоё дело. Ты что-то хотел? Хорошо, скинь свой адрес.

Кристина положила трубку и виновато посмотрела на Игоря:

– Мне пора. Прости, что не смогла помочь. Давай обменяемся номерами на случай, если ты передумаешь. Предложение вступить в Дом всё ещё в силе.

Игорь вежливо кивнул. Присоединиться к Дому Зевса он не собирался, однако отказываться записать номер телефона он не стал: неизвестно, в какой момент он мог пригодиться в будущем.

Несмотря на вялые возражения, он оплатил счёт и проводил Кристину до машины. Из тёмно-синего седана вышел водитель, но Игорь сам открыл дверь и сделал приглашающий жест Зевсу. Благодарно кивнув, Кристина села в машину:

– Если что-то потребуется — позвони мне. Если же нет... – тут она лукаво стрельнула глазками, и сердце Игоря пропустило удар. — Всё равно можешь звонить.

– Хорошо, – широко улыбнулся Лазарев. — Я обязательно буду иметь это в виду.

Кристина важно кивнула. Водитель, бросив недовольный взгляд на Игоря, сел за руль, и машина тронулась, аккуратно лавируя по извилистой улице. Проводив автомобиль взглядом, Лазарев посмотрел на часы. Для того, чтобы продолжать утреннюю тренировку, было слишком поздно, и Игорь, вспомнив о том, что у него вообще-то выходной, неспешной походкой отправился в сторону своей квартиры. Никаких планов на сегодня у него не было, и он шёл, предвкушая долгожданный отдых дома, однако его желаниям не суждено было сбыться.

Дверь в квартиру была не заперта. Игорь насторожился: он был уверен, что закрывал её утром, когда уходил на работу. Медленно повернув ручку, он активировал свой элемент, покрывшись каменным доспехом, и вошёл внутрь, ожидая чего угодно.

– О, наконец-то! — раздался знакомый голос. — Привет, Игорь. Давно не виделись. Я так понял, после моего ухода работа в СЗГ стала ещё паршивее? Думал, после дежурства сотруднику положен отгул.

Игорь выдохнул и убрал доспех. Его переполняли смешанные чувства: облегчение от того, что в дом не проник какой-то недоброжелатель, раздражение — всё-таки в квартиру зашли без его ведома. И радость — потому что встретился со старым другом.

– И тебе не хворать, Фил. Давно у тебя ключ от моего дома?

Кратов сидел на стуле, закинув ногу на ногу, и внимательно наблюдал за Лазаревым. Услышав неодобрение в голосе собеседника, он поднял руки в защитном жесте:

– Да-да, знаю, я засранец. Прости. Копию ключа мне дал Раевский, когда жил здесь до тебя. Я бы, конечно, предпочёл предупредить тебя, – извиняясь, он развёл руками, – но, как ты и сам понимаешь, сложно соблюдать правила этикета, когда ты преступник.

Игорь важно кивнул и запер за собой дверь:

– Могу себе представить. Ладно, проехали. Рад, что ты в порядке.

После этих слов Кратов помрачнел:

– К сожалению, это не совсем так. Будь всё иначе, я бы не стал рисковать и не пришёл

бы к тебе домой.

– Что случилось? — насторожился Игорь.

Кратов отвёл глаза в сторону, но Лазарев успел заметить плескающуюся в них боль:

– Случилось... Наверное, можно сказать и так. Дело в Соне. Ей стало хуже. Намного хуже. И я не знаю, что делать.

– Что с ней?

– Полагаю, болезнь прогрессирует, – голос Филиппа звучал ровно, однако руки, сцепленные в замок, предательски подрагивали, выдавая волнение. — Голова болит практически постоянно. Она похудела и осунулась, и я не знаю, что сделать, чтобы хоть как-то ей помочь.

Игорь не ответил. Он хотел сказать что-нибудь, чтобы поддержать Кратова, однако как он мог это сделать? В голове не было ни одной дельной мысли. Тем временем Филипп продолжил:

– Этот... Её учитель, – последнее слово Кратов практически выплюнул, – не говорит ничего полезного. «Я ищу», «я думаю»... Времени всё меньше, а ничего полезного не происходит. Если честно, я начинаю жалеть о том, что в своё время отпустил Соню учиться у него. Я видел, что ей становится хуже, и надеялся, что помощь опытного руниста сможет это исправить. Поэтому я дал уйти ей с этим стариком. Возможно, если бы тогда я этого не сделал, она не была бы... В таком состоянии, – неловко закончил он, вперив невидящий взгляд в руки, оказавшиеся бессильными.

– Вряд ли ты мог на что-то повлиять, – сказал Игорь. Филипп поднял на него глаза:

– Откуда ты это знаешь?

– Мне попался дневник одного руниста из Дома Деметры. У него была схожая болезнь: он подробно описал симптомы и посвятил жизнь поиску лекарства.

– Ему удалось? — в голосе Филиппа звенела надежда, и от этого отвечать Игорю было ещё больнее.

– Он умер. Лекарство нашлось слишком поздно.

Воздух с шумом покинул грудь Кратова. Из мужчины будто выдернули стержень: плечи ссутулились, голова — бессильно опустилась вниз, уронив потускневший взгляд на пол.

– Но он пишет, что в том случае, если бы он принял фальсиформику раньше, скорее всего, она бы ему помогла, – увидев реакцию Филиппа, поспешил добавить Игорь. — И тут есть хорошая новость: его ученик, который искал лекарство, смог добыть две фальсиформики. А использовали они только одну.

Кратов медленно поднял голову и прищурил глаза, принявшись вслух рассуждать:

– То есть, если он нашёл две фальсиформики, то...

– Где-то осталась вторая! — закончил за него Игорь.

– Не где-то, – покачал головой Филипп, – А почти наверняка в Дома Деметры. Вряд ли они позволили бы такому сокровищу улизнуть из своих рук.

– Это сокровище лишь для рунистов, – не согласился Игорь. — Для остальных же фальсиформика — не более чем красивая безделушка.

Филипп кивнул, признавая правоту Лазарева:

– Да, скорее всего, так и есть. И всё же у меня ощущение, что решение нашей проблемы хранится в Доме Деметры.

Игорь помолчал. Он знал, что собирается предложить Кратову, и нельзя сказать, что эта идея была ему по душе.

Филипп поднялся со стула и принялся нервно расхаживать по комнате, задумчиво барабанил пальцами по щетинистому подбородку. В свете одиноко висящей на потолке лампы

он выглядел особенно уставшим: лицо похудело и осунулось, давно не стриженные волосы заползли на уши, спутались и подчеркнули прогрессирующие залысины. Игорь подумал о том, насколько похожими стали Кратов и Глазунов: оба были измотаны, но по разным причинам: один из них пытался отыскать второго, в то время как второй скрывался, одновременно пытаясь помочь своей дочери.

И ни у одного из них ничего не получалось.

– Нужно проникнуть в Дом Деметры, – бросил Филипп. Его лихорадочно мерцающие глаза впились в лицо Игоря, пытаясь отыскать там поддержку. Лазарев неохотно ответил:

– Это не слишком разумно. Даже если предположить, что фальсиформика действительно хранится у них, мы понятия не имеем, где именно она может находиться. Не говоря уже о том, что для поиска придётся проникнуть на тщательно охраняемую территорию Дома. У нас нет ни плана, ни времени на подготовку...

– У нас нет выбора! — взревел Филипп. Казалось, он не слышал доводов Лазарева. Закрыв глаза, он сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь взять себя в руки, а затем продолжил уже спокойнее:

— Соне становится всё хуже. Боюсь, времени совсем мало. Мы должны что-нибудь сделать! Я могу рассчитывать на твою помощь?

Игорь медленно кивнул. У него возникло ощущение, будто он говорит с сумасшедшим, но винить Кратова он не мог. Оказаться в ситуации, когда ребёнок находится в тяжёлом состоянии, а ты ничем не можешь ему помочь, Игорь не пожелал бы даже злейшему врагу. Взвешивая каждое слово, Лазарев осторожно предложил:

– Ты прав, у нас не так много времени. Однако поход в Дом Деметры — это не самая удачная затея. У меня есть идея получше.

Филипп не ответил, напряжённо глядя на Игоря и ожидая продолжения. И тот не стал тянуть:

– У меня есть знакомый в Доме Деметры. Я попросил его узнать насчёт Бальсы — это тот самый человек, который нашёл две фальсиформики. Возможно, так мы выясним, куда он дел второй экземпляр. Но для этого придётся подождать, когда я поговорю со своим знакомым.

Филипп прикусил губу. Он был достаточно умён, чтобы осознавать разумность рассуждений Лазарева, и всё же отцовские чувства требовали от него немедленных действий. Противоположные мысли сражались друг с другом в его голове, и Кратов поморщился, стараясь понять, какая же из них победит. Наконец он отвернулся в сторону и неохотно произнёс:

– Хорошо. Мы подождём. Недолго. Скажем, три — нет, два дня. Если же это не принесёт никаких плодов, — Филипп повернул голову к Игорю, и запавшие глаза сверкнули решимостью. — Я отправлюсь в Дом Деметры, в любом случае. С тобой — или без тебя.

Игорь кивнул, показывая, что услышал его. Спорить было бессмысленно — остановить Филиппа он в любом случае не мог. А значит, оставалось его только поддержать.

– Если у меня ничего не получится, мы пойдём в Дом Деметры вместе, – пообещал он Кратову. На напряжённом лице Филиппа отразилось облегчение: несомненно, он был готов отправиться туда и в одиночку, однако поддержка друга оказалась весьма кстати. Важность подобных вещей сложно переоценить.

– Вот, возьми, – Кратов протянул сложенный в несколько раз клочок бумаги. — Здесь записан мой новый номер, о котором никто не знает. Сохрани его как-нибудь... Не слишком

подозрительно. И дай знать, если появятся какие-нибудь новости.

– Само собой.

Филипп постоял на месте ещё несколько секунд, закусив губу и о чём-то напряжённо размышляя. Похоже, это стало его новой привычкой: на нижней губе красовались небольшие сухие заусенцы, перемежаемые более тёмными следами от зубов. Игорь не стал заострять на этом внимания: у них были проблемы и посерьёзнее, чем потрескавшийся рот.

– Мне пора, – наконец выдал Филипп, потеряв усталое лицо. — Если у нас что-то изменится — я напишу тебе.

Игорь внутренне выдохнул. Он до последнего боялся, что Кратов не согласится с его доводами и всё же отправится в Дом Деметры, не имея ни малейших шансов на успех. К счастью, разум Филиппа возобладал над его чувствами, и он принял верное решение. Лазарев и представить себе не мог, насколько тяжело ему это далось.

Пройдя к выходу, Филипп задержался у двери. Он уже взялся за ручку, когда до Игоря донеслись его слова:

– Спасибо, что помогаешь. Это много для меня значит.

Не дожидаясь ответа, Кратов вышел и затворил за собой дверь.

– Все в порядке, – запоздало сказал Игорь. — Мы справимся.

Ему было немного стыдно за свои чувства, и всё же он был рад, что его последней фразы Кратов не услышал. Лазарев сомневался, что она звучала достаточно твёрдо, потому что никакой уверенности в успехе он не испытывал.

– Ну ты чего так долго? Все уже пришли!

В голосе Скрипача сквозило еле сдерживаемое раздражение. Впрочем, Игорь его проигнорировал и бодро ответил:

– Ничего страшного. Главные действующие лица всегда приходят в конце.

Скрипач фыркнул, но продолжать спор не стал. Поправив воротник чёрной рубашки, он сделал приглашающий жест:

– В таком случае — прошу вас пройти вперёд, уважаемое главное действующее лицо!

Они стояли неподалёку от входа на огороженную территорию загородного комплекса одноэтажных зданий. На воротах висела вывеска со стилизованным изображением оскаленной волчьей головы. Надпись под ней оповещала гостей о том, что они прибыли на базу «Берсерков» — команды, профессионально занимающейся лазертагом. Игорь хмыкнул и толкнул ворота рукой. Давно не смазываемая сворка с протяжным скрипом распахнулась.

– Говорить буду я, – буднично заявил Скрипач. — Тебя они не особо хорошо знают, а те, с кем ты уже встречался...

– Вряд ли горят желанием продолжить знакомство, – закончил за него Игорь. — Я понимаю.

Скрипач кивнул и прошёл вперёд. С минуту попетляв по утоптаным десятками ног тропинкам, они вышли на широкую площадку, со всех сторон окружённую грубо сколоченными строениями, больше всего напоминающими деревенские сараи. Чуть больше десятка голов повернулись к ним.

– Всем доброго вечера! — громко поздоровался Скрипач. — Надеюсь, мы пришли не слишком поздно?

– Это как посмотреть, – пожал плечами нагловатого вида парень лет тридцати с серьгой в левом ухе. Его длинные волосы были нелепо зачёсаны в тщетной попытке скрыть раннее

облысение. — Если вспомнить, что твоя банда распалась, то, пожалуй, ты пришёл поздно. Здесь тебя ждали, только когда у тебя были свои люди.

— Ты верно сказал, — ничуть не смутившись, ответил Скрипач. — Люди. Силу банды определяют люди, которые в неё входят. Причём определяющую роль в этом играют их способности, а не количество вступивших в банду человек. А уж с этим у нас проблем нет, — словно подтверждая свои слова, он кивком указал на Игоря, а затем вперил насмешливый взгляд в дерзкого собеседника:

— Или ты, уважаемый Стрелок, считаешь иначе?

Тот поморщился и тряхнул гривой сальных чёрных волос. То, что сказал Скрипач, можно было воспринять как вызов, и Игорь сжал и разжал кулак, ожидая ответа Стрелка. Наконец тот бесцветно произнёс:

— Пожалуй, ты прав, Скрипач. Пожалуй, ты прав.

— Вот и отлично! — Кирилл хлопнул в ладоши. — Итак, какие у нас вопросы на повестке дня?

— Вопросов, как всегда, больше, чем ответов, — медленно и значимо проговорил Бык. Его низкий голос стелился по поляне, как предрассветный туман. — Когда вы пришли, мы как раз обсуждали полное уничтожение банды Карпа, смерть Карло и его ближайших сподвижников, небывалую активность СЗГ, — тут он красноречиво посмотрел на Лазарева, — а также дальнейшую судьбу территорий группировок, пострадавших за последние недели.

Скрипач задумчиво покивал, внимательно слушая Быка. Всё это напоминало хорошо разыгранную пьесу, и Игорь не мог отрицать, что Кирилл прекрасно справляется со своей ролью. Похоже, он всё продумал заранее. Лазарев внутренне порадовался, что говорил Скрипач, а не он: сам Игорь вряд ли сумел бы повторить подобное выступление.

Одно из строений располагалось совсем близко, и Скрипач уверенной походкой подошёл к нему, рукой смахнул пыль со ступенек, а затем с удобством расположился на них. Всё это время его десятки глаз внимательно за ним следили. Заговорить никто не решался.

— Вижу, проблем у вас действительно немало, — деланно-усталым жестом потерев лицо, сделал вывод Скрипач. — Делёжка территорий, сопротивление внешним врагам банд... Справиться со всеми этими сложностями будет ох как непросто, — он картинно задрал лицо к небу, словно оно могло подсказать ему ответы. И оно подсказало: опустив голову, он обвёл взглядом всех присутствующих, и Игорь в очередной раз внутренне восхитился актёрскими способностями изувеченного элементаля:

— К счастью, у меня есть решение.

— Дай угадаю: сейчас ты снова заведёшь свою старую шарманку на тему «Скрипач объединяет кланы», — фыркнул крупный мужчина, стоящий ближе остальных. Грубые черты его лица были Игорю знакомы.

С равнодушным видом почесав колено, Скрипач наклонил голову набок и прищурил единственный уцелевший глаз:

— Ты прав, Броненосец. Именно это я и хочу предложить.

Мужчина хмыкнул, но не нашёлся, что ответить. Похоже, он не ожидал, что Кирилл так просто согласится с ним, даже не пытаясь отпираться и с ходу заявив о своих намерениях. Скрипач тем временем встал и принялся расхаживать перед дикарями, словно полководец перед своим войском:

— Посмотрите, к чему привела наша разрозненность. Наша разобщённость. Мы потеряли много хороших бойцов, — он поднял руку вверх и принялся загибать пальцы. — Потеряли

значительную часть территорий. Но, что самое главное, — тут он понизил голос и практически прошипел, — мы потеряли уважение. Сейчас банды дикарей стали досадной мелочью, от которой можно отмахнуться, как от назойливой, но бессильной мухи. При желании на нас можно и вовсе не обращать внимания. Но даже муха! — прогремел Скрипач, и его голос пронёсся над поляной, заставив часть присутствующих вздрогнуть, — Может больно укусить. Если будет достаточно крупной и сильной, чтобы осмелиться это сделать.

Будучи опытным оратором, Кирилл знал, как важно грамотно расставлять паузы в своей речи. Вот и сейчас, он умолк, давая слушателям возможность проникнуться его словами. Убедившись, что все хранят молчание, ожидая продолжения, Скрипач заговорил снова:

— Посмотрите вокруг. Здесь присутствуют далеко не все, но даже этого достаточно, чтобы осознать, как нас много. Пока каждая из банд существует сама по себе, мы слабы. Объединение это исправит. Только вдумайтесь, насколько опасны мы станем, если будем действовать сообща. Ни в одной из Семей нет столько элементарей, сколько будет у нас! — Он остановился напротив Броненосца и процедил, глядя ему в глаза: — Совокупная мощь поставит нас практически на один уровень с Домами. Разве такая власть — это не та цель, к которой мы все стремимся?

— Зачем ты привел сюда Лазарева? — вдруг спросила тёмно-русая девушка, неприязненно посмотрев на Игоря. Слишком неприязненно, чтобы причина была лишь в их столкновении в прошлом. — Хочешь, чтобы обо всех наших планах стало известно СЗГ?

Скрипач взглянул на неё так, словно впервые увидел:

— А им и не станет ничего известно о наших планах. А вот нам об их деятельности будет известно заранее.

— Даже если предположить, что ты прав, у нас уже есть свой человек в СЗГ, — покачае головой, бросила Болото. Скрипач стремительно подошёл к ней и приблизил своё лицо так, что они почти прикасались носами:

— Неужели? И как, сильно ли это вам помогало? — роняя каждое слово, проговорил Скрипач. Не выдержав его взгляда, Болото отвернулась. Скрипач сделал несколько шагов и сказал, обращаясь ко всем присутствующим:

— У меня гораздо больше поводов, чем у вас, вместе взятых, чтобы ненавидеть Игоря, — он поднял руку и костлявым пальцем указал на своё изуродованное лицо. — И всё же я умею отделять личные эмоции от общих целей. И я уверен, что позвать его с собой было правильным выбором.

— А я вот не уверена, — раздражённо бросила Болото, глядя куда-то в сторону. Сталкиваясь взглядом со Скрипачом она явно не хотела.

Скрипач окаменел. Он полагал, что вопрос с возражениями девушки был закрыт, и сейчас как будто немного растерялся, не зная, как именно следует ответить. Инициатива была утеряна, и требовалось срочно что-то предпринять, чтобы её вернуть.

И Игорь знал, что именно нужно сделать.

Он не слишком хорошо разбирался в тех правилах, которые были приняты на сходках главарей банд. Скорее всего, никому из тех, кто сопровождал их, в принципе нельзя было говорить. Но Игорь был уверен: в подобных сборищах всегда пользовалась уважением личная сила. И это перекрывало все остальные правила.

— Я вижу, что уважаемой Болото не по душе моё присутствие здесь, — неожиданно для всех заговорил Лазарев. — Раз уж она позволяет себе говорить в таком тоне. Что до меня — я считаю подобное поведение недопустимым и оскорбительным, а неуважение я терпеть не

привык.

Его слова возымели действие. Все, как один, повернулись к нему, напряжённо ожидая продолжения. На границе видимости Игорь заметил, как изумлённо поднялась единственная не скрытая повязкой бровь Скрипача. Но особенно шокированной выглядела Болото, с опаской наблюдающая за Лазаревым.

«Они хотят зрелища, – понял Игорь и хищно ухмыльнулся. — Не буду их разочаровывать».

Он сделал несколько шагов, оказавшись в метре напротив Болото. В такой близости он видел, как сильно начала вздыматься её небольшая грудь, скрытая под зелёной водолазкой. Чеканя слова, Игорь произнёс, надеясь, что поступает правильно:

– Я вызываю тебя на дуэль.

– Вообще-то, – впервые с начала сборища подал голос Стрелок, – Ты не можешь...

– Не лезь, – резко оборвал его Игорь, решив действовать до конца. — Это наше личное дело. Не встревай, если не хочешь, чтобы оно затронуло и тебя.

Парень побагровел. Глубоко вздохнув, он убрал выбившийся локон за ухо и заговорил снова:

– Возможно, тебе это не известно, но у нас есть правила.

– Плевать я на них хотел, – бескомпромиссно заявил Игорь. — Она меня оскорбила при всех, и мириться с этим я не собираюсь. — больше не обращая внимания на Стрелка, он повернулся к Болото: – Ты примешь вызов или не готова ответить за свои слова?

Болото стрельнула глазами по сторонам, ища поддержки. Осуждающе покачав головой, Стрелок буркнул себе под нос что-то про молодежь, не уважающую правила, но больше говорить ничего не стал, решив, что не готов рисковать ради главаря другой банды. Бык и Броненосец молчали, и остальные присутствующие тоже последовали их примеру, приняв роль наблюдателей.

Эмоции Болота были буквально написаны на её вытянутом лице. Она явно опасалась в открытую сталкиваться с Игорем, предпочитая бросаться ядовитыми замечаниями, но он поставил её в неловкую ситуацию. Отказаться от прямого вызова было бы проявлением слабости, а этого не мог себе позволить ни один главарь банды.

Лазарев видел, как она колеблется. Что ни говори, а до актёрского мастерства Скрипача девушка явно не дотягивала.

Последний, кстати, решил не принимать участия в происходящем. Сорвав с полянки особенно длинную травинку, он тщательно осмотрел её, и, найдя её достаточно чистой, удовлетворенно кивнул, а затем сунул её в рот и принялся пожевывать с видом уставшего фермера. На Игоря и Болото он подчёркнуто не смотрел.

– Хорошо, – решительно сверкнув глазами, сказала Болото. — Я согласна. Но, раз уж вызов брошен мне, то дуэль пройдёт на моих условиях.

Никто из присутствующих даже не дёрнулся, и Игорь предположил, что так и должно быть. Он внимательно посмотрел на Болото, ожидая от неё любой подлости, и бросил:

– Излагай.

– Бой пройдёт здесь, через неделю. На игровой площадке, – она кивком головы указала куда-то в сторону. Игорь проследил за её взглядом.

Назвать это игровой площадкой у него бы не повернулся язык. Участок леса был заполнен еловыми деревьями, перемежающимися небольшими укрытиями из досок, высотой едва достигающими его груди. Игорь покачал головой:

– Место меня устраивает. Время — нет. Мы будем драться сегодня.

– Мне нужно время! — прошипела Болото. Игорь пожал плечами:

– Я дам тебе время. У тебя пятнадцать минут. Не больше.

Судя по тому, что никто снова не возразил, он был вправе требовать немедленной схватки. А может, никто просто не захотел высказываться против. Игорю было всё равно. Злость скривила лицо Болото, когда она выплюнула:

– Двадцать минут. И можешь заходить, – развернувшись на пятках своих зелёных кроссовок, она скрылась среди деревьев.

На площадке повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь негромкими шепотками. Игнорируя это, Игорь подошёл к Скрипачу и уселся рядом с ним прямо на траву. Вытащив изо рта зелёный стебель, Кирилл умиротворённо, словно речь шла не о битве насмерть, а, например, о завтрашней погоде, проговорил:

– Ты ведь в курсе её способностей, верно?

– Да.

– Тогда должен понимать, что давать ей время, чтобы подготовиться к схватке в лесу, было глупо.

Игорь не стал спорить. Он уже примерно представлял, что его ждёт: Болото наверняка расставит повсюду свои грязевые ловушки. Здесь, в лесу, природа была на её стороне, усиливая способности элемента Болота.

– Может быть. Но мне всё равно. Думаешь, у неё есть шансы?

– Шансы есть всегда, – философски заключил Скрипач. И, подумав, всё же добавил: – Но в её случае они минимальны.

Больше они не говорили. Игорь откинулся на стенку сарая и закрыл глаза, наслаждаясь чистым воздухом леса: что ни говори, а в городе, переполненном современными заводами и миллионами машин, такое удовольствие было недоступно.

Когда отведённые Болото на подготовку двадцать минут истекли, Игорь с сожалением поднялся на ноги. Рядом остался только Скрипач. Все остальные разбрелись, видимо, чтобы занять удобные места для наблюдения за поединком.

– Удачи! — коротко пожелал Скрипач. — Надеюсь, всё пройдёт хорошо. Нам нужна твоя... Убедительная, – он особенно выделил это слово, – победа.

Игорь кивнул и направился в сторону деревьев. Он прекрасно понял, что Кирилл имел в виду.

За одним из сараев, окружающих площадку, начинался густой подлесок. Тонкие тропинки разделялись, образуя некое подобие лабиринта, доводящего до более высоких, редко расположенных деревьев, и утыканных рядом с ними наскоро сделанных щитов. Территория была идеально подготовлена для командных игр вроде лазертага или пейнтбола — укрытия находились практически на каждом шагу. Кусты, ямы, стволы деревьев и сколоченные из досок заграждения — Болото могла спрятаться где угодно.

Игорь уже почти вышел из-за угла, когда внезапная мысль заставила его повернуть и зайти внутрь сарая. Ему повезло — искомые вещи хранились в этом строении. Хозяева заботливо разложили их штабелями на вытянутых столах. Лазарев приблизился к первому столу и разочарованно хмыкнул: оружия для лазертага выглядело внушительно, но для него было абсолютно бесполезным.

Второй стол находился в небольшом углублении у стены. Оружие на нём располагалось в специальных деревянных нишах, предохраняющих снаряженные игровые устройства от случайного падения. Игорь протянул руку и взял первый попавшийся ствол, взвесив его в руке.

Кто-то — видимо, какой-то любитель сливаться с местностью — целиком окрасил оружие в насыщенный изумрудный цвет. Сверху, чуть впереди от прицела крепилась небольшая ёмкость, выполняющая роль магазина с патронами. Игорь тряхнул оружием и удовлетворённо отметил раздавшийся изнутри стук шариков с краской.

Разумеется, такими снарядами было сложно всерьёз кому-то навредить. Однако после занятий со Ждуном, имевшим специфичные взгляды на подготовку элементалей в СЗГ,

Лазарев не понаслышке знал о том, как неприятны бывают попадания пейнтбольных снарядов по незащищённой коже. Тогда, на занятии, он успел хорошенько прочувствовать это на себе. И теперь решил, что познакомит с этими ощущениями и Болото — если, конечно, девушка не умеет создавать крепкого доспеха.

Определившись с оружием, Игорь сделал несколько пробных выстрелов в стену. Разбившись со звонкими хлопками, снаряды оставили на досках следы от разлетевшейся жёлтой краски. Довольно кивнув самому себе, Игорь подошёл к окну.

Снаружи было тихо. Ветер едва заметно дёргал усыпанные иголками ветви и шевелил небольшие кусты, практически не создавая шелеста. В таких условиях даже треск сухой палки, сломавшейся под ногой, мог привлечь внимание, поэтому Игорь тщательно осмотрелся, прежде чем спрыгнуть на землю.

Место было удачным. Прямо у дома росла раскидистая ель, чьи приземистые ветви скрывали перемещения Игоря. Он мягко приземлился на носки, стараясь издавать как можно меньше шума, сел на корточки и прислушался. Простое обшаривание местности взглядом вряд ли к чему-то бы привело — у Болота было достаточно времени, чтобы надёжно спрятаться.

Ни звука. Выждав с минуту, Игорь, пригибаясь, двинулся вперёд, принявшись петлять между деревьями. Тонкие тропинки были расчищены от сухих веток, что позволяло Лазареву не смотреть под ноги, а оглядывать окружающую его территорию. Именно поэтому он и не заметил ловушку.

На очередном шаге нога вдруг не встретила привычного сопротивления дёрна и по щиколотку провалилась в землю. Игорь тут же попытался выдернуть её, но ставшая вязкой поверхность неохотно отпускала его ступню. Краем глаза заметив какой-то блеск за кустом слева, Лазарев интуитивно пригнулся, пропуская над головой нож. Лезвие с глухим стуком вонзилось в кору старого дерева; в тот же момент Игорь вскинул своё оружие и не целясь выстрелил очередь в куст. Шарик с краской бессильно разбился о деревья позади куста. Болото успела переместиться.

Игорь глубоко вдохнул, сдерживая стремительно накатывающую злость. Помогло — ярость немного отступила, бешеным псом осев где-то на задворках сознания. Усилием воли Лазарев активировал свою стихию: кожа тут же взбугрилась, покрывшись каменными струпами. Игорь давно знал, что его доспех уступает броне того же Глазунова в плане внешнего вида, однако он создавался не для красоты, а для защиты, и уж с этой задачей каменная корка справлялась на ура.

Убедившись, что никакое холодное оружие больше не представляет для него опасности, Игорь опустил глаза вниз. Небольшая с виду грязевая лужа постепенно затягивала его ногу всё глубже: щиколотка уже скрылась под землёй, и не за горами была очередь середины голени. С раздражением выдохнув через сжатые зубы, Лазарев задействовал свой элемент, награв ловушку выступившей из ноги лавой.

Минусы такой тактики стали очевидны практически мгновенно: от высокой температуры жидкость в грязевой луже испарилась, и капкан, захвативший ногу Игоря, полностью утратил свою упругость, превратившись в твёрдокаменные кандалы. Лазарев снова глубоко вдохнул, призывая на помощь всё своё терпение.

Не помогло.

Раздражение подстегнуло его, и Игорь чуть присел, а затем с силой рванул застрявшей ногой вверх. Лишившаяся кроссовка стопа оказалась на свободе, и от травм её спасла лишь

окаменевшая кожа. Ветка метрах в пяти справа дёрнулась — слишком резко, чтобы можно было обвинить в этом ветер, — И Лазарев не думая разрядил туда половину оставшихся снарядов. Судя по негромкому вскрику, часть из них всё же достигла цели.

Игорь бегом приблизился к густым кустам, где несколько секунд назад пряталась Болото, и едва успел прыгнуть вперёд, чтобы не угодить в грязевое месиво. Убегая, девушка не забывала расставлять ловушки, и за это Лазарев даже начинал её внутренне уважать.

Но гораздо больше — ненавидеть.

Сохранять спокойный рассудок становилось всё сложнее. Игорь замер. А зачем ему, собственно, нужно сдерживаться? Почему он должен осторожничать? Ему казалось, когда-то он знал ответы на эти вопросы, но сейчас вспоминать их ему отчего-то ни капельки не хотелось.

Лазарев пулей проносился мимо кустов и деревьев, на ходу пытаясь отыскать Болото. Однако она действительно умудрилась хорошо подготовиться: как бы Игорь не старался, обнаружить девушку ему не удавалось. Дело осложнялось ещё и тем, что он то и дело наткался на умело расставленные грязевые лужи. Большинство из них он избегал буквально в последний момент, резко меняя направление или прыгая вперёд, однако удача не бывает бесконечной, и в одну из ловушек он всё же угодил.

Надо отдать Болоту должное — девушка вовсе не была лишена хитрости. Игорь не ожидал, что после очередного прыжка он наступит не на твёрдую землю, а попадёт прямоком в следующую лужу, прикрытую сверху валежником. Окаменевшие ноги тут же провалились в грязь по щиколотку. Внизу влажно хлопнуло, грозя затянуть Лазарева ещё глубже.

Это стало последней каплей.

У Игоря словно открылось второе дыхание. Стихия внутри него разгорелась с новой силой, выжигая его изнутри и одновременно наполняя конечности небывалой мощью. Каменный доспех пересекли десятки трещин, сияющих ярко-оранжевым светом и опаляя окружающий воздух чудовищным жаром.

Первой сдалась грязевая лужа; высохнув до состояния песка, она рассыпалась с первым шагом Игоря. Второй стала трава, скукоживающаяся от простого нахождения рядом с пылающим Лазаревым. Третьими стали деревья. Часть из них уже была довольно старыми и сухими. Именно они и загорелись.

Игорь раздражённо опустил взгляд на свои руки. Он не заметил, как изящное оружие для пейнтбола оплавилось до состояния бесформенной пластиковой массы. Цокнув языком, Лазарев отбросил бесполезный предмет в сторону.

Огонь быстро перекидывался на соседние деревья, бежал по сухому валежнику, пожирал сколоченные из досок щиты-укрытия. Игорь заметил, как с низко расположенной ветки стремительно спрыгнула белка, тут же рыжим пятном рванув прочь. Он бы и не обратил на это внимания, если бы не одна деталь, заставившая Лазарева подробнее присмотреться к маршруту грызуна.

Добежав до выглядящих безопасными кустов, каких, наверное, в лесу были десятки тысяч, белка, вместо того, чтобы скрыться в листве, вдруг резко сменила направление. Так, будто что-то напугало её сильнее, чем лесной пожар.

Игорь топнул ногой, и по земле побежали две тонкие струйки лавы, стремительно окружающие кусты. Не теряя ни секунды, Игорь бросился навстречу разлапистому растению. В последний момент Болото не выдержала и резко вскочила на ноги, пытаясь сбежать от

него как можно дальше, но было уже слишком поздно.

Приём, навеянный техникой Карпа, сработал. Ручейки лавы, обогнув Болото, сомкнулись за её спиной, источая невыносимый жар. Воздух над ними подёрнулся видимой глазу рябью. У девушки ещё был шанс перепрыгнуть через стихийный барьер, однако она замерла в нерешительности буквально на секунды, и этого оказалось достаточно.

Лазарев подобрался к ней практически вплотную. В глазах Болота мелькнула паника, и земля под ней вдруг потемнела, образовав грязевую лужу, что пыталась поглотить свою покровительницу. Игорь лениво шагнул вперёд и наступил ногой на самый краешек влажного пятна. В ту же секунду вода полностью испарилась; Болото, успевшая погрузиться в лужу практически по пояс, оказалась погребена в собственной ловушке.

Игорь присел перед ней на корточки. Девушка, как могла, пыталась отдалиться от него – отклонялась, отворачивала лицо, – и всё же он видел, что её брови и ресницы тлели и сворачивались от высокой температуры. Глаза плотно зажмурились, спасая роговицы от высыхания. Потрескавшиеся губы зашевелились, и Лазареву пришлось прислушаться, чтобы разобрать слова:

– Хватит, пожалуйста...

Он вполне мог остановиться на этом. То, что Лазарев уже одержал верх в дуэли, было очевидно, и едва ли кто-то посмел бы это оспорить. Он неторопливо осмотрелся. Наблюдатели были далеко, и он не смог их разглядеть, однако Игорь знал: он имеет дело с самыми опасными отморозками преступного мира, и простой выигрыш, как бы он его не одержал, их не впечатлит.

«Нам нужна твоя победа... Убедительная», – вспомнились Игорю слова Скрипача.

Покрытая каменной оболочкой рука с острыми когтями рванулась вперёд, войдя в грудную клетку Болота, как нож в масло.

Девушка тонко вскрикнула. Зажмуренные глаза резко расширились, с ужасом посмотрев на чудовищную рану. Кровь не успевала вытекать, мгновенно запекаясь вокруг руки Игоря. Ему показалось, что в последнем взгляде Болота мелькнула какая-то обида, а потом её глаза закатились, и девушка умерла.

Испытывая к себе отвращение, Игорь сжал кулак на замершем сердце и усилием воли направил туда силу своего элемента. Бездыханное тело загорелось, и Лазарев одёрнул руку.

Он почти не помнил, как добрался до поляны, где проходила сходка главарей банд. Десятки глаз встретили его насторожённо и тщательно сдерживаемым опасением. И лишь один — одобрением. Скрипач явно был доволен устроенным представлением и даже, не поднимая руки, незаметно показал Лазареву большой палец.

– Предлагаю вернуться к теме, которую мы обсуждали, – Игорь расжал пальцы, и обугленное сердце упало на траву. — Прошу поднять руки тех, кто против объединённых действий банд в будущем.

Ни одна рука в воздух так и не поднялась.

В понедельник главы не будет!

Чуточку не успеваю, работа и всё такое.

Спасибо, что читаете элементарей)

Облака причудливых форм неторопливо плыли по небосклону, притягивали взгляд, вызвали умиротворяющие ассоциации. Одно из них, самое большое, напоминало древнюю черепаху, неторопливо двигающуюся под действием лёгкого, почти незаметного ветра. Игорь завидовал этой черепахе: она могла никуда не спешить. Он себе такого позволить не мог.

Лазарев уже и не помнил, когда он мог насладиться таким спокойствием. Весь последний год он куда-то торопился, постоянно что-то делал, стараясь успевать за стремительно меняющимся миром вокруг. Работа в СЗГ, общение с благородными Домами и Семьями, бандами, куда менее благородными... Игорь глубоко вдохнул, наслаждаясь минутой затишья. Он знал — это удовольствие продлится недолго.

— Привет, Игорь!

Осеннее солнце пекло уже не так сильно, и сидеть на лавочке в парке было до удивительного приятно. Игорь удивился, когда Хвой позвонил ему и предложил встретиться в выходной день, когда никаких пар в Институте не предвиделось. Разумеется, Лазарев согласился — и теперь ждал появления зеленоволосого студента. К счастью, ждать пришлось недолго.

Хвой дружелюбно помахал рукой, быстрыми шагами приближаясь к нему по мощёной брусчаткой дорожке. Он был не один: рядом с ним шла невысокая девушка с белыми, как снег, волосами, ухоженным, даже не вид шелковистым каскадом спадающими на плечи, укрытые аккуратной светло-бежевой водолазкой. Игорь поднялся со скамейки и пожал протянутую руку:

— И тебе привет, Хвой. — Он повернулся к девушке и замешкался, столкнувшись с изумрудно-зелёными глазами, внимательно изучавшими его из-под густых чёрных ресниц. Казалось, рядом с их цветом деревья в парке стыдливо померкли.

— Кхм... Здравствуйте. Меня зовут Игорь.

— Добрый день, — потешно тряхнув головой, ответила девушка. — А я — Элина. И можно на «ты».

На несколько секунд повисло неловкое молчание, и Лазарев был благодарен Хвою, который его нарушил:

— Элина согласилась помочь мне, когда я начал расспрашивать про Бальсу. Видишь ли, он...

— Он — мой дядя, — закончила за него Элина.

Игорь вскинул брови:

— Дядя? Я думал, он намного старше.

— Так и есть, — подтвердила девушка, серьёзно кивнув. — Если углубляться в родословную — он брат моего деда. Но я бы предпочла не углубляться.

— Тогда мы не будем этого делать, — покладисто согласился Игорь. Перечить этой девушке ему почему-то совершенно не хотелось. — Дядя так дядя.

Элина раздвинула пухлые губы в тёплой улыбке. На её щеках тут же возникли две симпатичные ямочки. Она вновь заговорила, и её голос колокольчиком зазвенел в тишине парка:

— Он сам так просил его называть. Правда, я его практически не помню, — тут её взгляд

немного погрустнел, — Он погиб, когда я была ребёнком.

— Что произошло? — участливо поинтересовался Игорь.

— То же, что и происходит со всеми мужчинами, не знающими, когда следует остановиться, — Элина закатила глаза, выражая своё отношение к подобным людям, и у Игоря вдруг из ниоткуда возникло желание никогда не оказаться в той категории, которую она осуждает. — Он слишком много рисковал и в один момент это привело к его смерти.

Элина нахмурила изящный лоб и потёрла висок. Игорь обратил внимание, что на её тонких аристократичных пальцах нет ни намёка на украшения, которыми так любили увешиваться девушки. Лазарев перевёл взгляд на аккуратное ушко, выглядывающее из-под белоснежных волос: на розовой мочке не было ни серёг, ни отверстий, в которых их можно было бы закрепить.

— Дядя... Он был слишком увлечён своими поисками, — задумчиво продолжила Элина. — Редкие вещи, которые он упорно именовал «артефактами», в большинстве своём являлись сущими безделицами.

— Это не безделицы! — горячо возразил Хвой. — А очень ценные для рунистов вещи. Они помогают...

— Ему не помогли, — мягко оборвала его Элина. — Он собрал с собой всю свою коллекцию, увешался всем, чем только можно, но вернуться из Лабиринта всё равно не смог.

— Что за Лабиринт? — насторожился Игорь.

— Лабиринт Руниста, — надув от важности щёки, принялся объяснять Хвой. — Место настолько же легендарное, насколько и опасное. Говорят, оттуда никто не возвращался живым.

— И... Зачем же он туда пошёл?

— Говорю же — он был увлечён своими поисками, — Элина пожалала миниатюрными плечами. — Бальса буквально бредил ими, и пройти мимо такого места он попросту не мог. Вроде как рассчитывал найти там что-то ещё для своей коллекции. Теперь правды уже никто не узнает.

— За ним никто не пошёл? — удивился Игорь.

Хвой снисходительно улыбнулся:

— Тут, наверное, стоит объяснить, что такое Лабиринт Руниста. Не так далеко от города есть аномалия, в которой, согласно легенде, некогда обосновался некий рунист. История не сохранила его имени, однако доподлинно известно одно: пещера, в которой он располагался, донельзя напичкана различными ловушками. Лезть туда — чистой воды самоубийство.

— И что, никто не лез?

— Почему же, — Хвой почесал зелёную бровь, — Энтузиасты находились. Для рунистов это место чуть ли не священо: они посещают его, но почти никто не заходит внутрь. Те же, кто всё же решается...

— Остаются там навсегда, — припечатала Элина, которой, по-видимому, словоизлияния Хвоя порядком надоели.

Игорь повернулся к ней, ожидая продолжения, но девушка, по-видимому, уже сказала всё, что хотела, а потому замолчала. Тогда он спросил её:

— Ты сказала, что он увешался кучей артефактов?

Элина фыркнула:

— Ну, можно сказать и так. Собрал все побрякушки, найденные им за годы странствий, сказал, что любая из них может пригодиться, и отправился в Лабиринт Руниста. С тех пор

мы не видели ни этих вещей, — она кашлянула, — ни его самого.

— Этот Лабиринт... Где он находится?

— Не так далеко отсюда, — ответил Хвой, пожав плечами. — К востоку от города, километрах в сорока, есть небольшой лес. В одном из холмов за ним — на его вершине нагромождение из камней, так что не ошибёшься, — пещера, вход в которую скрывается между валунами. Там и начинается Лабиринт Руниста.

Игорь внимательно слушал Хвою, запоминая описанный маршрут, но взгляд Лазарева то и дело возвращался к Элине. Девушка, утратив интерес к разговору мужчин, подошла к одному из кустов, высаженных вдоль парковой дорожки, и бережно опустила на него крохотную ладонь. Игорь посмотрел на свои руки: покрытые шрамами, с широкими ладонями и сбитыми костяшками пальцев, они отличались от рук Элины, как старый лесной волк отличался от породистой кошки. Неведомо от чего смутившись, Игорь убрал ладони в карманы джинсов.

Наблюдая за девушкой, Игорь не сразу заметил, как куст под её рукой начал меняться. Листья позеленели, и между ветвей проглянули крохотные бутоны. Они раскрывались буквально на глазах, будто в ускоренной съёмке, и уже через несколько секунд куст был усеян расцветшей сиренью. До ноздрей Лазарева донёлся нехарактерный для осени запах.

— Ну вы скоро? — раздавшийся откуда-то сбоку резкий голос разрушил идиллию. Подошедший к ним парень с волосами цвета пепла выглядел чуть старше Игоря: впрочем, вполне возможно, что это было из-за морщин, рано обосновавшихся на лбу. Вот и сейчас парень хмурился, переводя взгляд чёрных, резко выделяющихся на фоне бледного лица глаз с Лазарева на Элину и обратно. На Хвою он даже не смотрел.

— Да, мы почти закончили, — ответил ему Хвой, раздражённо дёрнув щекой. Похоже, общение с гостем не слишком-то его радовало.

Пепельноволосый парень вздёрнул острый, похожий на нож подбородок:

— Давайте уже быстрее. Нас ждут. Элина, пойдём отсюда.

Девушка кинула на Игоря извиняющийся взгляд, — мол, прости, но нам и вправду пора, — и сказала ему, даже не обернувшись в сторону пепельноволосого:

— Рада была знакомству, Игорь. Ну, ещё увидимся.

— Взаимно. Всего доброго, — рассеянно ответил он.

Девушка развернулась и пошла к выходу из парка. Смерив Лазарева долгим неприязненным взглядом, пепельноволосый парень направился следом за ней. Его длинные волосы взметнулись в воздух, вызвав у Игоря осуждение вперемешку с сочувствием: похоже, к тому времени, как парень зашёл в парикмахерскую, мужские стрижки уже закончились.

— Игорь, это всё, что ты хотел узнать? — помявшись, уточнил Хвой. — Если да, то я тоже пойду.

— Это её парень?

Хвой удивлённо вскинул брови — такого вопроса он явно не ожидал.

— Тёрн-то? Нет. Не совсем. То есть... Он, конечно, хотел бы этого, и, вполне вероятно, что брак между ними будет заключён, но... В общем, нет, — Хвой решительно тряхнул головой и повторил, словно стремясь убедить самого себя. — Нет, они не встречаются.

— Так говоришь, будто тебе бы этого совсем не хотелось, — заметил Игорь. Хвой фыркнул:

— Разумеется, не хотелось бы. Элина мне как сестра. А какого здравомыслящего человека обрадовало бы, если бы его сестра была с напыщенным индюком, будь он хоть

трижды сильнейшим молодым элементом Дома?

– Ты прав, – усмехнулся Игорь. — Никакому.

– Ладно, пойду я. Давай, пока.

– Счастливо, Хвой, – Игорь крепко пожал протянутую руку, и зеленоволосый парень, кивнув ему, двинулся следом за своими друзьями. Если, конечно, они являлись таковыми: насчёт Тёрна, например, Лазарев уверен не был.

Он достал из кармана телефон и набрал номер Кратова. Информацией, которую он узнал, требовалось немедленно поделиться: если Хвой и Элина сказали правду, значит, с большой долей вероятности фальсиформика в числе прочих найденных Бальсой предметов осталась в Лабиринте Руниста. Если так, то проникать в Дом Деметры не было никакого смысла. Следовало как можно скорее отправляться в Лабиринт.

Из телефона раздались гудки. Игорь терпеливо выжидал, однако ответа не последовало, и тогда он набрал номер ещё раз. И снова. Трубку не поднимали.

Игорь выругался. Время, которое он просил выждать, ещё не истекло, однако Филипп не отвечал на звонки. Причины, конечно, могли быть разными, и паниковать определённно не стоило, однако одна догадка плотно засела в голове Лазарева и никак не хотела её покидать, как бы он ни старался убедить себя, что всё в порядке.

Филипп не стал ждать и отправился в Дом Деметры.

Не выдержав, Игорь стремительным движением поднялся на ноги. Он задержался лишь на секунду, чтобы сорвать один из пучков сирени, распространяющей приятный умиротворяющий запах. Впрочем, Игоря он несколько не успокаивал.

Чтобы добраться до Лабиринта Руниста, Игорь арендовал машину. Хвой не соврал — искомый холм выделялся на фоне остальных как своими размерами, так и венчающими вершину камнями. Заглушив двигатель, Лазарев выбрался из автомобиля и осмотрелся.

Когда-то давно это нагромождение из валунов, похоже, могло быть статуей — по крайней мере, в очертаниях возвышающегося над остальными камнями ещё можно было угадать человеческую фигуру, – однако годы не пощадили её, обтесав так, что разобрать, кому она посвящена, не было никакой возможности. Достав из кармана телефон, Игорь в очередной раз попытался дозвониться до Кратова.

Безрезультатно.

Тогда он решил написать Георгию Геннадьевичу. Нужный контакт нашёлся быстро. Пальцы Игоря застучали по клавиатуре:

«Есть информация, что искомый нами предмет может находиться в Лабиринте Руниста. Направляюсь туда».

Подумав, он скинул Григорию Геннадьевичу свою геолокацию. Неизвестно, удастся ему выбраться из пещеры или нет, поэтому Игорь решил перестраховаться. По крайней мере, они будут знать, где его искать.

На ходу сунув телефон обратно в карман, Игорь двинулся к холму. Заросшая тропинка петляла между кустов, густо усеивающих окружающую местность. Лазарев перешагивал через крупные камни, изредка попадающиеся под ноги, и размышлял о том, что же будет с ним дальше.

Судя по тому, что рассказывали Хвой и Элина, ничего хорошего ждать не приходилось. Он и сам удивлялся тому, с каким фатализмом идёт на возможную смерть: в конце концов, люди погибали здесь не просто так — однако страха почему-то не было. Возможно, причина

крылась в том, что ему, если повезёт, не придётся заходить вглубь пещеры: неизвестно, как далеко забрался Бальса, прежде чем умереть.

Если повезёт... Игорь невесело хмыкнул. Удача редко поворачивалась к нему лицом, но это ничего не меняло: он знал, что должен попасть в Лабиринт Руниста, чтобы помочь дочери Кратова, поэтому никакого выбора у него, в общем-то, и не было.

Мысли вновь вернулись к Филиппу, и Игорь в сердцах выругался. Почему он не выждал оговоренный срок? Остановить бывшего напарника не было никакой возможности. Более того, приход Игоря в Дом Деметры ещё больше усугубил бы те сложности, которые сулило Кратову посещение одного из самых охраняемых особняков современности. Нет, лучшее, что мог сделать Лазарев — это проникнуть в Лабиринт Руниста и найти фальсиформику. Только это способно было помочь, по крайней мере, одному из семьи Кратовых.

Тропа круто вздымалась вверх, и Игорь едва не споткнулся об очередной валун. Несмотря на комфортную осеннюю погоду, его лоб покрылся испариной. Лазарев вытер вспотевшие ладони о камуфлированную крутку: прежде, чем отправиться к Лабиринту, он заехал домой и переоделся в рабочую одежду. Лазить по пещерам в брюках и водолазке показалось ему нелепой идеей.

Григорий Геннадьевич на сообщение так и не ответил. Игорь даже подумывал о том, чтобы позвонить ему, но осадил себя: всё, что было нужно, он уже сообщил, и звонить учителю Сони не было никакого смысла. Филипп не слишком-то жаловал Григория Геннадьевича, а потому едва ли он стал бы делиться с ним своими планами по проникновению в Дом Деметры.

Вершина холма оказалась плоской, будто какой-то великан срезал её ножом. Она появилась перед Игорем неожиданно: вот он обходит очередной разлапистый куст, коих, казалось, возле тропы больше сотни, и вот — под натруженными ногами вместо крутого подъёма наконец оказалась плоская утоптанная земля без единой травинки. Мёртвая земля.

Тропа исчезла, но в ней больше не было нужды. Здесь, на вершине холма, было лишь одно место, куда можно было пойти.

В конце каменистой площадки располагалось небольшое возвышение, прыщом выделяющееся на безупречно-гладкой поверхности земли. Эдакий холм на холме. Только вот, в отличие от своего старшего собрата, этот холм представлял собой скопление каменных плит с возвышающейся на них статуей. Не теряя ни минуты, Игорь направился к ней. Приблизившись, он вздрогнул.

Нет, причина была не в зловещей статуе, у подножия которой он оказался. Она, конечно, могла внушить трепет рунистам, посещающим этот холм как святое место, последнее пристанище великого деятеля прошлого. На Игоря она такого эффекта не произвела. Зато обломки костей, торчащие из-под крупного валуна, заставили его приглушённо выругаться.

Это вполне могли быть останки какого-то животного, неудачно угодившего под рухнувший сверху камень, но верилось в подобное слабо. Слишком сильно белые, затёртые ветром останки походили на берцовые кости. А валяющаяся поблизости россыпь маленьких овалов в далёком прошлом легко могла быть чьими-то пальцами.

Игорь остановился. Прямо за этим валуном зияла чернотой глубокая расщелина, уходящая куда-то под статую. Некстати вспомнились предупреждения Элины о том, что никто из людей, проникших в Лабиринт Руниста, так оттуда и не вернулся.

Воспоминание об Элине заставило Игоря ненадолго прикрыть глаза. Может быть...

«Да нет, – тут же одёрнул он себя. — Не в этой жизни».

Это был последний шанс, чтобы повернуть назад и отступить, но Игорь не стал об этом задумываться. Он знал: если какое-то действие внушает тебе страх, следует предпринять его как можно скорее.

Извлечённый из бокового кармана фонарик белым лучом осветил ступеньки, до этого скрытые темнотой расщелины. Последний раз глубоко вдохнув чистый воздух открытого пространства, Игорь шагнул внутрь.

Возле огромного особняка было немало сторонних пристроек. В конце концов, чтобы обеспечить максимально комфортные условия для хозяев, требовалось многое: место, где будет отдыхать охрана, освободившаяся после патрулирования. Небольшой домик для слуг, которых никто не стал размещать в основном здании. Гараж, размерами в несколько раз превосходящий предыдущую постройку, располагался поблизости от кованых металлических ворот, установка которых стоила целое состояние, был заполнен автомобилями, каждый из которых стоил столько, сколько, пожалуй, обычному человеку не заработать и за десяток лет. Но одно из зданий находилось отдельно от всех остальных.

Что ни говори, а здание сильно выделялось. Окруженное плотно посаженными высокими деревьями, оно было построено относительно недавно. Что такое двадцать лет, когда другие здания разменяли уже не первую сотню? Этого дома не должно было существовать. И всё же — он был.

Обособник скрывал его от посторонних, как молчаливый страж, ограничивающий доступ к своему детищу. Впрочем, все люди, работающие на территории Дома Прометея, прекрасно знали о нём, как знали и то, что приближаться к небольшому одноэтажному домику, было строго-настрого запрещено всем, кроме узкого круга лиц. Впрочем, человека, вошедшего в узкую дверь из толстого морёного дуба, никто не посмел бы остановить, ведь именно он этот узкий круг и возглавлял.

— Привет, Ангелина.

Голос Прометея эхом пронёсся по пустому помещению. Здесь не было практически ничего: наскоро оштукатуренные стены не украшали ни картины, ни драпировки, свойственные роскошному особняку. По сути, здесь было всего две вещи.

Первым предметом, находившимся внутри дома, был изящной работы гроб, выплавленный из цельного куска светло-серебристого металла. Вторым — простой деревянный стул, расположенный возле этого самого гроба.

Прометей неторопливо подошёл к гробу и нежно провёл по нему широкой, покрытой густой сеткой толстых вен ладонью. Затем он степенно опустился на стул. Он вообще не любил спешку, считая её уделом слабых людей, а с возрастом стал ценить неторопливость ещё больше. Тем более, что нестись куда-то сломя голову ему никогда не было нужды.

— Я встретил твоего сына, — без предисловий заговорил он. Никто ему не ответил, но он и не ждал этого: на самом деле Прометей не был даже уверен, что дочь его слышит. И всё же он регулярно приходил сюда, чтобы поговорить. Это было нужно в первую очередь ему самому.

— Если честно, не ожидал, что это произойдёт. Это моя ошибка: я даже не знал, жив ли он — без пробуждённых способностей найти его было бы затруднительно. Ваша хитрость сработала — запечатав его силу, вы надёжно скрыли его от моих глаз, — тут он позволил себе чуть улыбнуться. На его лице это выглядело странно и неуместно, будто трещина пересекла скалу. — То есть почти сработала. Несмотря на все ваши старания, парень умудрился развить свои способности. Представляешь?

Он помолчал, задумчиво уставившись на стену. Если бы кто-то вошёл в дом, ему могло бы показаться, что в глазах старика сверкнуло что-то, похожее на гордость. Впрочем, войти сюда никто не мог: Прометей об этом позаботился. Медленно вздохнув, он заговорил снова:

— Да... Это ведь ты сделала, верно? Хотела сберечь своего ребёнка. А может, это сделал кто-то ещё... Впрочем, это не имеет значения. Важно другое: мальчик вырос, и у него твой характер. Ты бы видела, как он на меня злобно зыркал, когда я рассказал ему о тебе! — тут Прометей коротко хохотнул. Затем его губы скривились в презрительной гримасе:

— Твой муж, этот слабак, никогда не смел смотреть на меня таким образом. А этот сопляк даже кинулся на меня! — уже не сдерживаясь, Прометей засмеялся. — Прямо как ты. Можно даже никаких ДНК-тестов не делать — яблоко от яблони упало совсем недалеко.

Старик провёл узловатыми пальцами по редющей шевелюре. Помотав головой, он сжал руки в замок на своих коленях и долго смотрел на них, ничего не говоря. Трудно было понять, о чём он думает. Пожалуй, он и сам не до конца понимал.

Минуты медленно тянулись одна за другой. Прометей молчал — долго, так долго, что уже начало казаться, будто он и не собирается ничего больше говорить. Наконец он произнёс:

— Я отправлял за ним людей, и не раз. Андрей убил Клинова, но Игорю удалось сбежать. А при второй стычке твой паршивец умудрился навалить несколькими нашими элементариями и даже задал жару собственному двоюродному брату! — он уважительно покачал головой. — Да уж... Такой боец был бы гордостью для любого Дома. Но он выбрал другой путь, и теперь работает на СЗГ. Действует с кучкой жалких дикарей, которые не стоят и грамма его силы! — Прометей и сам не замечал, как распаляется. С каждым словом его голос гремел всё громче, и завершение фразы он практически прокричал. Осознав это, мужчина сделал паузу, чтобы успокоиться.

— Ну ничего. Это ненадолго, — пообещал Прометей. — Совсем скоро всё изменится, — он поднялся со стула, и в его движениях впервые за этот день появилась едва заметная дёрганость. Посмотрев на гроб, он с сожалением проговорил:

— Хотел бы я, чтобы ты сама это увидела. Но я прекрасно знаю, что произойдёт, если я тебя выпущу. Так что... Рано или поздно это, конечно, случится, но... Нет, — он решительно помотал головой. — Не сейчас.

Снаружи было прохладно. Прометей плотно прикрыл за собой дверь, зажмурил веки и замер, подставив лицо свежему дуновению ветерка. Прежде, чем возвращаться к делам, ему необходимо было взять себя в руки.

— Отец?

Прометей открыл глаза и искоса посмотрел на Павла. Лицо сына осунулось и подёрнулось сеткой из ранних морщин. Сейчас он выглядел гораздо старше, чем следовало в его сорок с небольшим лет — место мужчины в самом расцвете сил занял больной старик.

— Что такое? — осведомился Прометей.

— Отец, я хотел спросить тебя, — Павел заламывал руки, и это простое действие вызвало у Прометея раздражение. Ну почему его сыну не досталось гордости, как у дочери? Нет, Павел был слишком мягок. А мягкость рука об руку шла со слабостью. Набравшись смелости, Павел выпалил:

— Хотел узнать, когда ты меня отпустишь.

Прометей в деланном непонимании вскинул кустистые брови:

— Отпущу? О чём ты?

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я, — в голосе Павла тихой нотой прозвучала тщательно сдерживаемая злость. — Я дежурю здесь уже столько лет, что...

— Двадцать.

– Что? — Павел осёкся.

– Двадцать лет ты выполняешь ответственную задачу по защите своей сестры, — пояснил Прометей. — Двадцать лет ты достойно бережешь её покой.

– Нет, отец, — не согласился Павел, и Прометей удивлённо двинул челюстью. На его памяти это был первый случай, когда сын осмелился с ним в открытую пререкаться. — Двадцать лет я здесь в таком же заточении, как и она.

«О, нет уж, сынок, — подумал Прометей. — Для того, чтобы удержать дочь, мне потребовалось несколько центнеров родия. С тобой же достаточно одного лишь моего слова».

– Я хочу уйти отсюда, — сказал Павел. Надо отдать ему должное — голос сына практически не дрожал. — Отпусти меня.

– Давай-ка пройдемся, — вместо ответа предложил Прометей, и, не дожидаясь согласия, направился вперед по аккуратной дорожке между деревьями. Под ногами приятно похрустывала густо насыпанная галька. Ангелина всегда любила море.

Павел догнал его спустя несколько секунд. Прометей слышал недовольное дыхание сына, но тот молчал. Наконец старик счёл, что выдержал достаточную паузу, и заговорил:

– Из-за тебя — и даже не пытайся отрицать! — Клинков сбежал. Это не было бы проблемой, не прихвати он с собой, — Прометей повернул голову к сыну, и в его глазах сверкнула ярость, — моего внука! Это твоя оплошность. Только твоя, — старик вздохнул и отвернулся. — А я всегда учил тебя, что за свои поступки нужно отвечать.

– Я отвечаю за это уже двадцать лет! Разве этого недостаточно?

Прометей остановился.

– Здесь я решаю, чего достаточно, а чего — нет. Ты остаешься охранять саркофаг. Разговор окончен.

Он до последнего ожидал, что сын возразит, вспылит, сделает что угодно — да хоть кинется на него! — но Павел смолчал. Разочарованно фыркнув, Прометей пошёл прочь от домика.

Небольшое строение, ставшее узилищем для его дочери, огораживал забор, превращающий его в крепость на территории крепости. Выходя за калитку, Прометей бросил охраннику, патрулирующему местность поблизости:

– Ты, — он не утруждался запоминанием имён подчинённых, — передай остальным, чтобы приготовились. Скоро мы выступаем.

Охранник быстро кивнул. Он не знал, к чему следует готовиться, однако годы службы в Доме Прометей научили его не задавать лишних вопросов и слепо подчиняться приказам Главы, поэтому он немедленно побежал вперед.

Прометей остановился и поднял голову. В небе сгущались тучи. Похоже, в ближайшее время пойдёт дождь.

– Да... — шёпотом повторил он обещание, данное дочери. — Скоро всё изменится.

Внутри пещеры было темно. Мощности фонарика не хватало, чтобы осветить окружение Игоря, поэтому продвигался он медленно, особое внимание уделяя каменным ступенькам под ногами. Не достичь цели из-за какой-нибудь нелепой случайности, вроде подвёрнутой ноги, Лазареву не хотелось.

Идти пришлось не слишком долго. Лестничные пролёты были короткими, но их оказалось много, и Игорь недовольно покачал головой: он столько времени потратил на

подъём, а теперь был вынужден спускаться. Уже из-за этого Лабиринт можно было считать проклятым местом.

Наконец ступеньки закончились. Игорь оказался в широком коридоре со стенами, которые были слишком ровными, чтобы иметь естественное происхождение. Луч белого света выхватил из темноты узкие полоски, пересекающиеся между собой под прямыми углами. Игорь присмотрелся повнимательнее: полосы чётко разделяли квадратные плиты, покрывающие стены.

Именно этот взгляд на стену и позволил ему вовремя среагировать, когда под ногой что-то провалилось вниз. Он тут же одёрнул ногу, но было уже поздно: одна из плит на уровне груди со скрипом приоткрылась, как створка двери, за ней коротко блеснуло, и Игорь тут же упал на спину, пропуская над собой вылетевший из стены предмет. Падение сопровождалось глухим звуком удара камня о камень — доспех на Игоре возник прежде, чем он успел об этом подумать. Сверху раздался металлический лязг. Лазарев, не вставая, повернул голову в сторону.

В стене, совсем рядом с тем местом, откуда он вышел, торчало несколько стрел. Оперение пары из них всё ещё подрагивало от силы, с которой они были запущены. Впрочем, были и другие — пожалуй, не меньше десятка. За некоторыми из них Игорь разглядел на камне тёмные пятна. Похоже, не всем посетителям Лабиринта удалось увернуться так же ловко, как и ему.

Убедившись, что никакого продолжения не последует, Лазарев поднялся на ноги. Он и до этого не спешил, однако сейчас его внимание обострилось до предела. Глаза цепко осматривали стены, пол и даже потолок, ожидая нападения откуда угодно. Убирать доспех он не стал: неизвестно, повезёт ли ему со следующими ловушками так же, как и с самой первой. Подумав, он решил его усилить. Игорь скинул куртку и повязал её вокруг пояса. Каменную корку, покрывающую его тело, пересекла сетка из трещин, в которых в такт биению его сердца пульсировала лава. Её свечения было вполне достаточно, чтобы сменить густую темноту пещеры сумраком. Конечно, этого было маловато, и тем не менее, уже можно было кое-что рассмотреть. По крайней мере, теперь Игорю не требовалось подсвечивать каждый свой шаг фонариком.

Каждый шаг вздымал в воздух целые облака пыли. Рассмотреть что-то в подобном беспорядке было крайне непросто, однако Игорь не сдавался, тщательно осматривая каждый сантиметр пола прежде, чем поставить туда ногу. И всего пару минут спустя он убедился, что действует правильно.

Коридор сменился спиральной лестницей из подгнивших, жалобно скрипящих досок, уходящих куда-то вглубь холма. Игорь мысленно прикинул пройденное расстояние. По всему выходило, что он уже должен был достичь уровня земли, а это, в свою очередь, могло означать лишь одно: Лабиринт Руниста находился глубоко под землёй. Холм со статуей был всего лишь входом. Это объясняло, почему до сих пор Игорю встретились лишь одна ловушка.

На предпоследней ступеньке Лазарев остановился, опустил на корточки и принялся разглядывать пол перед собой. В отличие от каменных плит наверху, здесь под ногами находилась бугристая поверхность плотно утрамбованной земли. Игорь не был уверен, плохо это или хорошо.

Та ловушка, в которую он едва не угодил в самом начале своего пути, была механической, и сейчас он сосредоточенно искал внизу следы любых используемых

механизмов. Ничего особенного, что могло бы вызвать его опасение, он не обнаружил, однако настороженность никак не желала исчезать, и Игорь для собственного успокоения решил провести ещё один эксперимент.

Уперевшись руками в последнюю ступеньку, он набрал полные лёгкие воздуха, опустил голову так низко, что его подбородок практически коснулся земли, и резко выдохнул. От поднявшейся пыли пришлось зажмурить глаза. Игорь отвернул лицо в сторону и с чувством сплюнул, избавляясь от поселившегося во рту землистого привкуса. Выждав ещё несколько секунд, он вновь посмотрел вниз.

Разумеется, ни один выдох в мире не мог полностью очистить поверхность земляного пола от устилающей его многолетней пыли, однако некоторого результата Игорь всё же достиг. Пусть и на небольшом участке, но пыли стало ощутимо меньше, и этого оказалось достаточно, чтобы убедить Игоря: осторожности много не бывает.

Меньше чем в полуметре от степеней по полу вилась тонкая вязь сложных знаков. Они были нацарапаны прямо на земле — вырезаны, будто остро заточенным ножом, — и образовывали витиеватый узор неизвестного назначения. Что-то подсказывало Игорю, что ничего хорошего ожидать не стоит.

Лазарев присмотрелся: теперь, когда он знал, что искать, изучение поверхности стало значительно легче. Получившаяся картина совершенно не радовала.

Фонарик выхватывал из темноты всё новые и новые покрытые пылью узоры. Игорь запоздало осознал, что именно поэтому пещера называлась Лабиринтом Руниста: обойти все начерченные на земле знаки представлялось той ещё задачей.

Прежде, чем двигаться вперёд, Игорь решил кое-что проверить. Поднявшись по лестнице чуть выше, он присел на корточки и вцепился пальцами в соседнюю ступеньку. Подгнившее дерево податливо хрустнуло под окаменевшими пальцами, и Игорь одним рывком оторвал кусок размером с ладонь. Движение кистью — и обломок доски полетел вниз, прямо в центр ближайшего узора.

Он ударился об землю и подскочил вверх. Игорь уже подумал, что ничего не произойдёт, что руны за прошедшие годы выдохлись, утратили силу — однако его надежды не оправдались. Не успел обломок дерева приземлиться во второй раз, как полыхнуло белым, и несчастный кусок ступеньки, вращаясь, резко взметнулся вверх. Пролетев по крутой дуге, он упал на участок земли, свободный от рун, и рассыпался на кучу маленьких кусочков. Игорь готов был поклясться, что каждый из них покрывал налёт, больше всего напоминающий иней.

Лазарев вздрогнул. Между касанием печати и моментом её срабатывания прошла какая-то доля секунды — слишком мало времени, чтобы успеть убежать. Вывод напрашивался один: ни в коем случае нельзя было касаться ни одной из печатей.

Твёрдо пообещав себе быть осторожным, Игорь медленно пошёл вперед. Прежде, чем переставить ногу, он тщательно осматривал поверхность земли, выискивая следы рун. Они находились повсюду: маршрут, по которому двигался Игорь, был практически непредсказуем, повороты — неожиданны, пару раз ему пришлось даже прыгать. В такие моменты сердце его уходило в пятки. Стоило оступиться — и путешествие по Лабиринту могло закончиться для Лазарева печально.

Когда позади было больше половины пути, переход стал казаться даже монотонным. Свою долю скуки добавлял и тот факт, что каждый следующий узор на полу в точности повторял предыдущий, и спустя некоторое время Игорь начал думать, что и сам способен

начертить подобную руну. Сегодня он, наверное, увидел её не меньше сотни раз.

Наконец последний узор оказался позади. Игорь с облегчением ступил на метр свободной земли, вплотную примыкающей к стене. Встроенная в неё дверь практически не выделялась. Её выдавала тень, отбрасываемая ручкой в свете карманного фонарика. Внимательный осмотр двери показал, что никаких рун на ней нет. Игорь толкнул её.

Дверь даже не шелохнулась. Тогда Игорь взялся за ручку и медленно потянул её на себя. Створка двигалась с некоторым сопротивлением, которое он списал на проржавевший от времени механизм. Когда он осознал свою ошибку, было уже слишком поздно.

Тонкая, незаметная в темноте леска, закреплённая на обратной стороне двери, с негромким звуком лопнула. Ярко полыхнуло, так, что Игорь на секунду ослеп. Прикрыв глаза, он автоматически сделал шаг назад, угодив пяткой на самый край последнего из узоров на полу.

Прежде, чем он успел сделать ещё, руна взорвалась, утопив пещеру в светло-голубой вспышке.

Уважаемые читатели! (если вы ещё есть).

Во-первых, спасибо, что продолжаете следить за историей элементарей. Как вы могли заметить, в последнее время я совсем не в ладах со сроками выкладки новых глав, поэтому теперь, чтобы никого не обманывать, я буду выкладывать по одной главе в неделю (если получится — то больше, но обещать не могу — слишком много навалилось дел).

Ещё — прежде, чем писать следующую главу, хочу родить рассказ в жанре тёмного фэнтези (сюжет готов, осталось самое простое — написать его).

Это будет задел для следующей книги.

Что касается «Силы стихии», осталось 5 глав, так что потерпите мою низкую скорость ещё немного. Каждая из глав очень важна, поэтому я хочу приложить максимум усилий для того, чтобы они получились качественными и проработанными.

Спасибо за терпение)

Он почти успел отскочить.

Вспышка ослепила Игоря, и он, зажмурившись, резко рванул вперёд, стараясь убраться как можно дальше от сработавшей печати. Бело-голубое облако в последний момент самым краем зацепила его левую руку, обжигая таким неистовым холодом, что не спасал даже доспех.

Игорь выругался. Там, где совсем недавно пробегали полыхающие жаром ручейки лавы, сейчас покоились застывшие полосы из чёрного камня. Он попробовал сжать кулак. Пальцы слушались неохотно, словно Игорь отлежал руку.

Он усилил поток стихийной энергии, циркулирующей в теле. Стало легче, но ненамного: по крайней мере, чёрный камень, поселившийся в его конечности, и не подумал никуда исчезать.

Игорь зло выругался. Как можно было так глупо попасться! Он повернулся к двери, которую обвинял в своей ошибке, и с силой пнул её ногой.

Дверь распахнулась. За ней начиналась лестница — точная копия той, по которой он спускался на этот этаж. В прошлый раз на ступенях не было ни одной ловушки, но Игорь не ослаблял бдительности, тщательно осматривая места, куда собирался поставить ногу.

Спуск прошел без происшествий. Этаж, на котором оказался Игорь, в точности повторял предыдущий, совпадая и размером, и формой. Отличались лишь руны, усеивающие поверхность пола: они отливали красным и были расположены в другом порядке. Пройти тем же маршрутом, что и наверху, не получится.

Аккуратно ступая на свободные места между печатями, Игорь двинулся вперёд. Проверять действие печатей ему не хотелось, да этого и не требовалось: пока он проходил эту комнату, несколько раз ему под ноги попадались обугленные человеческие кости.

Как бы то ни было, со вторым этажом он справился удачнее, чем с первым. Дойдя до конца, он прижался к стене и непослушной рукой толкнул дверь. Как оказалось, предосторожность была не напрасна: из распахнувшегося проёма ударил густой поток пламени, дыханием дракона покрыв добрую половину помещения. Игорю пришлось выждать с десятков секунд, прижимаясь к стремительно нагревающейся стене, прежде чем огонь затих.

Очередная лестница, третья по счёту, как и предыдущая, обошлась без сюрпризов. Помещение внизу было точной копией двух других. Игорь обречённо выдохнул. Лабиринт начинал его утомлять. Единственное, что отличало эту комнату, — здесь повсюду располагались столбы высотой в человеческий рост, разбросанные в случайном порядке.

Первая половина пути прошла спокойно. Игорь шёл так же, как и раньше, привыкнув, что нужно избегать печатей, на это раз — коричневого цвета. Это было ошибкой. На очередном шаге земля под ним вздыбилась, обнаружив под собой нажимную плиту, которая взметнулась вверх, подбрасывая Игоря.

Оказавшись в воздухе, он перевернулся и увидел под собой один из столбов. Его навершие украшала маленькая печать, впрочем, Игорь не обманывался на её счёт: менее смертоносной от этого она не становилась.

На раздумья у Игоря были доли секунды. Неизвестно, как действуют печати на столбах, однако выбирать не приходилось: приземлиться на пол так, чтобы не задеть ни одну из

печатей, было слишком сложно.

Он оттолкнулся от столба быстро, так, чтобы отпрыгнуть от него прежде, чем сработает печать. Уже в полёте, перемещаясь к следующей колонне, он краем глаза заметил острые каменные шипы, выросшие из столба за его спиной.

Стараясь не задерживаться ни на одной из приземистых колонн, Игорь принялся прыгать по ним вперёд. О том, что произойдёт, если он оступится, Лазарев старался не думать. После каждого толчка он слышал, как за его спиной со скрежетом вздымаются каменные пики, и он боялся представить, как работают сложные печати на полу.

Игорь гнал от себя все мысли, полностью сосредоточившись на процессе. Прыжок. Ещё прыжок. Мимо проносились всё новые и новые колонны, к счастью, расположенные достаточно близко, чтобы Игорю удавалось на них попадать. Дорожка из столбов вела его к дальней стене помещения.

Вершина последней из колонн почему-то раскрошилась, и угодившая на неё нога Игоря предательски подвернулась. Сердце пропустило удар, страх сжал желудок; падая, Игорь видел, как колонна приближается к его груди, но всё, что он успел сделать, — это выставить руки вперёд и направить всю силу на укрепление своего доспеха, ожидая, что острый шип врежется в грудь.

Но удара не последовало.

Печать на повреждённой колонне не сработала — видимо, раскрошившийся камень нарушил её контур. Упав животом на столб, Игорь обхватил его обеими руками и напрягся, удерживая себя наверху. В том, что ему повезёт снова, если он угодит на очередной узор, он очень сомневался.

Оттолкнувшись от колонны, Игорь перескочил последний опасный участок и приземлился на безопасной полосе у края комнаты, снова прижался к стене и толкнул дверь. На этот раз ничего не произошло. Игорь простоял на месте ещё с минуту, предполагая подвох, но ни вспышек света, ни потоков огня не последовало, и он осторожно ступил на очередную лестницу.

Вид, открывшийся ему внизу, отличался от всего, что он встречал ранее. Комната была такого же размера, как и все остальные, однако на этом сходство заканчивалось. Никаких печатей на полу не оказалось, но Игорь всё равно замер, шокированным взглядом осматривая помещение.

Его внимание привлекли три статуи, обращённые лицом к огромному рисунку, украшающему дальнюю стену. Печать огромных размеров была единственным узором в этом помещении, но Игорь почувствовал, что эта комната была гораздо опаснее предыдущих.

Он стоял на месте, не шевелясь, наверное, минут десять. Осматривал помещение, изучал пол, стены, даже потолок — и не мог обнаружить ничего, ни одной ловушки. Это напрягало его: неизвестность пугала гораздо сильнее, чем очевидная опасность остальных комнат. Глубоко вдохнув, как перед прыжком в воду, Игорь шагнул вперёд.

Комната осталась такой же, как прежде. Не выстреливали остро заточенные гарпуны, не ударили потоки холода или пламени, не возникло каменных пик, стремящихся пронзить незваного гостя лабиринта — ничего. Не ослабляя бдительности, Игорь шёл вперёд, пока не добрался до первой из статуй.

Человек с распахнутым от ужаса лицом взирал на печать в конце коридора. Игорь про себя восхитился искусством мастера, из-под чьей руки вышла эта статуя: мужчина выглядел, как живой. Лазарев аккуратно прикоснулся к старомодному кафтану, в который была

облачена фигура. Истлевшая от времени одежда была настоящей. Осенённый страшной догадкой, Игорь притронулся к руке мужчины. Под покрытыми каменным доспехом пальцами податливо примялась человеческая кожа.

Лазарев в ужасе отшатнулся. Перед ним стоял обычный мужчина — вернее, то, что когда-то им было: прикоснувшись к руке ещё раз, Игорь не обнаружил под кожей пульса. Холодное тело мертвеца замерло посреди комнаты, так и не сумев отвести взгляда от печати на дальней стене.

Уже зная, что обнаружит, Игорь подошёл к следующей фигуре, на этот раз — женской. Глубокая старуха стояла чуть дальше, чем первая статуя, но выражение её лица, искажённого от ужаса, ничуть не отличалось. Игорь двинулся к третьей фигуре.

Грузный мужчина с длинной, достающей до внушительного живота бородой подошёл к печати ближе, чем остальные. Сжатые глаза не уберегли его от пагубного воздействия печати. Как и не помогли странные вещи, увешивающие его с головы до ног.

Амулет в виде птичьего черепа с вырезанным прямо на лбу символом. Высушенная лапка какого-то животного, украшающая пояс. Кольца — по одному на каждый из толстых, волосатых пальцев. Этот мужчина как никто другой подходил под описание, которое дала Элина: куча артефактов, напоминающих сущие безделушки, натолкнули Игоря на мысль, что он-таки нашёл Бальсу. Игорь принялся внимательно осматривать его, пытаясь отыскать то, за чем вообще спустился в этот Лабиринт.

Среди вещей, надетых на Бальсу, никаких насекомых не обнаружилось. Переборыв брезгливость, Игорь принялся прощупывать карманы мертвеца, извлекая их содержимое наружу.

Монетка. Старинные часы на цепочке. Проржавевший от времени складной нож. Кусок веревки.

Игорь выбрасывал бесполезные вещи на пол, продолжая поиски. Когда карманы Бальсы опустели, он ещё раз похлопал руками по одежде мужчины. Затем — ещё раз.

Ничего. Сколько бы вещей Бальса не захватил с собой в Лабиринт Руниста, фальсиформики среди них не было.

Не сдерживаясь, Игорь выругался во весь голос, сел прямо на холодные плиты пола и запустил руки в волосы. Поход в Лабиринт оказался напрасным.

«Всё было зря, — подумал Игорь, ощущая, как внутри него поднимается неконтролируемая ярость. — Это всё бесполезно. Фальсиформики здесь нет».

Он одним рывком вскочил на ноги. Перед Бальсой, прямо под огромной руной, стояла каменная урна, достающая Игорю до груди. Лазарев схватил её, оторвал от земли и швырнул её об стену.

Осколки урны рассыпались на пол, раскрыв её содержимое. В воздухе, медленно оседая, повисло облако праха. Игорь уже разворачивался, чтобы уйти, когда в свете лавы, струящейся по его телу, что-то блеснуло.

Увесистый амулет, выполненный из золота с инкрустированным в него рубином лежал среди осколков урны. Игорь поднял его с пола и с силой выдохнул, сдувая с амулета осевшие на него клочки праха.

— Красивая вещица, — вслух сказал Игорь, чувствуя, как злость заполняет его с новой силой. — Но абсолютно... Бесполезная!

Ярость срочно требовала выхода. Зарывав, Игорь размахнулся и с силой бросил амулет в стену, угодив прямо в центр начерченной на ней руны.

Раздался какой-то скрежет, словно заработал старый, плохо смазанный, а оттого проржавевший механизм. Участок стены сдвинулся в сторону. Игорь почувствовал на своем лице лёгкое дуновение ветерка. Подумав, он подобрал с пола амулет и быстро подошёл к открывшемуся проёму.

Выход вёл наружу. Игорь заглянул в проём: над головой простиралось сумеречное, укрытое облаками небо. Участок пола выдвигался вперёд, козырьком нависая над крутым обрывом, в глубине которого виднелось небольшое озерцо. Игорь сплюнул. Прыгать туда, не зная, насколько глубоководём, было самоубийством. Он уже развернулся, смирившись с мыслью, что обратно придётся идти тем же путём, каким он попал сюда, когда до его ушей донёсся отдаленный грохот.

Холм задрожал. Осколки урны начали ритмично подпрыгивать вверх, пыль поднялась в воздух, и прежде, чем Игорь успел сделать хоть шаг, с потолка одна за одной посыпались огромные каменные плиты — слишком уж квадратные, чтобы это было случайностью: похоже, создатель Лабиринта не планировал оставлять расхитителей своей гробницы в живых.

Путь назад был закрыт. Игорь попятился, вновь оказавшись на козырьке, выступающим над обрывом, и обернулся. Прыгать он не собирался: расстояние было слишком большим, чтобы быть уверенным в успехе такого манёвра. Поэтому Игорь сел на подрагивающий козырёк, вцепился в него руками и свесился вниз.

Нога нащупала выступ. Игорь как заправский скалолаз принялся спускаться по отвесному склону, молясь про себя, чтобы ни один из камней, упавших в результате обвала, не угодил в него сверху. Никакой доспех — даже самый прочный — не спасёт его, если его придавит гигантская каменная глыба.

Посыпавшаяся сверху пыль набилась припорошила Игорю волосы, застлала глаза, набилась в рот. Предчувствуя, что одной лишь пылью дело не ограничится, он почти не глядя прыгнул в сторону и обеими руками вцепился в пересекающую отвесный склон трещину. Спустя каких-то пару секунд туда, откуда только что переместился Игорь, посыпались крупные, размером с человеческую голову обломки каменного козырька. Лазарев посмотрел вниз: здесь было не слишком высоко — от земли его отделяло не больше десяти метров, — однако усеивающие подножие холма камни не оставляли надежд на удачное приземление даже в доспехе. Игорь ожесточённо сплюнул. Сегодня он определённо превзошёл лимиты своей удачи.

Стоило только подумать об этом, как фортуна от него отвернулась: трещина под его пальцами, не выдержав давления человеческого веса, раскрошилась, и правая рука Игоря бессильно соскользнула вниз. Ноги тоже не находили под собой никакой опоры. Игорь повис на одной лишь левой руке, пострадавшей в Лабиринте Руниста.

Такого испытания онемевшая кисть уже не вынесла. Непослушные пальцы разжались, и Игорь полетел вниз. Единственное, что он успел сделать, — это в последний момент с силой оттолкнуться от склона обеими ногами, запуская своё тело как можно дальше. Уже разворачиваясь в воздухе лицом к стремительно приближающейся водной глади, он успел увидеть, как по разрушающемуся холму сплошным потоком катятся крупные каменные глыбы, буквально на глазах меняя окружающий пейзаж.

Несмотря на то, что Игорь успел сгруппироваться, удар об воду всё равно вышиб из него дух. Тело обьял холод, в глазах потемнело, и он едва сдержался, чтобы не вдохнуть. Озеро оказалось достаточно глубоким, чтобы Игорь, уйдя в него на несколько метров, так и не

достиг дна. Усилием воли избавившись от доспеха, он широкими гребками принялся выталкивать себя на поверхность.

К тому моменту, когда его голова вырвалась из озера, лёгкие Игоря уже практически горели. Он с жадностью плотнул свежий воздух, и в рот попало немного воды, заставив его энергично отплёвываться.

«Живой, — с облегчением подумал Игорь. — Всё-таки живой».

— Я помогу! Держись!

Так и не придя до конца в себя, Игорь ошалело повернулся на звук. Сбоку к нему приближался небольшой плот из двух обгорелых по краям стволов дерева, неведомо как скреплённых между собой. На плоту сидел Григорий Геннадьевич, свесившись к воде и протянув руку:

— Хватайся, скорее!

Игорь вцепился в его запястье, ощущая, как стискиваются на руке тонкие, костлявые пальцы, и вдруг его тело разом потяжелело и обмякло.

— Так, погоди-ка... Сейчас...

С видимым усилием учитель Сони втянул Игоря на импровизированный плот. Лазарев хотел ему помочь и попытался пошевелиться, но конечности никак не желали ему подчиняться, и он безвольным мешком висел в руках Григория Геннадьевича, пока тот наконец не уронил его на занозистые стволы.

— Фух! Ну ты и тяжёлый, конечно, — пожаловался он Игорю. Лазарев хотел сказать ему, что не может пошевелиться, но губы не шевелились, и изо рта не выходило ни звука. Единственной частью тела, которая продолжала его слушаться, были глаза, и он бешено вращал ими в орбитах.

— Да знаю я, что ты не можешь двигаться, — продолжил Григорий Геннадьевич. — И не надо на меня злобно зыркать! Мне это тоже не нравится, но так было нужно. Думаешь, легко было подготовить высшую печать паралича? Она выпивает из меня все силы, а это, скажу я тебе, не очень-то приятно, уж можешь мне поверить. Но по-другому я не смог бы выполнить уговор. Ну, скоро и сам поймёшь.

Игорь понимать не хотел, но его мнения никто не спрашивал. Всё, что ему оставалось, — это бессильно лежать и ждать, пока неспешно покачивающийся на ветру плот приближался к суше. Спустя несколько мучительно долгих минут учитель Сони объявил:

— Ну, вот мы и на месте.

Плот стукнулся о землю, и Игорь почти упал с него, когда его подхватили руки — слишком крепкие, чтобы принадлежать старому рунисту. Его вытащили, проволокли по песку и перевернули на спину. Игорь вперил взгляд в мужчину, который возвышался над ним. Солнце освещало его сзади, делая черты лица еле различимыми, но Лазарев слишком хорошо знал их, чтобы ошибиться.

— Привет, братец. Давно не виделись, а?

На него, широко улыбаясь, смотрел Накал.

— Ну что, — не переставая ухмыляться, продолжил Накал, — пора возвращаться домой.

— Минуточку! — раздался сбоку голос Григория Геннадьевича. — Мы ещё не закончили.

Накал сразу поскуchnел:

— Ах да. Ладно, делайте, что собирались. Только побыстрее.

Учитель Сони подошёл к Игорю и принялся ощупывать его карманы. Не обнаружив там ничего, кроме фонарика, он разозлился, схватил Лазарева за шею и приблизил лицо так, что они едва не столкнулись лбами. В глазах его горело бешенство на грани с безумием.

— Где фальсиформика?

Если бы Игорь мог засмеяться, он непременно бы это сделал. Так вот из-за чего весь этот спектакль! Видимо, прочитав что-то во взгляде Лазарева, Григорий Геннадьевич выругался и занёс ладонь для удара.

— Э, нет, уважаемый, — Накал перехватил его запястье в воздухе. — Так мы не договаривались.

— Её нет! — так, словно это что-то объясняло, выкрикнул старик. Накал в ответ пожал плечами:

— Да мне плевать.

Одним рывком он отбросил Григория Геннадьевича от Игоря на добрых пару метров. Упав, учитель Сони тут же вскочил на ноги и ощерился:

— Мне нужна фальсиформика.

— У него её нет, — констатировал Накал. — Значит, и в Лабиринте Руниста её не было. А может, её и вовсе не существует.

— Но...

— Никаких «но», — грубо оборвал Накал. — Я свою часть уговора выполнил и не моя вина, что ты не получил желаемого. Мы ухо...

Где-то неподалёку раздался взрыв. Накал резко вскинул голову:

— Моя машина! — он со злостью обернулся к Григорию Геннадьевичу, который, казалось, постарел лет на десять. — Ждите здесь. Я пойду и проверю, что там произошло. И не дай бог, — он строго посмотрел на учителя Сони, — с головы Игоря упадёт хоть один волос. Ты горько об этом пожалеешь, я гарантирую.

Не говоря больше ни слова, он бросился прочь. Григорий Геннадьевич тяжело сел на землю возле Игоря и заговорил:

— Всё пропало. Я так надеялся... Да что уж там, я бы и сам проверил этот чёртов Лабиринт! — Игорю показалось, что он услышал скрип зубов. — Но я не мог. Никто из рунистов не мог! В одной из комнат начерчен узор, который парализует каждого руниста, который на него посмотрит. Лабиринт мог пройти лишь тот, кто не был рунистом. Ты был моей последней надеждой, — Григорий Геннадьевич почти шептал. — А теперь... Всё пропало. Всё было бессмысленно, понимаешь?

Игорь не мог ответить — он лежал, полностью парализованный и лишённый возможности даже повернуть голову, — а потому был крайне удивлён, когда откуда-то сзади раздался хриплый голос:

— Я понимаю.

Над Игорем пронеслась какая-то тень, сбившая учителя Сони на землю, раздался влажный всхлип, старик вскрикнул, и Лазарев ощутил, как его бока коснулось что-то мокрое и тёплое. Он как мог скосил глаза в сторону.

— Я понимаю, — повторил Филипп, вонзивший руку Григорию Геннадьевичу в грудь. — Я всё понимаю, правда. Понимаю, как никто другой. Не понимаю только одного, — он наклонил голову и с сочувствием посмотрел на бывшего учителя Сони. — Почему?

— Не только твоему ребёнку... Нужна фальсиформика, — пузырящимися кровью губами прошептал старик.

Онемение неожиданно спало. Игорь почувствовал, что может шевелиться, будто ничего и не было, и тут же поднялся на ноги.

— Я думал, ты в Доме Деметры, — бросил он Филиппу.

— А я и собирался, — подтвердил Кратов, вытирая окровавленную руку об пиджак неподвижного старика. — Ты не представляешь, каких усилий мне стоило оставаться на месте, но я всё же решил выждать оговоренное время. И увидел, как этот, — он кивком головы указал на Григория Геннадьевича, — получив какое-то сообщение, сорвался из нашего убежища, словно за ним кто-то гнался. Я решил за ним проследить, и, как оказалось, не зря. А теперь сваливаем отсюда, пока Накал не вернулся.

— Что ты сделал с его машиной?

— Ну, скажем так: ездить на ней больше не получится, — оскалился Кратов.

С этой стороны холмов находились посадки деревьев, обрамляющих озеро, и над ними вилась отчетливая полоса дыма. Филипп побежал в противоположную сторону. Игорь, стараясь не отставать, двигался за ним. Мокрая одежда неприятно липла к телу, затрудняя движение; Лазарев осторожно активировал силу своей стихии. От вещей повалил пар, и бежать как будто бы стало чуть легче. Но левый рукав никак не желал сохнуть, и Игорь, не прекращая движения, посмотрел на него.

Сильно потрёпанный, он почти не скрывал руки, пострадавшей во время путешествия по Лабиринту Руниста. Чёрные полосы, распространившиеся от кисти к локтю, и не думали никуда исчезать, зависнув на запястье молчаливым напоминанием о ловушке, в которую угодил Лазарев.

От изучения последствий воздействия руны Игоря отвлек громкий звук удара, раздавшийся спереди. Кратова буквально смело в сторону: Накал, появившийся буквально из ниоткуда, мощным пинком отбросил Филиппа на добрый десяток метров. Кратов врезался в дерево, тонкий ствол которого протестующе скрипнул, но удержал человеческое тело. Впрочем, успех растения не продлился долго — второй удар Накала отбросил и Филиппа, и дерево, в которое он упирался. Несколько раз неловко перевернувшись в воздухе, Кратов упал в озеро.

Накал повернулся к Игорю, картинно отряхивая руки:

— Ну, а теперь, когда мы наконец избавились от лишних людей...

Игорь не дал ему договорить. На бегу приблизившись к Накалу, он подпрыгнул и на скачке ударил его левой, изменённой рукой прямо в челюсть. Противник явно был готов к атаке: его лицо успело покрыться металлическим блеском, — и тем не менее удар заставил его сделать несколько неловких шагов назад, чтобы восстановить равновесие. Он поднял голову и ошеломлённо взглянул на Игоря:

— Как ты это сделал?

Лазарев и сам не понимал, как ему это удалось, но сейчас на лице Накала, несмотря на металлический доспех, красовались две глубокие царапины, внутри которых проглядывалась быстро запекающаяся кровь. Игорь бросил быстрый взгляд на свою левую руку и покрывающие её полосы чёрных камней. Похоже, у повреждённого кулака появились новые возможности.

Мгновенно посерьёзнев, Накал на секунду прикрыл глаза и резко выдохнул. Воздух вокруг него подёрнулся рябью, одежда оборвалась и начала тлеть; наружу выглянули отливающие раскалённым металлом мышцы рук. Затвердевшее лицо побелело. Игорь подшагнул к нему и дважды ударил слева, но Накал успел укрыться под жёстким блоком. От столкновения стихийных доспехов в воздух взметнулись искры.

Они принялись обмениваться короткими ударами на близкой дистанции. Накал бил сильно и тяжело, и несколько раз Игорю чувствительно прилетело, заставив зубы громко лязгнуть. Крепко стиснув челюсти, он совершенно не сдерживаясь атаковал в ответ.

В какой-то момент Лазарев почувствовал, что преимущество на его стороне. Накал по-прежнему блокировал удары и бил сам, но как будто медленнее, чем в самом начале, и уж точно медленнее, чем Игорь. Воодушевившись, он удвоил напор, вынуждая противника уйти в глухую защиту. Такой рывок дался ему непросто — в конце концов, путешествие по Лабиринту с дальнейшим падением в воду и параличом не могли пройти бесследно, — но Игорь не мог поступить иначе, потому что увидел то, чего Накал заметить не смог.

Выбравшись на берег, Филипп на полусогнутых ногах подкрадывался к нему сзади. Кратов был без доспеха: всю свою стихийную силу он сосредоточил на кончиках пальцев, на которых сформировались длинные сверкающие когти из плотно спрессованного снега.

Поняв, что проигрывает в обмене ударами, Накал двумя руками отпихнул от себя Лазарева. Игорь качнулся назад и в последний момент перехватил врага за запястья, утягивая его за собой и не давая возможности посмотреть назад. Накал на мгновение потерял равновесие, и Кратов тут же этим воспользовался.

Одним рывком преодолев разделяющее их расстояние, он резко взмахнул рукой, целясь куда-то под рёбра. Когти ткнулись в правый бок Накала, и в глазах Филиппа загорелось торжество, но в следующий момент оно сменилось недоумением, и он посмотрел вниз.

Из-за Накала Игорь не видел, что произошло. Он почувствовал, как противник разворачивает руки и вскидывает их вверх, заставляя Лазарева разжать пальцы. Увесистый пинок в грудь довершил дело: несколько раз кувыркнувшись, Игорь упал в кусты.

Все эти действия заняли какие-то доли секунды. Отброшенный назад, Игорь, уже скрываясь среди веток, увидел, что так сильно удивило Кратова. Удар белых когтей, собравший в себе все его силы, не оставил на спине Накала не царапины. Черноволосый элементаль крутанулся на месте и взмахнул рукой, металлический доспех раскалился добела; жара полыхнувшей стихии оказалось достаточно, чтобы уничтожить не только перчатку из спрессованного снега, но и скрывавшуюся за ней кисть.

Филипп заорал и схватился единственной уцелевшей рукой за культю. Игорь вскочил на ноги и бросился вперёд, с ужасом понимая, что не успеваает, никак не может успеть. Рука Накала, нагретая до такой температуры, что воздух возле неё подёрнулся заметной рябью, с силой врезалась согнувшемуся Кратову под рёбра, отправляя его в полёт, словно удар гигантского молота.

Словно в замедленной съёмке Игорь наблюдал за тем, как тело Филиппа безвольной куклой катится по земле, пока наконец не замирает без движения у самой кромки озера. Он

видел это в мельчайших подробностях: видел, как падение Кратова подняло в воздух вытянутое облако из пыли, видел, как его уцелевшая рука изогнулась под неестественным углом, а изувеченная — густо набилась песком и грязью, грозя занести в рану какую-нибудь заразу.

Игорь прыгнул.

Он не останавливал свой бег, и сейчас, подобравшись к Накалу на достигаемое расстояние, с силой оттолкнулся от земли передней ногой. Вражеский элементаль не успел полностью к нему развернуться, и выставленное колено врезалось ему точно в челюсть. Раздался взрыв.

Стихия, словно разделяя ярость своего хозяина, вспыхнула сильнее, чем когда-либо прежде, и Накал, развернувшись в воздухе, отлетел назад и тяжело врезался лицом в широкое, расположенное в нескольких метрах от них дерево. Голова элементаля раскалённым топором наполовину погрузилась в ствол, вызвав протестующее шипение разлапистого растения.

Игорь на секунду замер и кинул взгляд в сторону Филиппа. Тот по-прежнему не шевелился, и, вполне возможно, ему требовалась срочная медицинская помощь, однако Лазарев сомневался, что Накал позволит им спокойно добраться до ближайшего врача. Сам элементаль из Дома Прометея упёрся руками в подпаленное дерево и с протяжным стоном высвободил голову.

— Нехило приложил, — пожаловался Накал, рукой потирая подбородок. — Я чуть не...

Кулак Лазарева оборвал его на полуслове. Игорь не собирался давать противнику прийти в себя. Несмотря на укрепление кожи доспехом из раскалённого металла, губы Накала пересекли глубокие царапины, словно они лопнули от удачного удара. На деле же причина была в острых чёрных осколках, поселившихся в трещинах на руке Игоря.

Он продолжил методично вколачивать кулаки в тело противника. Накал пытался хоть как-то защититься, заслоняя уязвимые точки руками, но отчаянно не успевал реагировать на атаки Игоря, у которого словно открылось второе дыхание. Каждый удар попадал точно в цель, вырывая у Накала тяжёлые, хриплые выдохи.

Не выдержав напора, элементаль ринулся вперёд и обхватил Игоря руками, прижимаясь к нему в клинче. Будь они на ринге — рефери тут же разъединил бы их и развёл в стороны, но они были не на соревнованиях, и никаких судей на побережье озера не наблюдалось. Да и никаких правил в бою насмерть не существовало. Игорь откинул голову назад, так сильно, что в шее громко хрустнули позвонки, и резко ударил лбом в нос Накала.

Противник пошатнулся, его хватка ослабла. Игорь выдернул руки и сцепил их за затылком Накала и снова ударил его головой, ощущая, как по лицу побежала горячая жидкость. Он не знал, кому принадлежала эта кровь, — она могла как вырваться из носа Накала, так и потечь изо лба самого Игоря, — но Лазареву было всё равно. Он ударил ещё раз.

Накал упал на землю. Игорь подшагнул вперёд и как заправский футболист пнул поверженного врага по голове. Накал затих. Тогда Лазарев взял его за ноги и потащил к воде. Тело элементаля оставляло за собой глубокие борозды в мягкой земле.

Когда до озера оставалось каких-то несколько метров, Накал вдруг крутанулся, вырываясь из хватки Игоря, и пнул его ногой. Не ожидавший такого напора Лазарев разжал пальцы и отшатнулся.

Накал поднялся на ноги. Его грудь тяжело вздымалась, с трудом наполняя лёгкие

кислородом, но глаза на окровавленном лице упрямо смотрели на Игоря.

— Понимаю, почему Прометей так хотел заполучить тебя в наш Дом, — пробормотал он, — Но, боюсь, исполнить его желание у меня не получится.

Он вытянул руку в сторону. Доспех на нём накалился до предела, озаряя сумерки ярко-белым свечением, и прямо на глазах у Игоря в руке элементаля сформировался широкий двуручный меч, распространяющий в окружающем воздухе заметную рябь.

— Прости, брат, но следующую атаку ты вряд ли переживёшь, — серьёзно предупредил Накал.

Игорь протёр лицо и посмотрел на свою ладонь. Кровь, вытекающая из костяшек несмотря на доспех, смешалась с той, что он только что убрал со своего лба, и он вдруг понял, что нужно сделать.

Накал приближался, обхватив меч обеими руками и медленно поднимая его над головой. Игорь отступил на пару шагов. Под кроссовками влажно хлюпнула вода озера. Идти дальше было нельзя.

Он свёл руки перед собой, представляя, как скопившиеся в них капли крови превращаются в оружие. Он никогда прежде этого не делал, но в голове откуда-то возникло точное изображение оружия, которое он должен был воплотить.

И у него получилось. Воздух перед ним подёрнулся рябью, и прямо в его пальцах начал формироваться тяжёлый каменный молот, исчерченный сеткой трещин, в которых, будто живые, циркулировали полыхающие жаром потёки лавы. Игорь сжал его в ладонях и вдруг осознал, что не успевает. Накал был уже совсем близко, и его клинок в длинном, неумолимом выпаде летел навстречу груди Лазарева. Игорь вскинул локоть в отчаянном жесте, понимая, что защититься от удара уже не получится.

Мощная, невидимый глазу атака смела Накала в сторону, отбросив на несколько шагов и сбив с ног. Он вскинул голову и одновременно с Игорем посмотрел в ту сторону, откуда прилетел удар.

Соня, вытянув руки вперёд и ощутимо подрагивая, не отводила от Накала покрасневших глаз. На её лице бликами в свете сияющих доспехов элементалей выделялись дорожки слёз.

Накал опёрся рукой о землю, пытаясь встать на ноги. Игорь не стал ждать, пока его противник поднимется, и двумя прыжками сократил разделяющее их расстояние, а затем что было сил врезал Накалу молотом по голове.

Окрестности огласил громкий, протяжный звон металла. От удара Накал развернулся и упал на спину, выронив двуручный клинок. Подняв растерянные глаза, он снизу вверх посмотрел на Игоря, который, перехватив оружие на манер дровосека, замахивался для нового удара.

Молот с противным хрустом опустился элементалю на лицо. Игорь методично, удар за ударом вбивал голову Накала в землю, чувствуя, как обжигают израненную кожу стекающие сплошным потоком капли пота.

Наконец он остановился. Накал лежал на спине, его лицо превратилось в кровавую кашу, но, как с удивлением отметил Игорь, он всё ещё не умер. Грудь элементаля еле заметно вздымалась вверх, поддерживая в нём жизнь.

Ярость, застилавшая Игорю глаза, наконец утихла. Он равнодушно посмотрел на человека, в жилах которого текла та же кровь, что и в нём самом. С такими ранами Накал был обречён.

Схватка была закончена, и на Игоря навалилась боль. Стиснув зубы, он, с трудом волоча

ноги, подошёл к Филиппу.

Напарник лежал на спине. Страшная атака Накала разворотила его ребра, превратив внутренности в бесформенную, страшно изуродованную массу. Невидящие глаза Филиппа смотрели в небо.

К ним стремительно приблизилась Соня. Игорь поднял на неё свой взгляд. Девочка замерла, неверящим взглядом рассматривая тело мёртвого отца.

— Нет... Нет!

Соня закричала. Игорь стоял рядом, не зная, что делать, не понимая, как он может помочь облегчить заполонившую её боль. Зато она знала.

Решительно сжав губы в тонкую нитку, она бросилась к Накалу, схватила лежащего элементаря за ноги и потащила его к воде.

— Ублюдок... Ты чёртов ублюдок!

Она затащила Накала в озеро — неглубоко, так, что её ноги скрылись в воде лишь по худые, обтянутые чёрными джинсами колени. Но этого было достаточно: элементарь был не в том состоянии, чтобы сопротивляться.

Соня коленом упёрлась ему в грудь, выдавливая из лёгких остатки воздуха. Вода над головой Накала забурилась. Девочка стиснула его горло тонкими пальцами, сжимая их изо всех сил:

— Умри! Умри, чтоб тебя!

Игорь подошёл ближе. Он видел, как руки Накала в последний раз дёрнулись в судороге, а потом безвольно повисли вдоль тела, но Соня как будто этого не замечала, продолжая сдавливать его кадык.

— Умри, умри, умри... — как сомнамбула, повторяла она.

— Он мёртв, — произнёс Игорь, аккуратно прикоснувшись к плечу девочки. — Пойдём, Соня.

Она среагировала не сразу. Наконец, словно очнувшись, она отпустила шею Накала и разрыдалась, — громко и душераздирающе, так, что сердце Игоря сжалось от боли.

Судороги, сотрясающие тело Сони, потихоньку затихали. Ожесточённо протерев мокрое лицо, она подняла на Игоря опухшие глаза и тихо, почти шёпотом спросила:

— Куда?

Игорь бросил взгляд на мёртвое тело человека, который был его напарником.

Нет, не напарником. Другом.

— Он не успел кое-что сделать. Мы закончим за него, — наконец процедил он.

Они похоронили Филиппа неподалёку от озера.

В редких зарослях деревьев обнаружился не слишком большой, но приметный холм правильной овальной формы. Игорь хотел раскопать могилу мечом Накала, но после смерти элементаря оружие исчезло, поэтому Лазареву пришлось разгребать мягкую землю своими руками. Соня стояла рядом. Она не могла использовать стихийный доспех, поэтому сколь-нибудь значимой помощи от неё ждать не стоило, однако в те моменты, когда у растущей на глазах ямы образовывались осыпавшиеся горки из почвы, девочка отгребала их в сторону, стараясь поддержать его хотя бы в такой мелочи.

— Отойди, пожалуйста, — тихо попросила она, когда яма была готова, и Игорь бережно уложил туда тело Филиппа. Лазарев сложил его руки на груди и послушно отступил на пару шагов.

Соня спустилась в яму и последний раз посмотрела в мёртвые глаза отца. Она не плакала — слёзы закончились несколько часов назад. Тонкие пальцы нежно провели по бледному лицу, опуская веки вниз. Теперь казалось, будто Филипп просто уснул.

Протянув руку, Игорь помог Соне выбраться наверх. Она обернулась к яме и начертила в воздухе перед собой сложный узор. Внушительная горка земли, скопившаяся у их ног, разом передвинулась в сторону, засыпая тело Филиппа. Последним на могилу опустился дёрн. Пожалуй, теперь незнающий человек и не понял бы, что здесь что-то изменилось; холм выглядел так, будто ничего не произошло.

Соня начертила ещё один рисунок. Молодая и стройная сосна вырвалась из насиженного места и переместилась, приземлившись в центр укрытой травой могилы.

— Теперь все, — бесцветным голосом проговорила девочка. Она подняла руку к лицу, взмахнула ладонью и повернулась к Игорю. Лазарев увидел, как она быстро спрятала кисти за спиной, но это не могло скрыть новой красной струйки, побежавшей из носа.

— Идём, — Игорь сделал вид, что не заметил крови. — Где-то здесь должна быть машина.

До того момента, как машина остановилась у дороги, Игорь изо всех сил боролся со сном. Прошедший день измотал его как морально, так и физически, и измученный организм отчаянно нуждался в отдыхе, однако пока позволить себе такую роскошь он не мог. Поэтому Игорь крутил собственные уши, сжимал кончик носа, до боли кусал щёки изнутри — в общем, делал всё, чтобы суметь сохранить остатки бодрости и не улететь в какой-нибудь кювет. Тем более, что за окном начал накрапывать раздражающий дождь, существенно ограничивающий видимость для водителя.

Он кинул взгляд на соседнее сидение. Соня не страдала от необходимости беречь ясность разума, а потому уснула, едва за ней закрылась пассажирская дверь. Будить её Игорь не стал: для неё последние сутки были гораздо большим потрясением, чем для него.

Игорь поплотнее запахнул её куртку. Девочке пришлось тяжело: смерть отца пошатнула и без того слабое здоровье, и в свете луны побледневшее лицо казалось совершенно белым. По всему выходило, что ей становилось всё хуже.

Колеса автомобиля с аппетитом захрустели щебнем на обочине дороги. До места назначения оставалось меньше сотни метров, и Игорь решил не испытывать судьбу. Для

того, что он запланировал, необходимо было соблюдать скрытность.

— Эй, — он не сильно, но настойчиво потрепал Соню за плечо, — Просыпайся.

Девочка с трудом разлепила глаза и проморгалась. Короткий сон не принёс ей должного отдыха. Она проснулась разбитой и дезориентированной, и теперь ей нужно было время, чтобы прийти в себя.

Игорь её не торопил.

— Где мы? — неразборчивым голосом спросила Соня.

— Там, где, возможно, найдём нужную нам вещь, — туманно ответил Игорь и указал пальцем в окно машины. — Вот, посмотри туда.

Если особняк Дома Деметры в чём-то и уступал Дому Прометея, то это сложно было заметить. Разумеется, роскошный особняк выглядел иначе: в отличие от монументального, похожего на крепость обиталища Прометея, в его величественном образе проглядывалось что-то лёгкое, невесомое, словно его место было не на грешной земле, а где-то наверху, среди облаков. Впечатление усиливалось за счёт потоков света, придающих стенам какой-то волшебный вид.

Строение было окружено изящной колоннадой — тонкой, безупречной работы. Перфекционизм расстановки колонн нарушался лишь единожды, — если, конечно, это можно было назвать нарушением, — в самом центре особняка, куда вела окружённая невысокими деревьями аллея, располагались золотистые ворота, расписанные в стиле эпохи Возрождения.

— Красиво, — проговорила Соня. Впрочем, особой радости в её голосе не наблюдалось. — А что это?

— Особняк Дома Деметры.

— Да... Можно было догадаться, — Соня покачала головой.

Помимо самого здания, которое, несомненно, само по себе выглядело внушительно, на территории Дома Деметры располагались плотные посадки деревьев. Игорь не заметил никакого забора или ворот: особняк словно был построен прямо в лесу.

Ну что же. Так будет даже проще.

— Подожди меня в машине, — попросил Игорь. — Я скоро вернусь.

— Я пойду с тобой, — возразила Соня. Лазарев глубоко вздохнул:

— Одному мне будет проще проникнуть в особняк. Да и к тому же, кто-то должен остаться в машине на случай, если нам придётся быстро сваливать отсюда. Ты умеешь водить?

Соня замялась:

— Ну... Я, конечно, пробовала...

— Вот и отлично, — прервал её Игорь. — Садись за руль и жди меня здесь.

Не ожидая ответа, он вышел из машины, захлопнул за собой дверь. Раздавшегося за спиной ворчания девочки он уже не услышал.

Дождь усиливался.

Деревья обступили Игоря плотной стеной. Он пробирался сквозь ночной лес, внимательно осматривая окружающую местность на предмет камер или охраны, но ничего подобного не обнаружил: похоже, в Доме Деметры никто не допускал даже мысли о том, что найдётся безумец, который попытается к ним пробраться. Игорь мысленно поблагодарил их за это.

Укрытый от любых взглядов стволами деревьев, он незамеченным пробрался

практически под самые стены особняка. Впереди располагался свободный от растительности участок шириной метров десять, который ему нужно было преодолеть. Сон словно рукой сняло.

Игорь напрягся, обратившись к своей стихии. Она послушно отозвалась на призыв, покрыв тело Лазарева каменным доспехом и усилив его. Последний раз осмотрев территорию и убедившись в отсутствии охраны, Игорь побежал вперёд и добрался до ближайшей колонны.

Укрывшись в тени между колонной и стеной, Игорь замер на несколько минут. Никаких изменений не произошло, из особняка не раздавалось ни звука. Вцепившись окаменелыми пальцами в скользкую от дождя колонну, Игорь принялся карабкаться вверх, туда, где на уровне второго этажа располагался балкон с широким окном, ведущим внутрь здания.

В тех местах, где его покрытые доспехом конечности касались колонны, образовывались небольшие углубления, роняющие вниз каменную крошку. Игорь поморщился: портить такое произведение искусства ему было жаль, однако никаких альтернатив он не видел. Ему нужно было сделать всё быстро.

Вцепившись в перила, ограждающие балкон, Игорь одним рывком запрыгнул наверх и прижался к стене, осторожно заглядывая в комнату. Громыкнуло. Занавески частично загоразивали обзор, и всё же увиденного в свете мигнувшей молнии оказалось достаточно, чтобы убедиться, — за стеклом располагалось какое-то подсобное помещение. Игорь поднял руку на уровень глаз и сосредоточился. Послушная его воле каменная перчатка изменила свою форму, образовав на кончике пальца острый коготь. Он очертил им на окне прямоугольник, достаточный, чтобы пробраться внутрь, и едва успел подхватить выпавший участок стекла, чтобы не дать ему упасть внутрь и разбиться. Сердце Игоря бешено застучало: дождь, конечно, лил неслабо, но даже он вряд ли смог бы заглушить звон разбившегося стекла.

Лазарев осторожно вытащил вырезанный из окна прямоугольник и положил его прямо на балкон, а затем заглянул внутрь. Так и есть — подсобное помещение было заставлено различного рода утварью для уборки, вроде пылесосов и швабр. Он спрыгнул внутрь и подошёл к деревянной двери, ведущей, судя по всему, в коридор. Игорь понятия не имел, где именно ему следовало искать то место, где в Доме Деметры могла находиться фальсиформика, а потому целиком полагался на удачу.

— Выходи уже, — раздалось из-за двери. — Не хочу ждать тебя вечно.

Игорь медленно выдохнул. Похоже, сегодня удача решила от него отвернуться.

Прятаться больше не было смысла. Он повернул ручку и открыл дверь, оказавшись лицом к лицу с тем, кто стоял в коридоре.

Глаза Игоря округлились, зеркально повторив мимику оказавшегося напротив человека.

— Ты? — удивлённо спросил Эдуард, неверяще тряхнув белокурой горой волос. В его левом ухе сверкнула серьга с каким-то жёлтым камушком.

— Я, — подтвердил Игорь и тут же атаковал молодого элементалю.

Вернее, попытался атаковать. Как бы ни был шокирован встречей Эдуард, он не зря считался одним из сильнейших элементалей своего поколения. Мгновенно покрывшись доспехом из пронсящихся по телу молний, он отскочил назад, и кулак Лазарева, вместо того, чтобы встретиться с челюстью противника, ударил в пустоту.

— Какого чёрта ты здесь делаешь? — недовольно спросил Эдуард.

— То же самое могу спросить и тебя, — не остался в долгу Игорь, быстро осматривая

коридор. Никого, кроме них двоих, здесь не было, а значит, шанс на успех ещё оставался.

Элементаль фыркнул:

— Да будет тебе известно, что моя мать родом из Дома Деметры, так что я регулярно провожу время в этом особняке. Что да нашей встречи — Глава Дома узнал о проникновении и попросил меня посмотреть, что за наглец посмел это сделать, а затем вышвырнуть его вон. И кого же я вижу?

— Как он узнал о проникновении? — проигнорировал вопрос Игорь.

— Деревья, — так, словно одно это слово всё объясняло, ответил Эдуард. Увидев непонимание в глазах Лазарева, он пояснил, словно рассказывал несмышлёному ребёнку очевидные вещи:

— Все окружающие особняк деревья подчиняются Главе Дома Деметры. Стоит чужаку лишь одной ногой ступить в лес — Глава тут же об этом узнает.

Игорь мысленно выругался. Ему стоило догадаться, что проникновение в один из сильнейших Домов не может быть таким простым, как ему показалось вначале. Впрочем, отступить он всё равно не мог.

— И он отправил только тебя?

— Меня одного будет достаточно, — заверил Эдуард.

Игорь хмыкнул, выражая своё отношение к бравате собеседника. Черты лица Эдуарда неуловимо кого-то напомнили, но он отмахнулся от размышлений и разом посерьёзnel:

— Где здесь хранятся артефакты рунистов?

Эдуард рассмеялся ему в лицо:

— Ты врываешься в чужой особняк и думаешь, что я раскрою тебе все его секреты? Да ты даже тупее, чем я думал, — он оскалился. — Даже если бы здесь была такая комната, я бы тебе ни слова о ней не сказал.

«Даже если бы она была? — подумал Игорь. — То есть её здесь нет? Ну уж нет. Такого просто не может быть».

— Тогда я заставлю тебя говорить, — произнёс Лазарев, в точности копируя мерзкую ухмылочку собеседника. Он устал и был слишком раздражён для долгих разговоров, а потому, не успело ещё эхо от его слов затихнуть в стенах пустого коридора, как он бросился вперёд, быстро атакуя передней рукой.

Эдуард, по-видимому, ожидавший чего-то подобного, отклонился в сторону, наудачу бросив встречный удар. Игорь едва успел закрыть голову предплечьем, принимая сверкающий разрядами молний кулак на жесткий блок. По укрытой доспехом руке прошла дрожь, словно её коснулся медицинский дефибриллятор, но Игорь проигнорировал неприятное ощущение. На обратном движении кисти он прихватил шею Эдуарда и потянул его на себя, одновременно нанося удар коленом.

Молодой элементаль успел вскинуть руку в последний момент, прикрывая лицо, но это не смогло полностью погасить урон от попадания полностью. С мрачным удовлетворением Игорь услышал, как клацнули зубы Эдуарда за долю секунды до того, как он вновь отскочил назад, разрывая дистанцию.

— Странный удар для боксёра, — бросил беловолосый парень, хмуро потирая челюсть.

Игорь не счёл необходимым отвечать. У него не было ни времени, ни желания объяснять Эдуарду разницу между спортивными соревнованиями и реальной схваткой элементарей, в которой друг с другом сталкивались смертоносные стихии и ценой поражения могло стать вовсе не место на чемпионском пьедестале, а сама жизнь. Перед

мысленным взором Лазарева промелькнули лица Карпа, Карло, Болота. Филиппа. Игорь помотал головой, отгоняя непрошенные образы. Он видел немало погибших элементарей, но сейчас было не самое подходящее время для воспоминаний.

Судя по всему, последняя атака разозлила Эдуарда, потому что он, так и не дождавшись ответа, зарычал и сам кинулся на Игоря, мощно отталкиваясь от пола ногами, сверкающими от бегущих по ним молний. Лазарев вскинул руки, готовясь заблокировать любые удары, но молодой элементаль смог его удивить: на его шее взметнулось какое-то украшение, когда в последний момент нырнул вниз, буквально стелясь над паркетом, подхватил Лазарева под бёдра и поднял в воздух. Не останавливая своего бега, он буквально влетел в открытую дверь подсобки и потащил Игоря дальше. Поняв, что произойдёт в следующее мгновение, Лазарев направил все свои силы на укрепление доспеха.

А потом они вылетели в окно.

Игоря засыпало осколками стекла. Он тяжело ударился позвоночником о перила балкона, но укреплённый доспех смог выдержать столкновение.

А вот перила — не смогли.

Игорь почувствовал, что летит вниз. Это его не слишком пугало — каменный доспех был достаточно силён, чтобы падение со второго этажа не смогло нанести ему сколь-нибудь значимого вреда. Если бы не одно «но».

Это самое «но» так и не разжало сцепленных на бёдрах Игоря рук. У и этого «но» была стихия молнии.

«Вот чёрт», — успел подумать Игорь за секунду до того, как его спина ударилась об землю, а сверху его припечатал удар молнии.

Громыкнуло.

— Я же говорил... Меня одного будет достаточно, — пробормотал Эдуард, медленно поднимаясь на ноги. — Особенно — в такую погоду.

Встав, он чуть пошатнулся, словно удар молнии не прошёл бесследно даже для него, но при этом настороженный взгляд зелёных глаз ни на секунду не отрывался от Лазарева.

Игорь лежал на спине, широко раскрытыми глазами глядя в небо. Каменный доспех, не выдержав прямого попадания молнии, осыпался, обнажив изувеченное тело. Там, где ещё оставалась кожа, его уродовали страшные ожоги. Там же, где её не было... Стихия, словно пытаясь подержать своего хозяина, самопроизвольно вырвалась наружу, покрывая его волнами вяло двигающейся лавы, которая шипела и плевалась от попадающих на неё капель дождевой воды. Шипела, плевалась — и ослабевала.

— Я вспомнил, — тихо сказал Игорь.

Эдуард устало вскинул брови:

— Так ты жив? Невероятно. Ты охренеть какой крепкий чувак, вот что я тебе скажу.

Игорь аккуратно двинул рукой. Всё его тело буквально горело от боли, но он заставлял себя шевелиться. Ему нужно было встать. Пусть даже в последний раз.

— Э, ну уж нет, — Эдуард, успевший немного отдалиться, тут же пошёл к нему. — Встать я тебе уже не позволю. Давай-ка ты лучше полежишь...

Он не договорил. Игорь едва успел приподняться на локтях, когда Эдуарда вдруг снесло в сторону невидимым ударом — таким же, какой он видел всего несколько часов назад.

— Я же просил ждать в машине! — зло прошипел Лазарев, с трудом вставая на ноги. Соня не ответила. Она подбежала к Эдуарду и принялась быстрыми росчерками рисовать какой-то узор у себя на руке. Молодой элементаль лежал на земле, зажмурившись и мотая

головой из стороны в сторону, будто пьяный, пытающийся прийти в себя, но прежде, чем это произошло, Соня приблизилась и прижала ладонь к его щеке.

Эдуард обмяк, словно конечности разом перестали его слушаться. Игорь, зажмурив лицо от боли, которая, казалось, поглотила всё его тело, доковылял до Сони.

— Что ты с ним сделала? — спросил он, заранее зная ответ. Ему хорошо были известны эти симптомы.

Лицо девочки смертельно побледнело. Из ноздри вновь побежала струйка тёмной, почти чёрной крови, и Соня даже не попыталась вытереть её, подняв на Игоря потускневшие серые глаза:

— Высшая руна паралича. Надолго меня не хватит. Нужно уходить. Сюда наверняка скоро придут другие.

Едва договорив, она покачнулась и наверняка упала бы набок, если бы Игорь её не подхватил. Он аккуратно поймал её за плечи и опустил на землю.

— Да, — мягким, успокаивающим голосом проговорил он. — Сейчас пойдём.

Он протянул руку к синей рубашке Эдуарда и рванул её за воротник.

— Я понял, на кого ты похож, — доверительно сообщил он, выуживая из-под одежды элементалю висевший на его груди амулет. — Он, конечно, был гораздо старше и полнее тебя, но всё же я видел твоего родственника совсем недавно, так что совсем не удивительно, что ты так мне его напомнил. Мне больше не нужен ваш Дом Деметры. Всё, что я искал, — при тебе.

Амулет в виде янтарного клыка мог бы показаться сущей безделицей, подобранной лишь для того, чтобы стильно гармонировать с вставленной в ухо модного элементалю серьгой, если бы не одна маленькая вещь, навеки застывшая внутри окаменевшей смолы.

Крохотное насекомое, больше всего напоминающее пчелу.

Игорь руками разорвал удерживающую амулет бечевку. Его доспех полностью исчез, лишив измученное тело остатков сил, поэтому даже такое простое действие удалось ему лишь с третьей попытки. Наконец он вырвал кусочек янтаря и шагнул с ним к Соне.

— Извини, — бросил он через плечо, — но ей эта вещь нужнее. Думаю, твой предок, Бальса, с этим бы согласился.

Девочка была совсем плоха. Бледная, с окровавленным лицом, она открытым ртом, словно рыба, хватала воздух, как будто ей не хватало кислорода. Игорь споткнулся и упал на мокрую землю прямо перед ней, забрызгав и без того грязные остатки одежды. Протянув дрожащую руку вперёд, он прижал кусочек янтаря к её губам:

— Глотай... — шёпотом попросил он.

Из дневника Сапфира следовало, что съеденная фальсиформика способна излечить «бич таланта», от которого страдала Соня, но только если болезнь руниста ещё не перешла в последнюю стадию. Глядя на состояние девочки, Игорь боялся, что не успел. Она чуть не уронила янтарь, и Лазареву пришлось практически вложить его ей в рот и зажать его грязной ладонью.

— Ну же, давай! — практически взмолился он.

Горло Сони дернулось, проталкивая сквозь себя камешек с фальсиформикой. Лазарев выдохнул. Возможно, удача все-таки от него не отвернулась.

Краем глаза Игорь заметил, как что-то в окружающей их местности изменилось. Он не помнил, чтобы деревья были к ним так близко — сейчас от стены леса его отделяло несколько жалких метров, — но это было не единственной деталью, привлёкшей внимание

Лазарева.

Ворота особняка были распахнуты. От них, совершенно не торопясь, будто на улице не было никакой грозы, а он просто выдвинулся на прогулку, шёл высокий мужчина с длинными светлыми волосами, в которых отчётливо просматривались седые пряди. Игорь запомнил всех, кто был на званом вечере в Доме Прометея. Особенно тех, кто не проголосовал за невиновность Лазарева, а своим молчаливым согласием поддержал хозяина того вечера.

— Ну и кто это тут у нас устраивает беспорядки? — холодным голосом поинтересовался Глава Дома Деметры.

Игорь вздрогнул. В приближающемся к нему элегантному мужчине, одетому, несмотря на позднюю ночь, в изысканный старомодный костюм, было что-то пугающее. Он не был мускулист, как Прометей, и не имел при себе никакого оружия, однако Лазарев на уровне инстинктов ощущал исходящую от него опасность, и аристократичный образ несколько не обманывал Игоря: под маской человека, который медленно шёл к нему под затихающими каплями дождя, скрывался настоящий хищник.

За спиной Лазарева раздался еле различимый шорох. Он обернулся. Соня, до этого неподвижно лежавшая на земле, крепко зажмурилась и пошевелила правой рукой.

— Соня, — тихо шепнул Игорь, надеясь, что Глава Дома Деметры не услышит его, — если ты можешь разрушить мою печать, то сейчас самое время сделать это.

— Я попробую, — так же шёпотом ответила она. — Но в таком случае печать паралича с того парня скоро спадёт. Имей это в виду.

Игорь медленно и незаметно передвинулся поближе к ней, загораживая Соню своей спиной, и с облегчением почувствовал, как к израненной спине прикоснулась прохладная ладонь. Значит, шанс ещё есть. Нужно лишь потянуть время.

— Никаких беспорядков, — громко сказал он, встретившись со взглядом Главы Дома. — Просто навести нашего приятеля, немного с ним поболтали и уже уходим.

Мужчина хмыкнул, красноречиво посмотрев на Эдуарда, который до сих пор лежал на земле без движения:

— Так значит, проникнуть на территорию чужого Дома, разбить окно, разрушить балкон, — за который я, между прочим заплатил приглашённому итальянскому архитектору солидные деньги, — а затем избить и парализовать моего племянника — это теперь называется «просто поболтать»? У вас странное представление о болтовне, молодой человек. Или мне следует называть вас Игорем из Дома Прометея?

— Я не принадлежу этому Дому, — отрезал Лазарев.

— Это пока, — мягко заверил его мужчина. — Как бы то ни было, в одном ты заблуждаешься: после такой, с позволения сказать, «болтовни», — он особенно выделил это слово, — никуда вы отсюда не уйдёте.

На этот раз Игорь готов был поклясться, что деревья подступили к ним ещё ближе. Он практически ощущал, как подрагивает земля, когда корни растений шевелятся в почве, передвигаясь к нарушителям. Напряжение ситуации достигло своего пика, а в следующую секунду произошло сразу три вещи.

Первая. Эдуард медленно, с видимым усилием помотал головой и принялся подниматься на ноги.

Вторая. Земля вздыбилась, выпуская наружу десятки грязных корней, тут же метнувшиеся к Игорю и Соне.

Третья. Игорь почти физически почувствовал, как в его груди что-то щёлкнуло, и его тело вдруг наполнилось силой стихии, как никогда прежде. Он кувыркнулся назад и загородил Соню, одновременно покрываясь доспехом — и не ощутил при этом никакой боли; стихия охотно прислушалась к его призыву. Ещё один мысленный приказ — и каменные плиты брони на его спине раскрылись, выпуская во все стороны мгновенный фонтан из лавы.

Несмотря на дождь, корни деревьев, пытавшиеся спеленать Игоря, тут же занялись огнём и потемнели, распространяя густой чёрный дым. Эдуард, вскрикнув, отскочил назад, закрываясь обеими руками. Глава Дома Деметры ругнулся и побежал вперёд, на ходу обрастая тёмно-коричневой корой, делающей его похожим на мифического энта.

Игорь сосредоточился. Сейчас от него требовалось максимальное усилие, чтобы сбежать — в прямом столкновении с элементом ранга Повелитель у них с Соней вряд ли могли быть какие-то шансы на успех.

Новый взрыв лавы оказался на порядок мощнее предыдущего. На сей раз даже Главе Дома пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы не попасть под обильный поток из пылающих капель, разлетевшихся от Игоря на расстояние в добрые пять метров. Стволы ближайших деревьев загорелись, трава поблизости свернулась, не выдержав распространившегося жара. Тяжёлый, чёрный дым заполнил всё окружающее пространство.

«Сейчас».

Игорь подхватил Соню на руки и побежал, не различая дороги. К счастью, этого от него и не требовалось: тянувшиеся к нему ветви деревьев сгорали, не успевая коснуться светящегося от обилия лавы доспека. Лазареву оставалось лишь покрепче прижать Соню к каменной груди и нестись вперёд, молясь, чтобы возникшая неразбериха дала ему достаточно времени, чтобы добраться до оставленной у дороги машины.

Прямо перед ним из земли в воздух взметнулись корни толщиной с его корпус — Игорь и не предполагал, что такое возможно, — и он принялся петлять по лесу, стараясь избежать столкновения. Особенно расторопная ветвь дерева бросилась ему в лицо. Игорь с силой плюнул в неё плотным сгустком лавы, освобождая себе путь, и едва успел заметить полыхнувшую справа вспышку молнии. Он махнул ногой практически наугад, возликовав, когда каменная ступня с хрустом встретила корпус Эдуарда.

Похоже, удача всё-таки от Игоря не отвернулась.

С тяжёлым стоном Эдуард отлетел куда-то в сторону, скрывшись среди деревьев. Чувствуя, как в глазах начинает темнеть, Игорь заставил свою спину взорваться брызгами лавы ещё раз, разбрасывая вокруг пылающие капли, словно ошетилившийся дикобраз. В распространяющемся повсюду дыме стало тяжело разбирать дорогу, и Лазарев, упрямо стиснув зубы, ускорился.

Лес резко закончился. Игорь выскочил на асфальт в нескольких десятках метров от припаркованной машины и поставил Соню на ноги:

— Скорее, садись за руль и выезжай на асфальт.

— А ты? — испуганно спросила Соня.

Игорь не стал отвечать. Он пронёсся к машине со стороны обочины, вплотную примыкающей к деревьям, и присел на корточки, одновременно опуская ладони на землю.

— Быстрее! — зло крикнул он.

Надо отдать Соне должное — больше не задавая вопросов, она распахнула водительскую дверь и крутанула ключ в замке зажигания. Остывший за время простоя двигатель громко взревел, оповещая окружающее пространство о своём пробуждении, и реакция не заставила себя ждать.

Земля перед Игорем задрожала и расступилась, выпуская наружу сплошную стену из древесных корней. Лазарев резко раскинул руки в стороны и выпустил им навстречу плотный поток лавы. Столкновение стихий продлилось несколько долгих, мучительно тянущихся секунд, показавшихся Игорю вечностью, а затем враждебная сила уступила

своему природному врагу, и древесная волна откатилась обратно в лес.

Игорь оттолкнулся от земли, обеими руками взмахнул перед собой, оставив на земле широкую канаву с плещущейся в ней лавой, и бросился к дороге. Управляемая Соней машина медленно ехала по асфальту, отдаляясь от опасного участка. Лазарев на ходу распахнул пассажирскую дверь, запрыгнул внутрь и крикнул, не отводя взгляда от леса:

— Гони!

Откуда-то сбоку возникла толстая ветка и плотно оплела раскрытую пассажирскую дверь. Машину с силой потянуло в сторону. Не тратя времени на борьбу с враждебной стихией, Игорь сунул покрытую каменной перчаткой руку между петель и рванул, отделяя дверь от машины. Кусок металла тут же исчез в глубине леса.

— Быстрее! — что есть мочи заорал Игорь.

Это подействовало. Одёрнутая его вскриком Соня вжала педаль газа в пол, и лишившаяся одной двери машина рванула прочь от опасного места. Высунув голову наружу, Игорь разглядел потрескавшийся, неровный асфальт, из которого выглянули корни, бессильно мотающиеся в воздухе и уже не способные дотянуться до беглецов.

Лазарев откинулся на спинку сидения и закрыл глаза. Сердце бешено стучало, словно не веря, что им удалось выбраться с территории Дома Деметры. Элементаль медленно и глубоко задышал, пытаясь успокоиться.

— Игорь, — позвала Соня, не отрывая глаз от простирающейся перед ними дороги.

— Ммм?

— Мы выбрались.

— Ммм.

— У нас получилось! — уже не пытаясь сдержать нахлынувших эмоций, победно закричала она.

Игорь улыбнулся. Он видел, что болезненная бледность наконец-то покинула лицо Сони. Сейчас на щеках Сони играл нервный румянец, а в глазах поселился живой блеск, которого он не видел раньше. «Бич таланта» отступил. У них действительно получилось.

— Игорь, а куда мы теперь едем? — спросила Соня.

Лазарев ответил не сразу. Утомление потихоньку брало над ним верх, заставляя мысли путаться, и Игорь непослушными от усталости губами продиктовал Соне свой адрес. Знала ли девочка, как добраться до его дома, требовалась ли ей помощь навигатора, да и вообще — умеет ли она водить в достаточной мере, чтобы ездить в черте города — эти вопросы не успели сформироваться в голове Лазарева: едва успев назвать номер своего дома, он тут же уснул.

— Коллеги, доброе утро, — с лицом, вовсе не предвещающим ничего доброго, начал Аркадий Борисович. Игорь почти незаметно поморщился: после того, как он, успев перехватить всего пару часов сна, был по тревоге вызван на работу, его утро заслужило массу нелестных эпитетов. Всех, пожалуй, он бы и не вспомнил, но почему-то был уверен, что слова «доброе» среди них не было.

— По поступившей из отдела разведки информации, в ближайшее время возможны активные масштабные действия со стороны группировок и формирований элементалей, имеющих целью подорвать существующий общественный порядок, — Ждун говорил так, будто перед его глазами висел характерный формализованный текст, излюбленный военными всех родов и мастей. И, как водится, такие выступления не слишком-то

старательно слушали; все знали, что, когда дело дойдёт до реально нужной информации, никто не станет прятать её за кружевами вычурного словоблудия. Стараясь сосредоточиться, Игорь зажмурился.

— Ладно, теперь по-русски, — бросив недовольный взгляд на откровенно скучающих элементалей, наконец сдался Аркадий Борисович. — В Домах и Семьях происходит что-то серьёзное, в бандах тоже проявляется какая-то активность, так что начальство опасается, что в ближайшее время возможны серьёзные столкновения. Объект особого внимания — Институт Элементалей, за безопасность которого отвечает СЗГ. В связи с этим было приказано усилить действующие патрули, а незадействованных сотрудников — объединить в группы по два человека. В случае тревоги — берёте напарника и направляетесь в место сбора.

Ждун остановился, чтобы перевести дыхание, и внимательным взглядом обвёл стоящее перед ним подразделение. Они находились в спортивном зале — том самом, где было так удобно сидеть на матах либо привалившись к стене, — но сейчас все стояли ровно, словно проникнувшись серьёзностью временного руководителя.

— Это не шутки, — добавил Аркадий Борисович. — Отдел переводится в режим максимальной боевой готовности. Игорь не совсем понимал, какой смысл в том, чтобы разбивать людей по двое. Понятное дело, что действовать в одиночку гораздо менее безопасно, чем с кем-то из коллег, но ведь никто и не собирался лезть куда-то в одиночку! Для этого, собственно, и существует целый отдел элементалей — чтобы выполнять задачи вместе. А уж добраться до места сбора можно и одному, так, по крайней мере, считал Игорь. Однако начальство, в очередной раз забыв поинтересоваться мнением подчинённых, решило иначе, и спорить с ними не было никакого смысла.

— Сейчас мы проведём короткую тренировку, а затем разделимся по напарникам, — заявил Ждун.

Откровенно говоря, тренировка не задалась. Люди привычно повторяли разученные упражнения и даже провели несколько тренировочных схваток, однако мысли элементалей были посвящены отнюдь не подготовке. Аркадий Борисович, тем не менее, потребовал, чтобы они довели тренировку до конца, и лишь после этого скомандовал им построиться.

Не принимавший участия даже в разминке, а потому — совершенно не уставший, Ждун проходил перед шеренгой элементалей и поочередно, словно наугад, тыкал пальцами в разных людей:

— Пара номер один — Антон и Артур.

Мужчины переглянулись и кивнули друг другу, Антон — с небольшой задержкой. Игорь мысленно согласился со Ждуном: для излишне вспыльчивого керамического элементаля сложно было подобрать более подходящего компаньона, чем хладнокровный Артур, который, к тому же, спустя несколько тяжёлых спаррингов заслужил у Антона серьёзное уважение.

Пары образовывались быстро: Аркадий Борисович, руководствуясь своей логикой, ловко разделял людей между собой, пока очередь наконец не дошла до Игоря.

— Пара номер семь, — почему-то отведя взгляд в сторону, отчеканил Ждун. — Игорь и Юля.

Справа со свистом втянули воздух. Лазареву не требовалось оборачиваться: он знал, что этот звук издала Катя. Их отношения практически сошли на нет, но он по-прежнему ловил на себе её неоднозначные взгляды, словно Катя ждала от него каких-то действий, которых он

— уж с собой Игорь мог быть честным — предпринимать не хотел. Он мысленно пообещал себе, что обязательно поговорит с Катей и всё ей объяснит.

Но — чуть позже.

— Пара номер восемь... — попытался было продолжить Аркадий Борисович, когда хрипловатый, немного гнусавый от недосыпа голос Игоря бесцеремонно прервал его:

— Почему?

Задавать такой вопрос своему командиру было верхом бестактности, однако Лазарева это не слишком-то волновало. Во всех прежних парах прослеживалась определённая логика: сильные подстраховывали тех, кто послабее, те, кто соображал чуть быстрее, помогали менее расторопным, и так далее. Тимофея с его грязевой стихией объединили с Кейном — на тренировках им удавалось создавать покрывающие большую площадь зыбучие пески.

В объединении Игоря с Юлей никакой логики не было.

Девушка была достаточно сильна, чтобы не нуждаться в его подстраховке. Достаточно умна, чтобы справиться и без Игоря. В ней было достаточно любых качеств, чтобы поставить её с менее способным элементом — и тем не менее её объединили с Лазаревым. Игорь вдруг подумал, что он, вероятно, был единственным человеком, с которым у харизматичной и общительной Юли были натянутые, если не сказать, холодные, отношения.

И оттого ставить их в пару было не разумно. Это не поддавалось никакой логике.

Ждун бросил на него короткий взгляд из-под густых, неопрятно торчащих бровей, неспособных скрыть зло сверкнувшие зрачки:

— Потому что так решил твой начальник, Лазарев. Не обсуждается.

Игорь чуть приподнял бровь. Его начальником был Глазунов, временно отсутствующий по отдельным причинам, а Ждун лишь пока выполнял его обязанности. Но это, конечно, не отменяло того факта, что сейчас Лазарев должен ему подчиняться.

Ну или хотя бы сделать вид.

Игорь уже открыл было рот, чтобы продолжить спор, но тут же закрыл его обратно. Он вдруг понял, что из неожиданного решения Аркадия Борисовича вполне можно было извлечь пользу.

Пожав плечами, Игорь чуть наклонил голову, как будто соглашаясь, но Ждун этого уже не увидел. Он двинулся вперёд, продолжив выполнять свою работу:

— Пара номер восемь — Катя и Глазунов.

Девушка удивлённо моргнула и переспросила:

— Михаил Сергеевич? Он возвращается?

Ждун посмотрел на неё так, словно она была несмышлёным ребёнком, которому требовалось разжёвывать даже самую простую информацию, но всё же снизошёл до объяснения:

— Да, командование отозвало его с личного задания. Он возглавит охрану Института Элементалей. Твоя задача — помогать ему. Ну или хотя бы, — неприятно договорил он, — не отставать и не мешаться.

Игорь поморщился. Катя, конечно, была далеко не самым сильным элементом, однако говорить о ней подобным образом было абсолютно бестактно. Хороший командир бы никогда себе такого не позволил.

«Хотя... Разве можно считать Ждуна хорошим командиром? — задумался Лазарев. — Да, разумеется, он обладает обширным опытом военных действий, однако он не слишком хорошо проявляет себя в качестве командира особого отдела. Он ведь даже не элементаль».

Игорь вдруг хмыкнул. Возможно, именно в этом и крылась причина поведения Аркадия Борисовича — окружённый людьми, способными управлять силами стихий, он был единственным обычным человеком в отделе. Даже Катя, чьи способности он принижал, была гораздо более ценной боевой единицей, чем он — ведь сам Ждун никаких сил не имел.

Поймав удручённый взгляд Кати, он ободряюще улыбнулся ей и, не скрываясь, показал большой палец, что заставило Аркадия Борисовича снова нахмурить брови:

— Лазарев, произошло что-то весёлое?

— Да, — ничуть не смущаясь, ответил Игорь.

— И что же?

Лазарев поднял руку, демонстрируя Аркадию Борисовичу циферблат часов, на котором гордо светилось «13:00»:

— Начало обеда.

Не ожидавший такой дерзости Аркадий Борисович опешил. Игорь не дал ему возможности опомниться и направился прочь из зала, на ходу доставая телефон:

«Иду домой. Мне понадобится твоя помощь».

Юля подняла руку, чтобы нажать на кнопку звонка, но тут же в нерешительности опустила её обратно. Девушка уже в третий раз останавливалась в последний момент, и, наверное, выглядела бы очень глупо, если бы кто-то из соседей наблюдал за ней сквозь глазок. Юля разозлилась. Это придало ей сил; резко выдохнув, она быстро, так, чтобы ей не хватило времени передумать, надавила на кнопку. За дверью раздался звонок.

Некоторое время ничего не происходило. Юля вдруг подумала о том, что это последний шанс уйти, сбежать отсюда прочь, как можно дальше, но девушка тут же отогнала предательские мысли. Больше всего в мире она презирала слабость и не собиралась демонстрировать её никому, даже самой себе. Особенно — самой себе.

Шаги, раздавшиеся за дверью, прервали размышления девушки. Юля подобралась. Пришло время действовать.

— О, это ты? Привет.

Казалось, Игорь был почти не удивлён её приходом. Юля едва сдержалась, чтобы не нахмуриться. «Какого чёрта он ведёт себя так, будто к нему каждую ночь приходят какие-то девки?» — недовольно подумала она. Внешне, впрочем, она никак не проявила своего недовольствия. Разумеется, это была не та реакция, на которую рассчитывала девушка, но отступить из-за такой мелочи она не собиралась.

— Привет, Игорь, — сказала Юля, потупив взгляд. — Я могу войти?

Парень поднял руку, заставив свободную домашнюю футболку очертить контуры его подтянутого, поджарого тела, и задумчиво почесал голову.

— Да заходи, конечно, — выдал он, когда Юля уже начала думать, что он собрался оставить её на пороге. — Хочешь чая?

Лазарев приоткрыл дверь шире, пропуская девушку в квартиру. Замок за её спиной тихо щёлкнул.

— Да, если можно, — ответила Юля, снимая верхнюю одежду. На улице было довольно холодно, но это не помещало девушке эффектно одеться: джинсы плотно прилегали к стройным ногам, а уютный и тёплый джемпер, выглядевший как домашний, на самом деле стоил Юле кругленькую сумму, но при этом так ненавязчиво и выгодно подчёркивал её фигуру, что девушка ни разу не пожалела о покупке.

Девушка рассчитывала, что Игорь впечатлится, и украдкой посмотрела на него, когда снимала обувь. Ей пришлось тут же тряхнуть головой и спрятать лицо за упавшими вниз волосами, чтобы Лазарев не увидел, как покраснели от возмущения её щёки: стоя перед девушкой в домашних шортах и широкой, уже начавшей растягиваться одноцветной футболке, Игорь равнодушно смотрел куда-то в сторону, и, похоже, впечатляться вовсе не собирался.

На кухню они прошли молча. Юля хотела заговорить, сказать хоть что-то, чтобы заполнить повисшую неловкую тишину, и уже открыла рот, чтобы похвалить квартиру Игоря, но тут вспомнила, что уже была здесь прежде, и предпочла промолчать.

«Да уж, — кисло подумала она, присаживаясь на стул. — Не самый лучший вечер в моей жизни. Да и в его, — она стрельнула глазами в Игоря, который в этот момент ставил чайник на плиту, — пожалуй, тоже».

Чайник закипел спустя пару минут, которые показались Юле целой вечностью. Как

всегда, в моменты, когда девушка нервничала, её рука потянулась к старому шраму, пересекающему верхнюю губу, — подарку, оставленному много лет назад одним из сожителей её матери. В глубине души поднялась тягучая волна неостывающей ненависти: некоторые раны не заживают никогда.

Юля заставила себя одёрнуть руку и улыбнуться, когда Игорь поставил перед ней исходящую ароматным паром кружку чая:

— Спасибо, — тонкие пальцы сомкнулись на керамической ручке, и девушка осторожно сделала маленький глоток. — Как у тебя дела?

Едва слова сорвались с её губ, как Юля мысленно обругала себя: «Как дела? Серьёзно? Не могла придумать фразу ещё банальнее?»

Впрочем, менять что-то было уже слишком поздно, и девушке оставалось лишь молча ждать ответа, улыбаясь и делая вид, будто разговор с женщиной был ей очень интересен. Это было одно из полезнейших умений, которому она научилась.

Прежде чем заговорить, Игорь налил себе в стакан обычной фильтрованной воды, спокойно отодвинул стул и занял место напротив Юли, которая к этому моменту успела несколько раз мысленно проклянуть его за медлительность.

— Да в общем-то всё хорошо, — наконец ровным голосом произнёс он и замолчал.

«И над этими словами ты размышлял столько времени?!» — про себя ужаснулась Юля, стараясь, чтобы недовольство никак не отразилось на её лице. Она ожидала, что он спросит её в ответ — хотя бы из пустой вежливости, присущей большинству разговоров, — однако вопроса не последовало. Похоже, ни её дела, ни вежливость не интересовали Лазарева.

«Ну что же. Значит, пора действовать напрямую».

— Игорь, я хотела с тобой поговорить, — начала Юля.

— Понимаю.

— Правда?

— Само собой, — медленно кивнул он. — Иначе зачем ещё ты пришла бы ко мне на ночь глядя?

Юля тяжело вздохнула, стараясь скрыть нарастающее раздражение. Похоже, всё будет сложнее, чем она рассчитывала.

— Да, действительно, — девушка сделала вид, что не заметила сарказма. — Дело в том, что наши с тобой отношения...

— Их нет, — перебил её Игорь.

— Верно. Их нет. То есть, вообще никаких. Это... Игорь, это неправильно.

Лазарев чуть оживился, задумчиво побарабанил пальцами по своему стакану и уточнил:

— Неправильно? Почему? Я думал, ты чётко дала мне понять, что развития наших отношений не будет.

Юля отодвинула от себя кружку, выигрывая время, чтобы подобрать правильные слова:

— Да, это было, но... Это всё равно неправильно. Неправильно потому, что мы работаем в одном отделе, и по долгу службы должны доверять друг другу спину, помогать и поддерживать, особенно сейчас, когда нас сделали напарниками! А мы с тобой даже не разговариваем, да что там — мы фактически игнорируем друг друга, — Юля опустила глаза вниз, — Это первая причина.

— Значит, есть и другие?

— Есть. Одна, — девушка подняла глаза, столкнувшись со спокойным, как будто бы почти незаинтересованным взглядом Игоря. Парень явно ждал продолжения, и Юля не стала

его разочаровывать: — Я ошибалась.

Отставив кружку в сторону, девушка поднялась со стула и обошла стол, оказавшись практически вплотную к Игорю. Он не сдвинулся с места — даже в тот момент, когда Юля наклонилась к нему — так близко, что ещё немного — и их носы бы соприкоснулись.

— Я думала, мне не нужны никакие отношения, — проникновенно сказала она, и её распущенные волосы почти мазнули по щеке Игоря. — Думала, мне не нужны мужчины. Думала, — Юля почти шептала, — мне не нужен... Ты.

Она робко, едва ощутимо прислонилась своими губами к губам Игоря, — нежно, как слабый, почти незаметный ветерок, — и парень замер, словно не зная, что ему делать. Юля усилила напор, мягко поцеловав его верхнюю губу. Нижнюю. Он ответил. Неуверенно, будто нехотя, — но девушка тут же отмела эту мысль, как сущую нелепицу: не хотеть того, что происходило, он попросту не мог. Она была уверена.

Юля запустила пальцы в волосы на его затылке, притягивая, прижимая его лицо к себе, когда Игорь вдруг остановил её:

— Ты правда думаешь, что тебе это нужно?

— Абсолютно, — с придыханием ответила она, усаживаясь на него сверху, ощущая жар его тела.

И Игорь сдался. Его тело, до этого — напряжённое, словно натянутая струна, расслабилось; руки, прежде не находившие себе места, нежно приобняли Юлю за талию, мягко, но настойчиво притягивая её к себе. Девушка победно улыбнулась, запуская язык в его податливый, непривычно сухой рот, плотно прижимая свои губы к его, не оставляя между ними ни миллиметра пространства.

«Попался».

Стихия отозвалась на её призыв мгновенно, словно только этого и ждала, потекла из её рта, легко и быстро заполняя тело Игоря изнутри. Юле не нужно было много времени: нескольких секунд было вполне достаточно даже для такого сильного элемента, как Лазарев.

Он замер, но не успел ничего сделать. Выждав ещё несколько мгновений, Юля отстранилась от Игоря, поднялась с его колен и оправила сбившуюся одежду. По комнате распространился резкий, солоноватый запах.

Она взяла в руки кружку с уже остывшим чаем и сделала несколько больших глотков, словно это могло помочь смыть со своих губ прикосновение мужчины.

— Знаешь, — зачем-то решила сказала она, оставив кружку, — все в СЗГ думают, что моя стихия — это кислота. Это не случайно — с самого первого дня работы я делала всё, чтобы всех в этом убедить. Носила с собой в карманах воду, растворы-катализаторы... Было непросто, но для человека с химическим образованием нет ничего невозможного! — она нервно хихикнула. Ей до сих пор не верилось, что всё прошло так просто.

— На самом деле, это, разумеется, неправда. Хотя... Какая, к чёрту, разница? Главное — теперь ты умрёшь. После того, что ты с ней сделал, — она посмотрела на Игоря, уже не пытаясь скрывать свою ненависть, — Ты должен умереть!

Эмоции, сдерживаемые так долго, вспыхнули с новой силой, требуя выхода, и Юля с силой швырнула кружку в стену. Раздался резкий хруст. Десятки керамических осколков с дробным перестуком рассыпались по кафельному полу.

Юля глубоко задышала, стараясь успокоиться. Дело было сделано. Она отомстила.

Спокойно подойдя к входной двери, она подчёркнуто неторопливо зашнуровала свою

обувь.

— Если честно, я даже не знаю, от чего именно ты умрёшь, — поделилась напоследок она. — Может, от отравления. А может, моя стихия, среагировав с твоей слюной, выжжет твои внутренности. Надеюсь, тебя всё-таки убьёт второе, — Юля скривилась. — Хочу, чтобы тебе было больно.

Она взялась за ручку и дёрнула её на себя. Потом толкнула. Дверь не шелохнулась.

«Ну конечно, — она чуть не хлопнула себя по лбу от досады, — он же закрыл за мной дверь».

Тонкие пальцы нащупали вращающийся вентиль и повернули его. Юля снова подёрнула за ручку.

Ничего.

— Это ищешь?

Юля напугано обернулась. Игорь сидел на том же стуле, подняв руку на уровень глаз. Из его кисти едва заметно выглядывал серебристый кончик ключа.

— Но... Как... — ошеломлённо начала Юля.

— Мне стало интересно, — сказал Игорь, — почему бандой «Гидра», где, как говорят, всегда было две главы, всем заправляла одна Болото. Куда делась её, — он поднялся со стула, — как говорят, больше, чем подруга? И какая у неё стихия?

Лазарев поднял со стола стакан с водой и залпом выпил, жадно и быстро глотая воду, так, что часть её стекала по его подбородку. Когда ёмкость опустела, он с наслаждением выдохнул, повернулся к Юле и поделился:

— Весь вечер об этом мечтал.

Он пошёл ей навстречу, — медленно, уверенно и неумолимо. Юля подняла дрожащие руки вверх, собираясь защищаться до последнего, и отступила на шаг в сторону — туда, где стоял массивный деревянный шкаф для верхней одежды.

— Хлороводород, — сказал Игорь. — Твоя стихия — хлороводород. Стоит смешать его с водой — и получится кислота, верно? Сильная кислота, способная разъесть как человеческую плоть, так и некоторые металлы.

На секунду показалось, будто её руки коснулся сквозняк, но Юля практически не обратила на это внимания. Она не знала, куда деться. Отступить было некуда.

«Значит, нужно атаковать», — решила она.

Мысль ещё только формировалась в её голове, когда она ринулась вперёд, чтобы наброситься на Игоря первой.

Вернее, попыталась ринуться.

Тело почему-то отказалось её слушаться. Когда прыжок не удался, Юля попробовала сделать хотя бы шаг, поднять руку, наклонить голову... Ей не удалось ничего. Юля ощутила, как к горлу подкатился липкий комок ужаса, а в следующую секунду отказавшиеся подчиняться ноги перестали держать её, и она, бессильно стекла на пол. Её голова прислонилась щекой к шкафу и замерла.

— Спасибо, что пришла, — бесцветным голосом произнёс Игорь, наблюдая за тем, как глаза девушки панически вращаются в орбитах. Ничем другим она пошевелить не могла. — Мне бы очень не хотелось искать тебя самому.

Он подошёл к ней вплотную и положил ей руку на затылок — так же, как сделала она каких-то несколько минут назад, — только вот в его действиях не было ни капли нежности. Вторая рука крепко вцепилась девушке в челюсть, до боли стискивая подбородок.

Юля посмотрела Игорю в глаза и не нашла в них ни капли жалости. Он смотрел на неё холодно и безразлично — совсем не так, как в тот вечер, когда она пришла к нему домой, чтобы обработать раны. Тогда она ему нравилась. Сейчас — была врагом.

Последним, что увидела Юля, когда её голова резко, неестественно развернулась, была девочка лет пятнадцати, равнодушно вззирающая на неё из шкафа.

«Одной проблемой меньше», — невесело констатировал Игорь. Он осторожно подхватил неподвижное тело Юли под руки и оттащил его в сторону, буквально на метр, — так, чтобы оно не мешало распахнуть дверцы шкафа, — и аккуратно уложил его на спину. Остекленевший взгляд карих глаз безучастно уставился в потолок.

Игорь отвернулся.

— Можешь выходить.

Дверь шкафа открылась — не полностью, едва достаточно, чтобы в дверь пролез очень худой человек. Или ребёнок.

— Что дальше? — уточнила Соня.

Игорь вздохнул. Ей было всего пятнадцать лет, но то, с каким спокойствием она отреагировала на убийство, удивляло его. Пожалуй, даже пугало. Как и тот факт, что она по своей воле приняла в этом участие: использовать руну паралича Игорь её не просил.

Он ответил ей не сразу. Поднявшись на ноги, он подошёл к столу, налил в стакан воды из фильтра и выпил её, едва не захлебнувшись. Затем повторил. Сухость во рту понемногу отступала.

«Как красота требует жертв, так безопасность требует неудобств», — глубокомысленно отметил Игорь. Он знал, что руна, которую нанесла не его тело Соня, защитит его от яда — консультации с Мерцаловым о природе ядовитых стихий помогли Лазареву быть готовым к нападению Юли. Знал — и всё же опасался, памятуя о том, как ловко она дурачила окружающих, с помощью воды превращая хлороводород в кислоту. А потому — Игорь перестраховывался.

После того, как Соня окончательно разрушила печать, ограничивающую его силы элементаля, стихия начала подчиняться ему гораздо охотнее. Это проявилось и сейчас: Игорю удалось раскалить своё тело изнутри достаточно, чтобы слюна полностью испарилась, а затем тут же остудить его обратно. Это нисколько не навредило его организму — собственная стихия не наносила вреда своему хозяину — однако полностью избавиться от связавшей рот сухости Лазареву удалось лишь сейчас.

— Первым делом — надо убрать труп, — наконец заговорил Игорь. — Есть идеи, как нам это лучше сделать?

Не сдержавшись, Соня фыркнула:

— Я думала, ты распланировал всё.

— Только в общих чертах, — чуть улыбнулся Игорь в ответ. Соня задумчиво поправила упавшую на лоб неровно постриженную чёлку:

— Могу состарить её тело так, что оно рассыплется в прах. Это должно сработать.

— Отличная мысль, — одобрил Игорь.

Возможно, в другой ситуации это показалось бы ему ужасным — уничтожать тело Юли до состояния пепла было чудовищно, — но в данный момент моральная сторона вопроса не слишком-то беспокоила Игоря: оставлять в квартире труп он не собирался.

Соня подняла руку и принялась водить ей в воздухе. Её навыки заметно возросли:

движения казались более уверенными, а светящийся серебром след, образующий в воздухе изящный узор, мерцал гораздо ярче, чем прежде. И эффект тоже не заставил себя ждать.

Сформировавшаяся в воздухе руна, повинувшись движению пальца Сони, осела на тело Юли. Несколько секунд ничего не происходило. Затем труп словно начал высыхать, крошиться, осыпаться на пол мелким песком. Быстро, словно в ускоренной съёмке, истлевала одежда. Не прошло и минуты, как на месте мёртвой девушки не осталось ничего, кроме кучки праха.

— Готово, — резюмировала Соня и повернула голову к побледневшему Игорю.

— Ты... Со всеми так можешь? — спросил он.

— Что? — нахмурилась Соня. Затем её лоб разгладился: — А, ты об этом. Нет, с живым человеком такое не сработает. Руна рассчитана на неодушевлённые предметы, так что я до последнего сомневалась, что она сработает на трупе. Что с тобой?

Игорь отвернулся:

— А есть какая-то руна, чтобы это... Убрать?

Соня развела руками:

— Может, что-то и можно было придумать, но я потратила все силы. Твоя защита от яда, паралич, старение... Никто не может творить руны бесконечно. Даже Идракиль.

Вздыхнув, Игорь отправился за веником. Ничего другого ему не оставалось.

Когда с уборкой коридора было закончено, была уже глубокая ночь. Игорь надеялся, что им удастся выспаться, однако судьбе его желания в очередной раз оказались безразличны.

Игорю показалось, что его голова едва успела коснуться подушки, когда раздался телефонный звонок, не предвещающий ничего хорошего. Лазарев поднял трубку.

— Боевая тревога! — оповестил металлический голос из трубки. — Пункт сбора — Институт Элементалей!

Глазунов был растерян. Это состояние было ему совершенно несвойственно: даже в молодости, когда он вступил в возраст, в котором элементали Семьи Гефеста вступали в серьёзную грызню за статус в своем роде, он чётко знал, что делать. Михаил не собирался участвовать в этом, о чём прямо сообщил Главе Семьи.

Тогда Гефест смерил его взглядом своих серо-стальных глаз — отличительной особенностью их Семьи — и сказал всего одну фразу:

— В таком случае, тебе нечего среди нас делать. Убирайся.

Глазунов и тогда знал, как ему следует поступить. Взяв фамилию матери, он устроился в частную военную компанию, где провёл несколько лет, успешно участвуя в боевых действиях по всему земному шару. Неоднократно был ранен — но разве может пуля остановить металлиста? Его способности не раз спасали ему жизнь. И — с каждым днём росли.

Сейчас, пожалуй, он был достаточно силён даже по меркам своей Семьи. Сильный элементаль в ранге Старшего Мага — такие кадры были чрезвычайно сильны, а в СЗГ так и вовсе ценились на вес золота. Но Глазунов не обольщался: во-первых, у дикарей от природы было гораздо меньше способностей, чем у выходца из Семьи Гефеста. Во-вторых, он знал, что достиг потолка своих возможностей.

Заняв должность руководителя отдела элементалей СЗГ, Михаил полностью посвятил себя службе. Был внимателен к подчинённым, помогал им развиваться, оберегал на боевых заданиях, чувствуя себя частью коллектива. Знал сильные и слабые стороны подчинённых, общался со всеми, изучая их характеры и стараясь быть хорошим начальником. Но по-настоящему ни с кем не дружил — для руководителя это непозволительная роскошь.

«Ну или почти ни с кем», — мысленно поправился Глазунов.

Михаил сам не заметил, как сблизился со своим заместителем, Филиппом Кратовым. Тот обладал удивительной способностью располагать к себе людей, и со временем это подействовало и на Михаила. Искренность и весёлость снежного элементаля были заразительны, а его надёжность не подвергалась ни малейшему сомнению... До определённого момента.

Глазунов вздохнул. Он сразу заподозрил, что Кратов был причастен к гибели Раевского, но не хотел в это верить, предпочитая думать, что это невозможно. Но потом Филипп использовал особый значок напарника, и закрыть на это глаза Михаил не мог. Он не сомневался в том, что у Кратова наверняка имелась веская причина для предательства, но это не имело значения: Филипп убил своего коллегу, а значит, стал преступником.

И всё же Глазунов помог ему сбежать. Михаил сам не знал, почему он так поступил, но откуда-то знал, что сделал всё правильно, отступив от своих принципов. Это была последняя жертва их многолетней дружбе.

Когда начальник СЗГ вызвал Глазунова к себе, Михаил подумал, что всё кончено. Он старался помочь Кратову максимально незаметно, но, видимо, всё же допустил где-то ошибку.

Ну что же. Он готов был понести за это ответственность.

В кабинете начальника СЗГ он оказался впервые. Тот был слишком скрытен и в основном руководил службой через своих заместителей. Остальные даже не знали о том, как

он выглядел: должность была слишком опасна, чтобы быть публичной личностью.

Просторное помещение на вершине здания СЗГ содержало в себе минимальное количество мебели: широкий стол с закрытым ноутбуком и кожаным креслом составляли собой всё убранство кабинета. Сам начальник стоял у окна, которое, как было известно Глазунову, было прозрачно лишь с одной стороны, и даже не обернулся, когда Михаил постучал в дверь и вошёл.

— Полковник Глазунов по вашему приказу прибыл, — отчеканил Михаил и замер, ожидая ответа.

Руководитель СЗГ не обернулся. Глазунов видел лишь контур его невысокого, стройного тела и руки, сцепленные за спиной:

— Ты знаешь, зачем я тебя вызвал?

Голос, показавшийся смутно знакомым, гулко пронёсся по помещению, искажаясь от эха. Глазунов сглотнул.

«Затем, что я помог преступнику сбежать».

— Никак нет, — вслух произнёс он. Даже если он будет наказан, потворствовать этому Михаил не собирался.

— Предатель сбежал, — после недолгой паузы заговорил начальник СЗГ. — Твоя задача — найти его.

— Я должен его задержать его?

— Нет. Убить, — отрезал силуэт. — На время задания ты освобождаешься от исполнения обязанностей начальника отдела. Выследи Кратова и избавься от него. Это всё.

Глазунов постоял ещё несколько секунд, ожидая продолжения, однако его не последовало, и он сказал:

— Есть. Разрешите идти?

— Да.

В смешанных чувствах Глазунов покинул кабинет. Снаружи ему показалось, будто спало незримое давление и стало легче дышать. Михаил невесело хмыкнул: похоже, самым сильным элементом в СЗГ был не он.

Несмотря на то, что сбежать Кратову помог он сам, Глазунов подошёл к заданию со всей ответственностью. Искал зацепки, свидетелей, — всё то, что могло бы помочь выяснить местонахождение Филиппа, но тот словно в воду канул. Даже его причастность к убийству предыдущего начальника отдела разведки доказать не удалось. Глазунов и вправду прикладывал все усилия, чтобы найти Кратова, но ему этого не удалось.

Зато удалось егерю.

Какой-то мужик заметил вздымающийся над лесом дым и пришёл к месту предполагаемого пожара. К счастью, огонь не распространился, поэтому егерь обнаружил лишь кучу переломанных, частично обугленных деревьев, словно в этом месте разыгрался какой-то аномальный смерч, и расположенную неподалёку свежую насыпь земли, аккуратно прикрытую дёрном. Если бы прибывшая на место группа спасателей оказалась там позже, они бы, пожалуй, ничего и не заметили. А так — яму решили раскопать.

Так Филиппа и нашли.

Михаил помнил, как ему позвонил дежурный сотрудник СЗГ, прибывший на место происшествия вместе с полицией. Глазунов тут же приехал, чтобы своими глазами увидеть страшно переломанное тело Кратова.

— Закопайте обратно, — скомандовал он, последний раз взглянув на старого друга.

— Но мы должны... — попытался возразить следователь.

— Я сказал, закапывайте! — резче, чем требовалось, оборвал Глазунов. — Это внутреннее дело СЗГ. Не вмешивайтесь.

Следователь сдался. Будучи начальником отдела элементарей, Михаил имел почти безграничные полномочия, в том числе — отдавать приказы сотрудникам других структур. Даже если эти приказы противоречили их инструкциям.

И после этого Глазунов впервые не знал, что ему делать.

По-хорошему, ему следовало тут же поехать на работу и доложить начальству о том, что произошло, однако он не стал этого делать. Приказав одному из сотрудников передать информацию в СЗГ, он отправился домой, где долго лежал на кровати, бессмысленно изучая потолок. Потом встал и пошёл на кухню, где у него, как, пожалуй, у любого военнослужащего, хранился изрядный запас подаренного спиртного. Михаил был противником алкоголя, а потому бутылки обычно оставались без внимания, просто занимая место на полке. В этот день он изменил своим принципам.

Наутро его голова жутко болела, а отвратительный привкус, поселившийся во рту, трудно было описать. Тогда он изменил ещё одному своему принципу, и не пошёл на работу, проведя весь день в постели. Странно, но ему даже никто не позвонил, хотя он ожидал, что его будут искать и он получит нагоняй от начальства. Он почти надеялся, что так и произойдет, однако этого не случилось.

Звонок раздался лишь на следующий день.

Михаил неохотно встал с кровати и поднял весело тренькающий телефон, когда на экране высветился знакомый номер дежурного.

— Боевая тревога! Пункт сбора — Институт Элементарей!

Звонок оборвался. Глазунов несколько секунд стоял на месте, вновь проигрывая в голове полученную информацию.

Станным образом это помогло ему взять себя в руки. Наскоро экипировавшись, он схватил ключи от машины и рванул в Институт.

И не сразу понял, что происходит.

Потом говорили, что конфликт разгорелся на ровном месте. Якобы потасовка двух элементарей — казалось бы, ничего существенного, — переросла в массовую драку, куда подтянулись представители разных Домов и Семей. И некоторых, как вскоре выяснилось, было значительно больше, чем остальных.

Институт Элементарей пылал. Из разбитых окон столбом валил густой чёрный дым, запах которого едко оседал в ноздрях даже у тех, кто находился на большом отдалении. Казалось, будто в здании открылся филиал ада.

Михаил не знал, что именно произошло, но в одном был уверен: простой дракой студентов такого результата не достичь.

К сломанным воротам подтянулись элементали СЗГ. Глазунов окинул их беглым взглядом, не обнаружив там почти третьей части своего отдела. Ждун, выполнявший в его отсутствие обязанности начальника, отсутствовал. Михаил мысленно выругался и пообещал себе, что обязательно выскажет Аркадию всё, что думает о руководителях, которые опаздывают к месту сбора. Лазарева, на которого Глазунов возлагал большие надежды, тоже не было.

— Ждать остальных нет времени, — сходу скомандовал Михаил, — Подтянутся позже. Вперёд!

Он первым побежал в Институт, не останавливаясь и не оглядываясь — знал, что отдел следует за ним. Обычно здесь должен был постоянно дежурить кто-то из СЗГ, но в холле не было никого. Михаил глухо выругался и осмотрелся. Стены, прежде сияющие белизной, покрывала копоть, и Глазунов в очередной раз коротко ругнулся: он знал, стихия какого Дома способна оставить такие следы.

Стоило Михаилу переместиться к ближайшему коридору, как ему навстречу выбежал какой-то незнакомый парень. Глазунов остановил его:

— Эй! Что здесь происходит?

Элементаль не ответил. Приблизившись к Михаилу, он резко размахнулся, и только развитая реакция позволила Глазунову уклониться от ринувшегося ему в лицо кулака, полыхающего желтоватым огнём. Не давая противнику — а в том, что перед ним враг, не оставалось никаких сомнений, — продолжить атаку, Михаил призвал свой доспех и с силой пнул элементалья коленом между ног. Парень охнул, согнулся и упал на кафель, прижимая руки к паху. Вторым пинком, на сей раз — по голове, Глазунов отправил огненного элементалья в глухой нокаут.

— Вперёд, не задерживаемся! — крикнул Михаил замершим коллегам.

За его спиной раздался дробный перестук ног — слишком громкий, чтобы принадлежать горстке элементалей СЗГ. Глазунов резко обернулся.

Группа людей приближалась к ним сзади. Михаил знал почти всех — они фигурировали в розыскных листовках, и на многих из них в СЗГ велись целые дела, отражающие их преступления. А кое с кем Глазунов был знаком лично. Гораздо ближе, чем хотелось бы ему самому.

Скрипач бежал самым первым, сжимая в руках свои излюбленные «смычки». Михаил бросился ему наперерез, на ходу материализуя в руке щит. Никто другой противостоять Кириллу бы не сумел. Глазунов не был уверен, что и сам справится с этим.

— Стой! Да стой ты, кому говорю!

Скрипач отпрыгнул назад, разрывая дистанцию. Атаковать он даже не пытался, и Глазунов замер в боевой стойке, готовый к сражению:

— Какого чёрта ты здесь забыл?

— Того же, что и ты, — Скрипач показательно убрал оружие и развёл руки в стороны. Михаила это не обмануло: он знал, что при желании смычки материализуются в руках элементалья за доли секунды.

Кирилл терпеливо вздохнул:

— Мы все, — сначала он обвёл руками элементалей СЗГ, настороженно наблюдающих за каждым его движением, а затем указал себе за спину — туда, где, как знал Глазунов, стояла разношерстная компания из представителей как минимум нескольких банд, — Здесь ради того, чтобы остановить Прометея. Нет нужды драться друг с другом. У нас общая цель.

— Прометея? — переспросил Глазунов. Скрипач кивнул:

— Да. Он здесь, как и куча других сильных элементалей его Дома. Предлагаю действовать вместе.

— С тобой-то? — бровь под керамическим доспехом Антона насмешливо изогнулась. Глазунов не успел ничего сказать, когда Скрипач обратился к нему вновь:

— У нас с тобой не лучшие отношения, Миш, это правда. Но ты знаешь меня. Я не стану тебе лгать.

— Пожалуй, ты прав, — подумав, ответил Глазунов. Он обернулся к своим. — Вас

должны были разбить на группы, верно? Разделимся. Вы, — он кинул взгляд на Скрипача, — можете присоединиться. Только без глупостей! И ты пойдёшь со мной.

Кирилл кивнул:

— Идёт, — он повернул голову. — Присоединяемся к СЗГ. После того, как закончим здесь, — расходимся, будто ничего не было, — он посмотрел на Глазунова:

— Договор?

— Договор, — подтвердил Глазунов. — Сегодня мы не будем сражаться друг против друга и отпустим вас, как только выберемся из Института. Даю слово.

Он не стал говорить, что при таком соотношении сил ещё неизвестно, кто кого отпустит, — в конце концов, представителей банд здесь было гораздо больше, чем элементарей СЗГ.

Люди стали разделяться на группы. Кирилл подошёл к Михаилу:

— Это все ваши люди?

— Нет, — проскрипел Глазунов. — Остальные подтянутся позже.

— Это хорошо. Потому что у нас пришли не все, кто должен. Да и те, кто есть... Не уверен, что они останутся, когда станет по-настоящему жарко. Будьте осторожны.

Глазунов кивнул. Предупреждение было лишним — никто не собирался полностью доверять преступникам, — но всё же тот факт, что Скрипач об этом сказал, Михаил оценил.

К ним подошла Катя. Глазунов посмотрел на неё вопросительно приподнял бровь.

— Я иду с вами, — пояснила девушка. — Так нас разделили... То есть, разделил Ждун.

Спорить не было ни желания, ни времени. Михаил кивнул:

— Хорошо. Идём.

Коридор разветвлялся на несколько направлений. Глазунов обернулся:

— Проверьте первый этаж и подвал, затем поднимайтесь наверх. Группы Антона, Ксении и Артура, — за мной.

Он направился к лестнице, ведущей на второй этаж, краем глаза заметив, как огромная фигура Быка, одного из сильнейших дикарей, возглавляющих банды, двинулась следом за ними. Мысль о том, что помощь такого элемента, пусть и преступника, может оказаться весьма кстати, неожиданно разозлила Михаила, но он тут же заставил себя успокоиться. Главное — чтобы им удалось остановить Прометея. А уж кто им в этом поможет — это уже не так важно.

У входа на второй этаж обнаружился Раевский. Похоже, сегодня была его смена. Глазунов со вздохом присел на корточки возле тела и закрыл остекленевшие глаза, пустым взглядом уставившиеся в потолок. Работа в СЗГ в итоге лишила жизни обоих братьев.

Задерживаться дольше было нельзя. Коротко скомандовав спустить тело погибшего товарища на первый этаж, Глазунов двинулся вперёд. Его глаза обшаривали коридор и ближайшие помещения, пока в голове кипела напряжённая работа.

В здании Института Элементарей было всего пять этажей, не считая укрепленного подвала. Четыре из них занимали обычные учебные кабинеты, и Михаил подозревал, что на третьем и четвёртом этажах их ждёт такая же картина, как и на первых двух. Судя по тому, что никто из поднявшихся снизу бойцов не доложил о том, что в подвале попался кто-то ещё, туда тоже никто не спускался.

«Значит, скорее всего, выжившие студенты спрятались на пятом этаже», — осенило Глазунова. Это было единственным шансом защититься: на верхнем этаже, отделённый от лестничной площадки внушительных размеров холлом, располагался актовый зал. Вход в

него — скорее, больше из эстетических, нежели из практических целей — украшали двустворчатые ворота, покрытые изящной инкрустацией из родия. Узор в античном стиле не ограничивался лишь дверьми: он распространялся и на стены, усиливая тонкую лепку светящимися серебристо-белыми полосами металла. Актный зал был рассчитан на то, чтобы без проблем разместить там всех студентов вместе с преподавателями. Если они смогли отступить, то место надёжнее сложно было представить.

Все эти мысли посещали голову Глазунова уже на ходу, когда он, сделав знак остальным, чтобы не шумели, бросился вверх по лестнице, быстро минуя третий и четвертый этаж. Он заглянул на них, мелком заметив пару мёртвых тел, принадлежавших, судя по всему, тем, кто просто не успел сбежать. Останавливаться не стал.

Едва поднявшись на последнюю лестничную площадку, Михаил понял, что был прав. Но это открытие его совсем не обрадовало.

Потому что в холле перед ним толпилось несколько десятков человек, на почтительном отдалении окружающих двух стоящих спиной ко входу мужчин. Они внимательно, словно критики на художественной выставке, изучали покрытые родием ворота в актный зал. Первый из них был среднего роста, но чрезвычайно мускулист. Настолько, что худой мужчина рядом с ним выглядел сущим ребёнком.

«О нет. Как будто без тебя здесь проблем не хватало».

Глазунов выругался, наверное, уже в тысячный раз за сегодня. И, скорее всего, вовсе не в последний.

Михаил замер. Ему чертовски повезло: в холле стоял гул, и обращённые лицом к двери актового зала элементали не заметили движения на лестнице. Это позволило Глазунову осторожно отступить назад, туда, где столпилась нагнавшая его разношерстная компания. Он плотно прижал палец к губам и обвёл присутствующих взглядом.

Не отстававший от него Скрипач встретился с Михаилом единственным уцелевшим глазом. У Кирилла была тёмно-коричневая радужка, как у матери. По этой причине в детстве он подвергался нападкам со стороны остальных детей в Семье Гефеста, щеголявших фамильными светло-серыми глазами. Возможно, это было одной из причин, по которым Скрипач, едва достигнув совершеннолетия, по примеру Михаила ударился в бега.

«Только вот пути мы избрали разные», — печально подумал Глазунов. Они были братьями, — пусть и не родными, — но сегодня в их жизни был первый день, когда они действовали вместе.

Сразу за его спиной гротескной горой мускулов возвышался Бык. Одна из приоритетных целей СЗГ сейчас с напряжённым лицом ловила каждое движение Глазунова, ожидая дальнейших приказов. За ним стояли ещё две значимые фигуры преступного мира: крупный Броненосец и стройный мужчина с жиденькими волосами и серьгой в ухе — Стрелок. Михаил знал, что последние месяцы изрядно проредили представителей банд. Карп, Карло, Болото... Сейчас из преступных главарей выжила едва ли половина. И все они были здесь.

Элементали из СЗГ тоже были рядом. Глазунов пробежался взглядом по знакомым лицам. Чуть задержался на Антоне, который недоумённо взирал на командира, явно не понимая, что им делать. Не только он — все смотрели на Глазунова.

Михаил коротко вздохнул. Он и сам не знал, как следует поступить, но показывать этого остальным было нельзя.

— Ждём, — наконец приняв решение, шёпотом скомандовал он. Дождавшись ответных кивков, он осторожно выглянул в холл.

Несколько минут ничего не происходило. Прометей с Гефестом спокойно и безучастно стояли на месте, взирая на ворота в актовый зал и изредка перекидываясь негромкими фразами, которых Михаил не расслышал. Стоящие поблизости от них элементали переговаривались между собой практически полущёпотом, из-за чего в помещении повис тихий непрерывный гомон. Он оборвался, когда Прометей демонстративно поднял руку, поднеся часы к лицу и подслеповато в них всмотревшись:

— Время вышло, — резюмировал он. — Не надумали открыть мне дверь?

Не дождавшись никакого ответа, Прометей покивал головой:

— Похоже, её заклинило. Ну ничего, я вам помогу.

Прометей подошёл к воротам, медленно провёл по ним ладонью, словно жалея их. А потом его рука нанесла быстрый, почти неуловимый удар. Огненная вспышка заставила прищуриться даже находящегося на внушительном расстоянии Глазунова. Михаил протёр заслезившиеся глаза и посмотрел на ворота. На них не было ни следа.

Ничуть не смущаясь, Прометей ударил ещё раз. И ещё. Когда пламя рассеялось, на воротах стали заметны небольшие искажения, словно узор из родия «поплыл», не выдержав напора огненной стихии в руках Повелителя. Прометей хмыкнул и отошёл на шаг.

— Похоже, мне нужно ударить посильнее!

Он отставил одну ногу назад и чуть присел, согнув правую руку в локте. По телу Прометей побегали быстрые огненные змейки, собираясь на кулаке в правильной формы сферу, заполненную пламенем, словно сжатым со всех сторон чудовищным давлением. Пламенем, жаждущим выхода, готовым пожрать всё, что попадётся ему на пути.

Прометей отвёл руку назад, готовясь нанести удар. Пространство вокруг него подёрнулось заметной рябью, лакированный пол принялся пузыриться, как вода в кастрюле. Когда напряжение, казалось, достигло пика, могучий элементаль шагнул вперёд, к воротам.

Чтобы в следующее мгновение пулей отлететь от удара Гефеста. Мощное тело пронеслось к противоположной стене и с сухим хрустом врезалось в неё. В воздух тут же взвилась туча пыли и мелких камней, раскрошившихся и выпавших из кладки стены. Глаза Михаила шокировано расширились, не веря в то, что видят.

Удар ногой в бок оказался настолько неожиданным и сильным, что Прометей утратил концентрацию, и огненная сфера на его руке, мигнув, ярко вспыхнула, напоследок лизнула окружающее пространство метнувшимися во все стороны языками пламени, и растворилась, не нанеся никому особого урона. На секунду все опешили, не зная, как реагировать. Все, кроме Гефеста.

Невысокий, практически щуплый мужчина, который только что отшвырнул элементалья ступени Повелителя, наконец опустил ногу на землю и коротко, но веско скомандовал, заставив Глазунова вздрогнуть: он понял, почему голос начальника СЗГ, когда он приказывал найти и убить Кратова, показался ему знакомым.

— Вперёд.

Представители Семьи Гефеста как будто только этого и ждали.

Элементали Дома Прометей и опомниться не успели, как на них бросилась толпа на ходу покрывающихся металлом бойцов. Секунда — и холл наполнился звуками ударов и яростными криками. Казалось, инициатива полностью на стороне Гефеста: Дом Прометей был растерян и не смог оказать предавшей его Семье серьёзного сопротивления. Однако Михаил не обманывался. Он видел, что огненных элементалей было почти в два раза больше. Видел сильных и известных бойцов, быстро продирающихся в первые ряды. И, что самое худшее, — видел, как поднимается из каменного крошева Прометей, прожигающий Гефеста яростным взглядом из-под насупленных бровей. Не отводя от него глаз, Михаил встал на ноги.

«Момента лучше не будет».

Покрывшись доспехом, он бросился вперёд. Не оглянулся — в этом не было нужды; Глазунов прекрасно слышал, как за спиной синхронно загремели десятки ног, что принадлежали недавним врагам, по воле рока оказавшимся на одной стороне.

То, что началось, было сложно описать. Пожалуй, самыми подходящими словами были «сущий кошмар».

Прежде Кате казалось, что она пережила очень многое. Нападение бывшего парня с его другом, их убийство в машине, опасная работа в СЗГ — Катя думала, что она давно превратилась в матёрого, закалённого жизнью бойца, готового к любым поворотам судьбы.

Разразившаяся на пятом этаже бойня убедила её в обратном.

Надо отдать бойцам Дома Прометей должное: они быстро пришли в себя и дали решительный и жёсткий отпор элементалю Гефеста. Пламя разных оттенков яркими вспышками отражалась на металлических доспехах, с шипением поражая тех, кто послабее.

Со всех сторон разносились крики, кто-то упал. Под ногами влажно хлюпнула кровь, быстро запёкшаяся от царящей в холле высокой температуры.

Пот, не успевая толком выступить на лице, тут же испарялся. Воздуха не хватало, но это было не так страшно: когда Катя увидела схватку Прометея с Гефестом, дыхание всё равно перехватило.

От щуплого металлиста не осталось и следа. Его место занял тяжеловесный рыцарь в сложном, сегментированном доспехе тёмно-серого цвета. Массивные наплечники усеивала россыпь острых шипов. Они же украшали костяшки кулаков элементаля, его локти и колени, а на голове, существенно удлинившись, образовали нечто наподобие мрачной, изгибающейся кверху короны. Прямо под ней располагалась узкая прорезь, в глубине которой скрывались холодные светло-серые глаза. Катя никогда не видела боевой формы Повелителя металлической стихии, и, надо сказать, она выглядела впечатляюще.

Но всё же меркла на фоне того, кто стоял напротив.

Если Гефест выглядел как рыцарь, облачённый в невероятный, фантастической сложности доспех, то Прометей казался настоящим исчадием ада. Его и без того мощное тело ещё больше раздалось в размерах, болезненно натянув ткань одежды; кожа взбугрилась толстыми венами и приобрела густой бордовый оттенок. Прометей был единственным элементом из своего Дома, которого не окружал огонь, но и без него воздух вокруг старика искажался и подрагивал от запредельной температуры.

Прометей чуть наклонил голову вперёд, глядя на Гефеста из-под густых нахмуренных бровей. Его редкие волосы шевелились, словно от ветра.

— Почему? — только и спросил он.

— Потому что я не могу позволить тебе делать всё, что заблагорассудится, — прогудел из-под массивного шлема Гефест. — И потому что тебя давно пора было остановить. Ты зашёл слишком далеко.

Прометей печально покачал головой:

— Вот, значит, как. Не думал, что мой ближайший соратник предаст меня, да ещё и в такой момент, когда я буду сосредоточен на другом и не смогу защититься. Ну, — он прикрыл глаза и глубоко вздохнул, — Это твоё право. А это — моё.

Пол под Прометеем взорвался, обдав окружающих градом мелких осколков. Элементаль багровой тенью сократил разделявшее их с Гефестом расстояние и в прыжке вытянул руку, целясь кулаком в нижнюю часть шлема, но это не застало металлиста врасплох: среагировав практически мгновенно, он свёл запястья перед собой и успел удар на тут же сформированный щит.

От раздавшегося грохота перепонки жалобно застонали. Яркая вспышка резанула Кате по глазам. Перед ней выругался Глазунов. В отличие от девушки, дорога для которой оказалась расчищена, Михаил Сергеевич пробивал себе путь сам, щедро раздавая удары встречным элементалям, и яркое пламя, заставляющее щуриться и часто моргать в попытке вернуть глазам хотя бы немного влаги, отнюдь не добавляла ему настроения. Отпихнув от себя какого-то молодого парня, он потёр лицо рукой и чуть изменил направление движения, обходя Прометея по широкой дуге.

Наскоро созданный щит не смог полностью нейтрализовать урон от удара. Гефест, словно камень, выпущенный из пращи, отлетел назад, но Прометей не позволил ему удалиться; очередная вспышка — и он оказался совсем рядом, схватил Гефеста за ноги, раскрутил и с силой швырнул в сторону. Рыцарь даже не успел развернуться в воздухе, как

врезался спиной в покрытые белым металлом ворота. Кате показалось, что его доспех тут же утратил часть своего лоска и потускнел, но это, разумеется, было всего лишь игрой света.

— Став Повелителем, ты возомнил, будто можешь противостоять мне? Ты? — Прометей презрительно скривил губы, приближаясь к медленно поднимающемуся на ноги Гефесту. Огненный элементаль замахнулся: — С твоей стороны это была большая ош...

Ни удара, ни фразы ему завершить не позволили. Прометей самым бесцеремонным образом прервал Глазунов, наконец вырвавшийся из толпы сражающихся элементалей: приблизившись к Главе огненного Дома со спины, Михаил Сергеевич в прыжке пнул его двумя ногами, отбрасывая прочь от Гефеста.

«Кажется, отбросить не получилось», — нервно заметила Катя.

От удара, в который Глазунов вложил все силы, Прометей всего лишь несколько неуверенных шагов и тут же восстановил равновесие. Мужчина удивлённо повернул голову, явно заинтересовавшись, что за смельчак посмел на него напасть. Увидев Михаила, он понимающе ухмыльнулся:

— Пёс, неспособный победить в одиночку, позвал своих щенков?

Со стороны массовой драки элементалей раздался особенно болезненный стон, и сразу после этого из толпы выбрался тяжело дышащий Скрипач, решительно сжимающий в руках окровавленные смычки.

Прометей рассмеялся:

— А вот и ещё одна псина! Пришёл отдать мне второй глаз, а?

Издав нечеловеческий рык, Скрипач бросился на огненного элементалю. Кирилл был быстр, нечеловечески быстр; оружие в его руках мелькнуло, смазлось, направляясь к шее Прометей, однако тот играючи отразил удар, просто подняв вверх руку. Струна, способная разрубить человека пополам, с жалобным звоном лопнула, не оставив на запястье мужчины ни царапины.

Прометей грубо пнул Скрипача в грудь. В момент удара на долю секунды вспыхнуло пламя, и Кирилл с болезненным вскриком отлетел назад и покатился по полу, пока не ударился о стену. Катя увидела, что куртка на нём опалилась, обнажив металлический доспех. Судя по всему, изначально он был похож на кольчугу, но после пропущенного удара оплавился, так что теперь определить его изначальную форму было затруднительно.

Прометей громко и обидно рассмеялся:

— И с такими силами вы решили напасть на меня? Серьёзно? Да ну бросьте, драться с вами поодиночке мне даже не интересно. Атакуйте вместе!

Как бы грубо не прозвучали его слова, металлисты к ним прислушались. Скрипач, чьё нападение не смогло ранить Прометей, всё же достиг своей цели: он выиграл время, и Гефест, зло потрянув головой, пришёл в себя, и теперь они втроём медленно обходили Прометей, стараясь его окружить и не спеша атаковать.

Сбоку от Кати что-то мелькнуло. Она быстро повернула голову, чтобы увидеть, как совсем рядом с ней на помощь к Главе Дома бежит молодой элементаль: его длинные рыжеватые волосы развевались, и на их кончиках танцевали языки пламени.

Тело среагировало само собой. Не успев толком ничего обдумать, Катя шагнула ему наперерез. Он не среагировал, видимо, решив, что девушка не успеет ничего предпринять.

Она успела.

Схватив его за отворот куртки, Катя подставила ему подножку. Инерция сделала своё дело — бросок удался так, словно она отработывала его годами. Так и не успевший ничего

предпринять элементарь рухнул на спину и попытался быстро вскочить, но Катя ему этого не позволила.

Она уселась на него, придавливая коленом грудь, и прижала ладонь к лицу элементаря. Глаза парня расширились. Катя болезненно вскрикнула: руку нестерпимо жгло, словно она прикоснулась к раскалённой сковороде, но она не одёрнула её. Элементарь схватил её за запястье, силясь оторвать ладонь Кати от своего рта. В нос девушки ударил отвратительный запах палёной плоти.

Через пару секунд, показавшихся Кате вечностью, боль резко отступила. Глаза элементаря закатились. Сбросив с себя ослабевшие руки, девушка, подрагивая от пережитого ужаса, рухнула рядом с мёртвым парнем и посмотрела на свою руку. Ладонь покрывали уродливые, вздутые пузыри, а на запястье остались глубокие следы, в точности повторяющие контур мужских пальцев.

Девушке потребовалось время, чтобы взять себя в руки. Когда она наконец подняла глаза, схватка между Прометеем и тройкой элементарей была в самом разгаре.

Видимо, тот элементарь, которого она убила, был самым молодым и неопытным, раз пытался броситься на помощь своему Главе. Остальные игнорировали бой Прометея, методичным давлением вытесняя сотрудников СЗГ и представителей банд. Катя оглянулась: перевес явно был на стороне Дома Прометея, но никто и не думал поддерживать огненного Повелителя. На её глазах Антон страшно закричал, когда его керамический доспех рассыпался, и в его горло вонзилась рука ловкого противника. Одно движение — и голова Антона оторвалась от тела и отлетела, покотившись прямо Кате под ноги. Тогда до девушки дошло.

Они не влезали не потому, что не могли этого сделать. Элементаря Прометея знали: их помощь ему попросту не нужна.

Гефест, Глазунов и Скрипач атаковали его со всех сторон. В руках Главы Семьи металлистов мелькало взявшееся буквально из ниоткуда гигантское копьё, так и норовящее пригвоздить врага. Скрипач не отставал: его смычки смазались, выписывая немыслимые узоры, проносились совсем близко от Прометея, разминаясь с ним буквально на миллиметры.

В какой-то момент Михаил Сергеевич оказался с огненным Повелителем лицом к лицу. Катя никогда не видела, чтобы начальник сражался так, как сейчас: удары закованных в бронзовый доспех рук и ног вылетали с такой чудовищной скоростью, что со стороны казались беспорядочными, но Прометей каким-то звериным чутьём предугадывал каждый из них, умудряясь не только отводить их в стороны, но и уклоняться от атак остальных металлистов. Более того — несмотря на постоянное давление со всех сторон, он умудрялся отвечать.

Зная о невероятной мощи атак Повелителя, его противники старались уклоняться, но это удавалось им далеко не всегда. Катя видела, как после пары принятых вскользь ударов щит Глазунова оплавился, изменил свою форму, заставив Михаила Сергеевича поморщиться: даже заблокированные атаки Прометея причиняли ему жуткую боль.

Впервые в жизни Катя видела такое мастерство. Глазунов, как мог, связывал Прометея ближним боем; Скрипач, подбирая моменты, пытался застать огненного элементаря врасплох. Но самым сильным среди металлистов, несомненно, был Гефест. Он двигался так быстро, что иногда попросту исчезал из виду, атакуя Прометея буквально со всех сторон. Казалось, будто он создал несколько своих копий, под непредсказуемыми углами наносящих

удары оружием, ногами и руками. От такого нападения просто невозможно было спастись.

И всё же Прометей это делал.

Огненный повелитель отпрыгнул, когда из пола под его ногами выстрелил частокол из титановых штыков. Немыслимым образом изогнулся в воздухе, пропуская мимо себя копьё Гефеста. Закрылся руками, принимая на блок удар смычка Скрипача, приземлился на землю, вновь оказавшись напротив Глазунова, и хищно ухмыльнулся:

— Ну всё, поиграли и хватит.

Он в воздухе перехватил приблизившееся сбоку копьё, резко крутанул его и откинул Гефеста от себя. Затем прыгнул на Михаила Сергеевича, заставив того отскочить назад, и тут же сменил направление, бросившись в сторону, к Скрипачу. Всё произошло так быстро, что Кирилл попросту не успел среагировать. Удар ногой с хрустом заставил его колено неестественно выгнуться. Скрипач с криком начал заваливаться набок, прямо на несущийся навстречу кулак Прометея, со вспышкой пламени врезавшийся ему в живот. Тело металлиста отлетело в стену, врезавшись в ворота актового зала, бессильно скользнуло по ним вниз, и он затих.

— Минус один, — прокомментировал Прометей и бросился на Глазунова. Гефест кинулся ему наперерез, но огненный элементаль походя ударил его открытой ладонью по голове, откинув металлиста ступени Повелителя, словно тот был назойливой мухой.

— Подожди своей очереди, — голосом, не допускающим возражений, потребовал Прометей.

Громко зарывчав, Глазунов первым кинулся на Прометея. Бронзовый гладиатор поднял правую руку, и впервые в его жизни на ней материализовался короткий клинок, жалом скорпиона устремившийся к груди врага. Лезвие хищно мелькнуло в воздухе и бессильно замерло в схватившей его широкой бордовой ладони.

— Неплохо, — похвалил его Прометей. — Но этого недостаточно.

Он с силой потянул Глазунова на себя. Тот едва успел вскинуть щит, прикрываясь от удара коленом, но это его не спасло: оплавившийся щит изогнулся, рука под ним громко хрустнула, и Михаил Сергеевич застонал через стиснутые зубы и присел на одно колено, не отводя от противника ненавидящего взгляда.

Прометей, так и не отпустив клинка, одобрительно покивал:

— Достоинно держался. Ты отличный боец. Жаль, что не на моей стороне.

Катю словно парализовало. Она как в замедленной съёмке наблюдала, как Гефест бежит к Прометею в отчаянной попытке его остановить, и с ужасом понимала, что он не успеет. Никто не смог бы успеть.

Свободная рука Прометея неуловимым движением выстрелила вперёд, проигнорировала доспех Глазунова и разорвала ему горло.

С яростным криком Гефест прыгнул, широко размахнувшись копьём. Прометей наконец разжал руку и отскочил в сторону. Михаил Сергеевич, так и не отпустивший меча, начал бессильно заваливаться набок. Копьё Гефеста врезалось в пол там, где доли секунды назад стоял Прометей, и выбило из кафеля десятки крохотных осколков.

Прометей посмотрел на него с удивлением:

— Мне показалось, или тебя разозлила смерть племянника? Тебя, собственноручно убившего его отца? Вот так новость. Можешь не беспокоиться. Скоро ты присоединишься к своим родственникам.

Не отвечая, Гефест широко развёл руки в стороны. Копьё исчезло: вместо него возникло

два коротких изогнутых клинка. Они звериными клыками метнулись к шее Прометея.

Катя не могла поверить в то, что происходит. Оба оставшихся на ногах элементаля были Повелителями. Их сила стихии достигла вершины, на которую удавалось взобраться лишь немногим избранным.

Так почему разница между ними оказалась настолько велика?

Гефест бил быстро и яростно, наседав на Прометея изо всех сил, но тот со снисходительной улыбкой уходил от его мечей, изредка атакуя в ответ. В рыцарском доспехе повсюду виднелись прорехи, из которых выглядывала кровь. Забрало шлема исчезло, обнажив оскаленное, украшенное внушительным синяком лицо Гефеста. На Прометее же не было ни царапины.

После очередного столкновения они отпрыгнули в разные стороны. Грудь Гефеста тяжело вздымалась, с хрипом втягивая в лёгкие воздух. Руки, сжимавшие мечи, обессиленно опустились вниз. Прометей покачал головой:

— Пора заканчивать.

Он первым бросился в атаку. Запредельным усилием Гефест поднял клинки, но не для того, чтобы заблокировать удар: лезвия взметнулись навстречу Прометею в последней, отчаянной попытке забрать его с собой.

Прометей пригнулся, присел низко, так, что мечи, не встретив сопротивления, неловко мазнули воздух над его головой, и вскинул руку, одним пальцем пробив доспех, укрывающий левую половину груди металлического Повелителя. Глаза Гефеста расширились.

— Зря ты меня предал, — сказал Прометей, высвобождая руку.

Засипев, Гефест лицом вперёд упал на кафедру. Прометей, больше не обращая на него внимания, повернулся, собираясь уйти, но тут какое-то движение привлекло его внимание, и он замер, приподняв брови.

— А. Так ты ещё жив?

В бою нельзя отягощать свой ум бесполезными размышлениями. Есть только ты и твой противник, и единственное, на чём следует сосредоточиться, так это на том, как победить врага, и при этом уцелеть самому. Всё остальное — лишь отвлекающие факторы, а отвлекаться в бою подобно смерти.

И всё же Кирилл не мог перестать думать о том, в какой момент всё пошло не так.

Когда они совершили ошибку? В какой момент? Может, тогда, когда решили напасть несмотря на то, что пришли далеко не все элементали, которые должны были их поддержать? Или, быть может, когда Стрелок и Броненосец, поняв, что им не справиться с превосходящими силами Дома Прометея, сбежали, прихватив с собой своих людей? Что именно следовало предпринять, чтобы сегодняшнего провала не случилось?

По всему выходило, что главной ошибкой, которую они допустили, было прийти сюда.

Они были разгромлены. Те, кто пришёл с ним и Глазуновым, либо сбежали, либо лежали на полу, и проверить, живы они или нет, не представлялось никакой возможности. Из главарей банд остался сражаться лишь Бык, но и он пал, попав под огненный смерч одного из элементалей.

Возможно, если бы он не позволил Прометею сломать свою ногу... Или если бы щит не подвёл Глазунова... Или если бы Игорь, утром отправивший ему сообщение, чтобы объединённые силы банд выдвигались в Институт, тоже пришёл бы сюда, а не пропал и не отвечал на звонки... Тогда, быть может, им удалось бы... Скрипач осёкся.

Ничего бы не изменилось. Прометей был слишком силён.

Скрипач видел, как умер Миша. Они никогда не были близки с братом: Миша был на несколько лет старше, да и вообще в их Семье дружба была большой редкостью, но всё же Кирилл уважал Глазунова. Уважал за силу, за твёрдость характера, позволившую ему сказать об уходе Гефесту прямо в лицо. Сам Кирилл не стал никого предупреждать и позорно сбежал из Дома. На большее ему не хватило смелости.

Гефест... Глава Семьи Титановых внушал Кириллу страх. Его сила была несомненна и неоспорима, в глазах Скрипача он был недостижимым идолом, — но он тоже пал, не выдержав противостояния с Прометеем. А теперь его убийца направлялся к Кириллу:

— А. Так ты ещё жив?

Если Гефеста Кирилл просто боялся, то Прометей вызывал в нём животный ужас. Он поселился в душе Скрипача в тот день, когда огненный элементаль, избив его, словно беспомощного ребёнка, лишил его одного глаза, и с того самого дня лишь увеличивался, заполняя всё естество Кирилла. Сейчас он беспомощно смотрел на то, как огненный Повелитель приближается к нему, и тело Скрипача, сильнейшего из главарей банд, била неконтролируемая дрожь.

Собрав всю свою гордость в кулак, Скрипач попытался встать. Странно, но нога практически не болела, — наверное, из-за бушующего в крови адреналина. Кирилл с силой сжал челюсти, чтобы никто не услышал, как стучат от страха его зубы, и гордо вскинул голову, намереваясь встретить смерть лицом к лицу.

— Тебе пора, — сказал Прометей, поднимая руку, — Твои друзья тебя уже заждались.

«К сожалению, нас вряд ли можно считать друзьями», — печально подумал Кирилл, а в следующую секунду Прометей пронзил его сердце.

— Глава!

Прометей повернулся. Битва с тремя металлистами потребовала от него серьёзных усилий, но будь он проклят, если позволит своим подчинённым это заметить.

— Слушаю?

— Наши дозорные докладывают, что машины остальных Домов и Семей в нескольких минутах езды от Института. Что прикажете делать?

Краснота постепенно исчезала. Прометей посмотрел на свои руки: сейчас он выглядел практически как обычный человек.

В любой другой день он приказал бы остаться здесь. Сказал бы прибывшим Главам, что просто прибыл на место первым, чтобы разобраться в произошедшем, и остальные, не имея доказательств его причастности, не посмели бы возражать. На его стороне была сила, а этот аргумент важнее всех прочих. Но сейчас...

Аид и Гермес, пусть и были сильнейшими элементальными в своих Семьях, оставались Старшими Магами, а потому Прометей даже не воспринимал их всерьёз. Молодые Повелители вроде Ареса и Посейдона тоже не представляли опасности, как, впрочем, и выскочка-Зевс. Но если все они будут все вместе...

Прометей раздражённо цокнул языком. Это может стать проблемой, особенно учитывая тот факт, что вместе с остальными придёт и Деметра. Этого проклятого старика ввести в заблуждение не удастся: с его опытом он сразу поймёт, что Глава огненного Дома сейчас не в лучшей форме.

Нет. Прежде, чем встретиться лицом к лицу с остальными Главами, ему следовало

восстановиться.

— Мы сделали то, что нам было нужно, — приняв решение, громко произнёс Прометей. — Уходим отсюда.

— Что делать с выжившими? Добить? — спросил кто-то из его элементалей. Прометей обвёл присутствующих глазами: на ногах оставалось лишь несколько человек, настороженно наблюдающих за его действиями и не спешащих нападать.

«Разумное решение».

— Только тех, кто попытается помешать нам уйти.

Подавая пример остальным, Прометей первым направился к выходу. Остановить огненных элементалей никто не попытался — среди тех, кто выжил, дураков не осталось.

На выходе из дома Лазарев встретил Ждуна.

— Ты не очень-то торопился, — недовольно бросил Аркадий Борисович вместо приветствия.

Это было правдой. Получив сигнал тревоги, Игорь спокойно собрался, дважды перепроверил, чтобы ничего не забыть, в последний раз осмотрел служебную квартиру, ставшую его домом, и лишь после этого вместе с Соней вышел на улицу.

— Кто это с тобой? — Аркадий Борисович заметил девочку, скрывавшуюся за спиной Игоря.

— Неважно.

— Хм. А где Юля? Что-то я её не видел.

— Не знаю, — не моргнув глазом, солгал Игорь.

— Странно это всё. Ну что же, пусть так. Поедем в Институт Элементалей на моей машине.

— Поезжайте один, Аркадий Борисович, — предпринял последнюю попытку отвязаться Игорь. — Я догоню.

Ждун подозрительно прищурился:

— Разве у тебя появилась своя машина? Нет уж, Лазарев. В последнее время твоё поведение кажется мне подозрительным, так что давай-ка мы отправимся в Институт вместе.

«Похоже, мирно разойтись не получится», — понял Игорь и твёрдо произнёс:

— Я никуда не поеду.

— Как это понимать? Это измена?

Лазарев пожал плечами:

— Понимайте, как хотите. Только уйдите с дороги.

— Ну уж нет, — Аркадий Борисович грозно нахмурил брови. Одной рукой он достал из закреплённой за пазухой кобуры пистолет, направив его на Игоря. Вторая сняла с пояса наручники с характерным беловатым блеском родия. — Лазарев Игорь, вы арестованы за предательство. Развернитесь и сведите руки за спиной.

Разговаривать дальше не было смысла. Видимо, эта мысль ясно отразилась в глазах Игоря, потому что Ждун без предупреждения открыл по нему огонь.

Доспех активировался сам собой. Фигура Игоря разом стала массивнее, загородив собой Соню, и пули бессильно отскочили от серого камня.

Выпустив в Лазарева всю обойму, Ждун не стал тратить время на перезарядку и уронил пистолет на землю, выхватив из-за пазухи гранату и швырнув её элементарю в лицо. Игорь знал этот снаряд: до взрыва было три секунды.

Одна секунда. Лазарев бросился вперёд, навстречу гранате.

Вторая. Перехватив снаряд в воздухе, Игорь, не целясь, забросил её в воздух.

Третья. Взметнувшись так высоко, что она стала едва различима, граната взорвалась. Во все стороны разлетелись крохотные осколки характерного белого цвета.

«Так вот на что ты надеялся», — запоздало понял Игорь.

Он подскочил к Ждуну, намереваясь его вырубить. Убивать бывшего коллегу он не хотел, и едва за это не расплатился.

Игорь в последний момент уклонился от белого кастета, направленного ему точно в голову. Аркадий Борисович не зря был инструктором СЗГ: его удары были отточены до автоматизма, и, вооружившись родиевыми инструментами, он представлял собой серьёзную опасность.

Больше не смея недооценивать соперника, Лазарев вскинул кулак, врезав костяшками по бицепсу Ждуна. Тот выругался и тут же атаковал второй рукой, но Игорь резко приблизился к нему вплотную и ударил противника лбом в лицо. Голова Аркадия Борисовича откинулась назад, открывая горло, и Лазарев тут же врезал туда локтем.

Ждун захрипел и запнулся. Воспользовавшись секундным замешательством, Игорь ударил его кулаком в висок, предварительно убрав каменную перчатку. Глаза Аркадия Борисовича закатились, и он как подкошенный упал на асфальт.

Присев рядом с неподвижным противником, Игорь прижал руку к его шее, вдавил палец в артерию, ощутив неровный пульс. Жив. Игорь принялся ощупывать куртку Ждуна и вдруг почувствовал, словно его стихия недовольно заворочалась внутри тела, протестуя против обыска. Осенённый догадкой, Игорь заглянул под куртку. Грудь Аркадия Борисовича укрывала стандартная броня СЗГ — с той лишь разницей, что твёрдый пластик был заменён на пластины из полновесного родия.

«Серьёзно подготовился», — хмыкнул Игорь, наконец обнаружив то, что искал.

— Пойдём, — бросил он через плечо замершей на месте Соне, победно сжимая в руке ключи от машины Ждуна.

Дорога могла бы показаться скучной, если бы не активно снующие по городу машины. Все, как одна, дорогие и статусные, они, нарушая все мыслимые и немыслимые правила езды, мчались по направлению к Институту Элементалей. Ну что же, это было даже хорошо.

Потому что сам Лазарев ехал в другую сторону.

Высотки за окнами сменились частными домами пригорода, но Игорь на них практически не смотрел. Выехав на практически пустую трассу, ни с Соней едва преодолели половину пути.

— Что мы будем делать? — девочка, всю дорогу наблюдавшая за сменяющимися пейзажами сквозь окно, повернулась к Игорю. Лазарев ответил не сразу. Он устало потёр лицо, прочистил горло — но это не помогло: голос его всё равно прозвучал хрипловато:

— После того, что я натворил, нас будут искать. Придётся сбежать. Но у меня осталось ещё два дела, и отказаться от них я не могу. Поэтому, если ты не хочешь, я остановлюсь возле...

— Игорь, — недовольно перебила его Соня. — Прекрати.

— Ты не обязана ехать со мной.

— И всё же я еду.

Разговор сам собой затих. Впереди показался поворот с указателем на небольшой населённый пункт, единственной достопримечательностью которого был вокзал. Машина проехала мимо.

Вскоре Игорь наконец разглядел крупное здание, мрачным маяком обозначающим текущую цель Лазарева. Автомобиль съехал с асфальта и смачно захрустел колесами по щебёнке, ровная насыпь которой обозначала обочину. Высокие ворота из кованого железа грозно нависали над дорогой, вонзаясь в небо увенчивающими их чёрными пиками. Они выглядели так, будто были новыми, и Игорь на секунду задумался: были эти ворота

отремонтированы, или же их заменила их точная копия?

Он тут же отогнал нелепую мысль прочь. Сейчас было не самое удачное время для праздных рассуждений.

Возле ворот была припаркована ещё одна машина — одна из тех, которые Игорь окрестил дорогими и статусными. Лазарев не придал бы этому никакого значения, если бы в тот момент, когда он остановился на обочине, дверь автомобиля не открылась, выпуская с водительского сидения высокого мужчину с практически белыми волосами.

— Сиди здесь, — сказал Игорь Соне, не отводя напряжённого взгляда от Ареса. Он должен был быть вместе с прочими Главами в Институте Элементалей. А был — тут.

«Какого чёрта ты тут забыл?» — выругался про себя Игорь, вылезая наружу. Отступить в любом случае было поздно, да он и не собирался.

Морозов стоял в расстёгнутой кожаной куртке поверх чуть помятой белой рубашки. Его руки покоились в карманах джинсов, которые завершали образ, свойственный скорее какому-нибудь бандиту или оперативнику, — а Игорь знал, что подчас эти категории людей одевались одинаково, — но никак не Главе Семьи элементалей. Арес спокойно наблюдал за приближением Лазарева, не проявляя никакой враждебности.

— Добрый вечер, — поздоровался Игорь, не зная, с чего начать.

Морозов скривился:

— Давай обойдёмся без натянутой вежливости. Ты мне не нравишься. Полагаю, я для тебя тоже не самый желанный собеседник. Так что давай не будем тут перед другом расшаркиваться — в этом нет никакого смысла. Лучше сразу пойдём, — подавая пример, он первым пошёл к воротам.

— Куда? — насторожился Игорь. Он не знал, насколько Морозов был лоялен к Прометею, но опасался, что он здесь для того, чтобы остановить Лазарева. Поэтому Игорь не сдвинулся с места, лишь едва заметно пошевелил пальцами, готовясь атаковать Ареса, если только он попытается ему помешать.

Колебания Игоря не укрылись от Морозова. Он остановился в метре от ворот, медленно, раздражённо вздохнул. Повернул голову:

— Тебе не кажется, что, если бы мы были врагами, я напал бы на тебя сразу, а не предлагал пройти в чужой Дом?

— Может, ты ведёшь меня в ловушку, — не повёлся Игорь.

Арес равнодушно пожал плечами:

— Хорошо, давай проверим.

Во все стороны от элементаля ударила волна холодного воздуха, такая сильная, что у Игоря на секунду перехватило дыхание. Арес взмахнул руками, и в ворота ударил плотный поток из непрекращающихся осколков льда, разрушивший замок и распахнувший многострадальные створки.

— Похоже, ловушки тут нет, — язвительно заметил Морозов. — Ну так что, ты идёшь, или мне придётся справляться со всем в одиночку?

Игорь пошёл.

К центральному зданию вела прямая дорога, окружённая с обеих сторон кустарником, но Арес её проигнорировал. Разбежавшись, он перепрыгнул ближайший куст, и побежал прямо по газону.

— Сюда!

Едва Лазарев успел приземлиться на ноги, как им навстречу бросилось два незнакомых

элементалей. Первый из них не успел ничего предпринять, сходу напорвшись на вырвавшийся из-под земли ледяной часток. Второй оказался поопытнее. По его телу побежали многочисленные языки пламени, и он остановился на месте, преграждая дорогу, настороженно наблюдая за вторженцами и не спеша нападать.

Морозов взмахнул кистью, и в ней возник прямой двуручный клинок из чистого, почти прозрачного льда. Огненный элементаль понял, что обречён, но не отступил: сумев заблокировать несколько ударов, он пропустил удар в бедро, запнулся, и ледяной меч пронзил его сердце.

Когда Морозов выдернул клинок, Игорь вскинул брови. От двуручного меча осталась лишь половина.

— Враждебные стихии, — коротко пояснил Арес в ответ на недоумевающий взгляд Лазарева, тряхнул рукой — и клинок окончательно исчез.

Возможно, Морозов не слишком нравился Лазареву, и всё же Игорь не мог не признать, что его помощь была весьма кстати. Сам молодой элементаль не имел представления о том, куда следует идти, а потому был бы обречён потратить кучу времени на поиск вслепую. Уверенный бег Ареса говорил о том, что он готовился и точно знал, где находится их цель. А в том, что цель у них одна, Лазарев уже не сомневался.

— Как ты узнал, что я буду здесь? — Игорь догнал Морозова. Тот бросил на него косой взгляд, но всё же снизошёл до ответа:

— Я не знал. Когда утром мне позвонили и сказали, что в Институте Элементалей началась бойня с участием Дома Прометея, я понял, что это мой шанс, сел в машину и направился сюда. Так что, можно сказать, нам просто повезло. Ты подъехал, когда я обдумывал план действий.

— И что? Придумал что-то дельное?

Морозов неожиданно засмеялся:

— В одиночку — нет. Но вот если нас будет двое... Тогда, возможно, это сработает. Они уже знают о нашем проникновении — не могут не знать. Здесь есть охрана, — патруль из двух человек и несколько запасных смен. Сейчас, уверен, они готовятся к тому, чтобы на нас напасть. А делают они это, скорее всего, вон там, — рука Ареса указала на двухэтажное здание, отстоящее от них буквально на десяток метров.

— Нападём первыми? — на бегу уточнил Игорь, но Морозов отрицательно покачал головой:

— Нет времени. На нашей стороне — скорость и неожиданность, поэтому надо воспользоваться ими по максимуму. Но я попробую их задержать.

Подбежав к двери, он положил руку на замок, и выход из здания тут же заледенел.

— Надолго, конечно, не хватит, но это лучше, чем ничего.

Больше не задерживаясь, они практически оббежали огромный особняк по кругу. Игорь всё ждал, что их догонят и нападут со спины, но, по всей видимости, заморозка Ареса на двери оказалась надёжнее, чем он ожидал. В очередной раз Лазарев обернулся: здание охраны осталось буквально в сотне метров, а потому он увидел, как кучка элементалей, поняв, что выйти обычным путём не удастся, принялись выбираться наружу сквозь окна. Времени практически не оставалось, и это порядком нервировало, но тут Морозов остановился у небольшого сада, усаженного плодовыми деревьями.

— Дальше пойдёшь один. В глубине это сада скрыт одноэтажный домик. Она там.

— А ты?

— Хотел бы составить тебе компанию, но, к сожалению, я буду слегка занят, — кривовато ухмыльнулся Морозов, наблюдая за тем, как из-за деревьев им навстречу вышел мужчина. Игорь рассмотрел его тёмные волосы, нос с небольшой горбинкой, чуть выдающийся подбородок и понял, что эти черты ему хорошо знакомы. Мужчина взглянул на него в ответ, и насыщенно-карие глаза столкнулись со своей копией. Он моргнул.

— Никто дальше не пройдёт, — бесцветным голосом заявил охранник.

— Это ты так думаешь, Паш, — сказал Арес, утопая в обхватившей его тело ледяной броне. — Игорь, тебе пора.

Морозов побежал навстречу охраннику, на ходу материализовав уже знакомый Лазареву двуручный меч. Мужчина не дрогнул. Вокруг него взметнулась серая стихия, совсем не похожая на огонь, окружила его и сжалась, образовав почти чёрный доспех с чем-то вроде плюмажа, и две массивные булавы. Тёмное оружие скрестилось, встретилось с полупрозрачным мечом и они остаовились, замерли точно посередине между двумя элементами. В одну сторону отлетела мелкая ледяная крошка. В другую — серо-чёрные хлопья.

«Пепел», — догадался Игорь, бросаясь в гущу сада.

Позади раздался крики. Лазарев быстро кинул взгляд чрез плечо, чтобы увидеть, как оставшиеся охранники, наконец добрались до Ареса. Морозова быстро окружили, атакуя со всех сторон, и он скрылся от глаз Игоря в порождённом элементами сплошном огненном вихре.

«Почему там только огонь? — мелькнуло в голове Игоря. — Куда делся...»

Мысль не успела оформиться до конца, как Лазарев резко отскочил в сторону, пропуская мимо себя пепельную булаву. Не встретив сопротивления, оружие пронеслось дальше и сломало ствол молодой яблони. На землю осыпались десятки зрелых плодов. Не выпуская из виду пепельного элемента, Игорь побежал дальше, туда, где за последними деревьями виднелся невысокий каменный заборчик. Он знал, что так просто его не пропустят, но не упускал шанса отдалиться от сражающихся с Аресом охранников как можно дальше. Если и его свяжут боем — всё окажется бессмысленным.

Когда пепельный элементаль атаковал снова, Игорь уже приблизился к забору. Он был готов к нападению. Булава разминулась с его головой на какие-то жалкие сантиметры. Лазарев перехватил вытянутую руку противника в воздухе и дёрнул на себя, тут же почувствовав неладное. Его кисть увязла в пепле. Решение пришло мгновенно — Игорь активировал свой доспех на полную катушку, и элементаль вскрикнул, когда взрыв лавы уничтожил пепельную броню и обжёг руку. Лазарев не разжал пальцев. Крутанув врага, он от души швырнул его в каменный забор. Охранник упал, но быстро начал подниматься на ноги.

Понимая, что второго такого шанса может не представиться, Игорь прыгнул ему навстречу. Голова пепельного элемента оказалась между его коленом и каменным забором, словно между молотом и наковальней, и шлем, не выдержав такого урона, глухо хрустнул, разбросав во все стороны тёмно-серые хлопья. Мужчина упал на землю, не подавая признаков жизни.

Игоря объяло сомнение: для человека, способного сражаться на равных с Повелителем вроде Ареса, элементаль пал слишком быстро, и это наталкивало на определённые подозрения, однако размышлять об этом сейчас не было времени. Больше не оглядываясь, Игорь перемахнул через забор, буквально пролетел через ступеньки невзрачного

одноэтажного домика и распахнул дверь.

Его встретили голые стены. Единственная комната здания не имела никаких украшений и, можно сказать, пустовала, если не считать расположенного в самом центре саркофага, в сиянии доспеха Лазарева играющего бело-оранжевыми отблесками, и подставленного к нему простого деревянного стула.

Игорь пинком отбросил стул в сторону. Он ударился о стену и развалился на куски, но Лазарев даже не посмотрел в его сторону: всё его внимание было сосредоточено на саркофаге.

Уперевшись руками и чувствуя, как протестует его стихия, Игорь откинул крышку в сторону и всмотрелся в лицо человека, которого мечтал увидеть всю жизнь. Человека, из-за которого он рисковал и проник на территорию сильнейшего из Домов элементарей. Из-за которого он предал СЗГ и бросил людей, которые стали ему почти друзьями. Он робко коснулся мягкой щеки, которая за двадцать лет в родиевом плену совсем не постарела, и дрожащим от волнения голосом прошептал:

— Привет, мам. Прости, что так долго.

Больше книг на сайте - Knigoed.net